

DEUTSCHE LITERATUR

Adelbert von CHAMISSO
Адельберт фон ШАМИССО

Peter Schlemihls wundersame Geschichte
Необычайные приключения Петера Шлемиля

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

Русский текст печатается по изданию:

Адельберт Шамиссо. Необычайные приключения Петера Шлемиля. Повесть. Москва, ГИХЛ, 1955

- © Перевод с немецкого И. Татариновой
- © Стихотворение в переводе Ильи Едина
- © Примечания Е. Эткинда

Deutscher Text:

Peter Schlemihls wundersame Geschichte
Erstdruck: Nürnberg (Schrag) 1814.
Hier nach der Ausgabe von 1836.

© «Im-Werden-Verlag». Бесплатное электронное издание. Составление и оформление. 2003
<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

Адельберт Шамиссо, гравюра из издания *Сочинения Шамиссо* в трех частях, Лейпциг, 1907

Adelbert Chamisso, Gravüre aus der Ausgabe *Chamissos Werke* in drei Teilen, Leipzig, 1907

An meinen alten Freund Peter Schlemihl

Da fällt nun deine Schrift nach vielen Jahren
Mir wieder in die Hand, und - wundersam! -
Der Zeit gedenk ich, wo wir Freunde waren,
Als erst die Welt uns in die Schule nahm.
Ich bin ein alter Mann in grauen Haaren,
Ich überwinde schon die falsche Scham,
Ich will mich deinen Freund wie ehemals nennen
Und mich als solchen vor der Welt bekennen.

Mein armer, armer Freund, es hat der Schlaue
Mir nicht, wie dir, so übel mitgespielt;
Gestrebet hab ich und gehofft ins Blaue,
Und gar am Ende wenig nur erzielt;
Doch schwerlich wird berühren sich der Graue,
Daß er mich jemals fest am Schatten hielt;
Den Schatten hab ich, der mir angeboren,
Ich habe meinen Schatten nie verloren.

Mich traf, obgleich unschuldig wie das Kind,
Der Hohn, den sie für deine Blöße hatten.-
Ob wir einander denn so ähnlich sind?!-
Sie schrien mir nach: Schlemihl, wo ist dein Schatten?
Und zeigt ich den, so stellten sie sich blind ermatten?
Und konnten gar zu lachen nicht ermatten.
Was hilft es denn! man trägt es in Geduld,
Und ist noch froh, fühlt man sich ohne Schuld.

Und was ist denn der Schatten? möcht ich fragen,
Wie man so oft mich selber schon gefragt,
So überschwenglich hoch es anzuschlagen,
Wie sich die arge Welt es nicht versagt?
Das gibt sich schon nach neunzehn Tausend Tagen,
Die, Weisheit bringend, über uns getagt;
Die wir dem Schatten Wesen sonst verliehen,
Sehn Wesen jetzt als Schatten sich verziehen.

Wir geben uns die Hand darauf, Schlemihl,
Wir schreiten zu, und lassen es beim Alten;
Wir kümmern uns um alle Welt nicht viel,
Es desto fester mit uns selbst zu halten;
Wir gleiten so schon näher unserm Ziel,
Ob jene lachten, ob die andern schalten,
Nach allen Stürmen wollen wir im Hafen
Doch ungestört gesunden Schlafes schlafen.

Berlin, August 1834

Adelbert von Chamisso

МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ ПЕТЕРУ ШЛЕМИЛЮ

Твоя давно забытая тетрадь
Случайно в руки мне попала снова.
Я вспомнил дни минувшие опять,
Когда нас мир в ученье брал сурово.
Я стар и сед, мне нужды нет скрывать
От друга юности простое слово:
Я друг твой прежний перед целым светом,
Наперекор насмешкам и наветам.

Мой бедный друг, со мной тогда лукавый
Не так играл, как он играл с тобой.
И я в те дни искал напрасно славы,
Парил без пользы в выси голубой.
Но Сатана похвастаться не вправе,
Что тень мою купил он той порой.
Со мною тень, мне данная с рожденья,
Я всюду и всегда с моего тенью.

И хоть я не был виноват ни в чем,
Да и лицом с тобою мы не схожи,
«Где тень твоя?» — кричали мне кругом,
Смеясь и корча шутовские рожи.
Я тень показывал. Что толку в том?
Они б смеялись и на смертном ложе.
Нам силы для терпения даны,
И благо, коль не чувствуем вины.

Но что такое тень? — спросить хочу я,
Хоть сам вопрос такой слышал не раз,
И злобный свет, придав цену большую,
Не слишком ли вознес ее сейчас?
Но годы миновавшие такую
Открыли мудрость высшую для нас:
Бывало, тень мы называли сутью,
А нынче суть и та покрыта мутью.

Итак, друг другу руки мы пожмем,
Вперед, и пусть все будет, как бывало.
Печалиться не станем о былом,
Когда теснее наша дружба стала.
Мы к цели приближаемся вдвоем,
И злобный мир нас не страшит нисколько.
А стихнут бури, в гавани с тобой,
Уснув, найдем мы сладостный покой

Берлин, август 1834

Адельберт фон Шамиссо

An Julius Eduard Hitzig
von Adelbert von Chamisso

Du vergisdest niemanden, Du wirst Dich noch eines gewissen Peter Schlemihls erinnern, den Du in früheren Jahren ein paar Mal bei mir gesehen hast, ein langbeiniger Bursch, den man ungeschickt glaubte, weil er linkisch war, und der wegen seiner Trägheit für faul galt. Ich hatte ihn lieb - Du kannst nicht vergessen haben, Eduard, wie er uns einmal in unserer grünen Zeit durch die Sonette lief, ich brachte ihn mit auf einen der poetischen Tees, wo er mir noch während des Schreibens einschlief, ohne das Lesen abzuwarten. Nun erinnere ich mich auch eines Witzes, den Du auf ihn machtest. Du hattest ihn nämlich schon, Gott weiß wo und wann, in einer alten schwarzen Kurtka gesehen, die er freilich damals noch immer trug, und sagtest: »der ganze Kerl wäre glücklich zu schätzen, wenn seine Seele nur halb so unsterblich wäre, als seine Kurtka.« - So wenig galt er bei Euch. - Ich hatte ihn lieb. - Von diesem Schlemihl nun, den ich seit langen Jahren aus dem Gesicht verloren hatte, rührt das Heft her, das ich Dir mitteilen will. - Dir nur, Eduard, meinem nächsten, innigsten Freunde, meinem besten Ich, vor dem ich kein Geheimnis verwahren kann, teil ich es mit, nur Dir und, es versteht sich von selbst, unserm Fouqué, gleich Dir in meiner Seele eingewurzelt - aber in ihm teil ich es bloß dem Freunde mit, nicht dem Dichter.-

Ihr werdet einsehen, wie unangenehm es mir sein würde, wenn etwa die Beichte, die ein ehrlicher Mann im Vertrauen auf meine Freundschaft und Redlichkeit an meiner Brust ablegt, in einem Dichterwerke an den Pranger geheftet würde, oder nur wenn überhaupt unheilig verfahren würde, wie mit einem Erzeugnis schlechten Witzes, mit einer Sache, die das nicht ist und sein darf. Freilich muß ich selbst gestehen, daß es um die Geschichte Schad ist, die unter des guten Mannes Feder nur albern geworden, daß sie nicht von einer geschickteren fremden Hand in ihrer ganzen komischen Kraft dargestellt werden kann. - Was würde nicht Jean Paul daraus gemacht haben! - Übrigens, lieber Freund, mögen hier manche genannt sein, die noch leben; auch das will beachtet sein.-

Noch ein Wort über die Art, wie diese Blätter an mich gelangt sind. Gestern früh bei meinem Erwachen gab man sie mir ab - ein wunderlicher Mann, der einen langen grauen Bart trug, eine ganz abgenützte schwarze Kurtka anhatte, eine botanische Kapsel darüber umgehungen, und bei dem feuchten, regnichten Wetter Pantoffeln über seine Stiefel, hatte sich nach mir erkundigt und dieses für mich hinterlassen; er hatte, aus Berlin zu kommen, vorgegeben. —

Kunersdorf, den 27. Sept. 1813

Adelbert von Chamisso

P. S. Ich lege Dir eine Zeichnung bei, die der kunstreiche Leopold, der eben an seinem Fenster stand, von der auffallenden Erscheinung entworfen hat. Als er den Wert, den ich auf diese Skizze legte, gesehen hat, hat er sie mir gerne geschenkt.

ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ГИТЦИГУ
от Адельберта фон Шамиссо

Ты не забываешь никого; ты, конечно, еще помнишь некоего Шлемиля, ибо в давние годы не раз встречал его у меня — такой долговязый малый, который слыл растяпой, потому что был неповоротлив, и лентяем, потому что был нерасторопен. Мне он нравился. Ты, Эдуард, конечно не забыл, как однажды в нашу «зеленую» эпоху он увильнул от наших стихотворных опытов: я взял его с собой на очередное наше поэтическое чаепитие, а он заснул, пока сонеты еще только сочинялись, не дождавшись чтения. Мне вспоминается также, как ты сострил на его счет. Ты уже видел его, не знаю где и когда, в старой черной венгерке, в которой он был и на этот раз, и ты сказал: «Этот малый мог бы почесть себя счастливецем, ежели бы его душа была хоть наполовину столь же бессмертна, как его куртка». Вот ведь какого неважного мнения вы были о нем. Мне он нравился.

От этого-то самого Шлемиля, которого я потерял из виду много лет назад, и досталась мне тетрадь, кою я доверяю теперь тебе. Лишь тебе, Эдуард, моему самому близкому, самому закадычному другу, моему второму «я», от которого у меня нет секретов, доверяю я ее, лишь тебе и, само собой разумеется, нашему Фуке, также занявшему прочное место в моем сердце, но ему только как другу, а не как поэту. Вы поймете, сколь мне было бы неприятно, если бы исповедь честного человека, положившегося на мою дружбу и порядочность, была высмеяна в литературном произведении и даже если бы вообще отнеслись без должного благоговения, как к неостроумной шутке, к тому, с чем нельзя и не должно шутить. Правда, надо сознаться, мне жалко, что эта история, вышедшая из-под пера доброго малого Шлемиля, звучит нелепо, что она не передана со всей силой заключенного в ней комизма умелым мастером. Что бы сделал из нее Жан-Поль! Кроме всего прочего, любезный друг, в ней, возможно, упоминаются и ныне здравствующие люди; это тоже надо принять во внимание.

Еще несколько слов о том, как попали ко мне эти листки. Я получил их вчера рано утром, как только проснулся, — какой-то странного вида человек, с длинной седой бородой, одетый в изношенную черную венгерку, с ботанизиркой через плечо и, несмотря на сырую, дождливую погоду, в туфлях поверх сапог, справился обо мне и оставил эту тетрадь. Он сказал, что прибыл из Берлина.

Кунерсдорф, 27 сентября 1813 г.

Адельберт фон Шамиссо

P. S. Прилагаю набросок, сделанный искусником Леопольдом, который как раз стоял у окна и был поражен необычайным явлением. Когда он узнал, что я дорожу рисунком, он охотно подарил его мне.

Peter Schlemihls wundersame Geschichte

I.

Nach einer glücklichen, jedoch für mich sehr beschwerlichen Seefahrt, erreichten wir endlich den Hafen. Sobald ich mit dem Boote ans Land kam, belud ich mich selbst mit meiner kleinen Habseligkeit, und durch das wimmelnde Volk mich drängend, ging ich in das nächste, geringste Haus hinein, vor welchem ich ein Schild hängen sah. Ich beehrte ein Zimmer, der Hausknecht maß mich mit einem Blick und führte mich unters Dach. Ich ließ mir frisches Wasser geben, und genau beschreiben, wo ich den Herrn Thomas John aufzusuchen habe: - »Vor dem Nordertor, das erste Landhaus zur rechten Hand, ein großes, neues Haus, von rot und weißem Marmor mit vielen Säulen.« Gut. - Es war noch früh an der Zeit, ich schnürte sogleich mein Bündel auf, nahm meinen neu gewandten schwarzen Rock heraus, zog mich reinlich an in meine besten Kleider, steckte das Empfehlungsschreiben zu mir, und setzte mich alsbald auf den Weg zu dem Manne, der mir bei meinen bescheidenen Hoffnungen förderlich sein sollte.

Nachdem ich die lange Norderstraße hinaufgestiegen, und das Tor erreicht, sah ich bald die Säulen durch das Grüne schimmern - »also hier«, dacht ich. Ich wischte den Staub von meinen Füßen mit meinem Schnupftuch ab, setzte mein Halstuch in Ordnung, und zog in Gottes Namen die Klingel. Die Tür sprang auf. Auf dem Flur hatt ich ein Verhör zu bestehn, der Portier ließ mich aber anmelden, und ich hatte die Ehre, in den Park gerufen zu werden, wo Herr John - mit einer kleinen Gesellschaft sich erging. Ich erkannte gleich den Mann am Glanze seiner wohlbeleibten Selbstzufriedenheit. Er empfing mich sehr gut, - wie ein Reicher einen armen Teufel, wandte sich sogar gegen mich, ohne sich jedoch von der übrigen Gesellschaft abzuwenden, und nahm mir den dargehaltenen Brief aus der Hand. - »So, so! von meinem Bruder, ich habe lange nichts von ihm gehört. Er ist doch gesund? - Dort«, fuhr er gegen die Gesellschaft fort, ohne die Antwort zu erwarten, und wies mit dem Brief auf einen Hügel, »dort laß ich das neue Gebäude aufführen.« Er brach das Siegel auf und das Gespräch nicht ab, das sich auf den Reichtum lenkte. »Wer nicht Herr ist wenigstens einer Million«, warf er hinein, »der ist, man verzeihe mir das Wort, ein Schuft!« - »O wie wahr!« rief ich aus mit vollem überströmenden Gefühl. Das mußte ihm gefallen, er lächelte mich an und sagte: »Bleiben Sie hier, lieber Freund, nachher hab ich vielleicht Zeit, Ihnen zu sagen, was ich hiezu denke«, er deutete auf den Brief, den er sodann einsteckte, und wandte sich wieder zu der Gesellschaft. - Er bot einer jungen Dame den Arm, andere Herren bemühten sich um andere Schönen, es fand sich, was sich paßte, und man wallte dem rosenumblühten Hügel zu.

Ich schlich hinterher, ohne jemandem beschwerlich zu fallen, denn keine Seele bekümmerte sich weiter um mich. Die Gesellschaft war sehr aufgeräumt, es ward getändelt und gescherzt, man sprach zuweilen von leichtsinnigen Dingen wichtig, von wichtigen öfters leichtsinnig, und gemächlich erging besonders der Witz über abwesende Freunde und deren Verhältnisse. Ich war da zu fremd, um von alle dem vieles zu verstehen, zu bekümmert und in mich gekehrt, um den Sinn auf solche Rätsel zu haben.

Wir hatten den Rosenhain erreicht. Die schöne Fanny, wie es schien, die Herrin des Tages, wollte aus Eigensinn einen blühenden Zweig selbst brechen, sie verletzte sich an einem Dorn, und wie von

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ

1

После благополучного, хотя и очень для меня тягостного плавания корабль наш вошел, наконец, в гавань. Как только шлюпка доставила меня на берег, я забрал свои скудные пожитки и, протолкавшись сквозь суетливую толпу, направился к ближайшему скромному с виду дому, на котором узрел вывеску гостиницы. Я спросил комнату. Слуга осмотрел меня с ног до головы и провел наверх, под крышу. Я приказал подать холодной воды и попросил толком объяснить, как найти господина Томаса Джона.

— Сейчас же за Северными воротами, первая вилла по правую руку, большой новый дом с колоннами, отделанный белым и красным мрамором.

Так. Было еще раннее утро. Я развязал свои пожитки, достал недавно перелицованный черный сюртук, тщательно оделся во все, что у меня было лучшего, сунул в карман рекомендательное письмо и отправился на розыски человека, с помощью которого надеялся осуществить свои скромные мечты.

Пройдя всю длинную Северную улицу до самого конца, я сейчас же за воротами увидел белевшие сквозь листву колонны. «Итак, я у цели!» — подумал я. Смахнул носовым платком пыль с башмаков, поправил галстук и, благословясь, дернул за звонок. Дверь распахнулась. В прихожей мне был учинен настоящий допрос. Швейцар все же приказал доложить обо мне, и я удостоился чести предстать перед господином Джоном, который прогуливался в парке с близкими друзьями. Я сейчас же признал хозяина по дородству и сияющей самодовольством физиономии. Он принял меня очень хорошо — как богач нищего, даже повернул ко мне голову, правда, не отвернувшись от остального общества, и взял у меня из рук протянутое письмо.

— Так, так, так! От брата! Давненько не было о нем ни слуху ни духу. Значит, здоров? Вон там, — продолжал он, обращаясь к гостям и не дожидаясь ответа, и указал письмом на пригорок, — вон там я построю новое здание. — Он разорвал конверт, но не прервал разговора, который перешел на богатство. — У кого нет хотя бы полмиллионного состояния, — заметил он, — тот, простите меня за грубое слово, — голодранец!

— Ах, как это верно! — воскликнул я с самым искренним чувством.

Должно быть, мои слова пришлись ему по вкусу. Он улыбнулся и сказал:

— Не уходите, голубчик, может статься я найду потом время и потолкую с вами насчет вот этого.

Он указал на письмо, которое тут же сунул в карман, а затем снова занялся гостями. Хозяин предложил руку одной молодой особе, другие господа любезничали с другими красотками, каждый нашел себе даму по вкусу, и все общество направилось к поросшей розами горке.

Я поплелся сзади, никого собой не обременяя, так как никто уже мною не интересовался. Гости были очень веселы, дурачились и шутили, порой серьезно разговаривали о пустяках, часто пустословили о серьезном и охотно острили насчет отсутствующих друзей. Я плохо понимал, о чем шла речь, ибо был чужим в их компании и не вникал в эти загадки, ибо был слишком озабочен и занят своими мыслями.

Мы дошли до зарослей роз. Очаровательной Фаяни, которая казалась царицей праздника, заблагорассудилось самой сорвать цветущую ветку; она наколола шипом палец, и на ее нежную

den dunkeln Rosen, floß Purpur auf ihre zarte Hand. Dieses Ereignis brachte die ganze Gesellschaft in Bewegung. Es wurde Englisch Pflaster gesucht. Ein stiller, dünner, hagerer, länglicher, ältlicher Mann, der neben mir ging, und den ich noch nicht bemerkt hatte, steckte sogleich die Hand in die knapp anliegende Schoßtasche seines altfränkischen, grautaffentnen Rockes, brachte eine kleine Brieftasche daraus hervor, öffnete sie, und reichte der Dame mit devoter Verbeugung das Verlangte. Sie empfing es ohne Aufmerksamkeit für den Geber und ohne Dank, die Wunde ward verbunden, und man ging weiter den Hügel hinan, von dessen Rücken man die weite Aussicht über das grüne Labyrinth des Parkes nach dem unermesslichen Ozean genießen wollte.

Der Anblick war wirklich groß und herrlich. Ein lichter Punkt erschien am Horizont zwischen der dunklen Flut und der Bläue des Himmels. »Ein Fernrohr her!« rief John, und noch bevor das auf den Ruf erscheinende Dienervolk in Bewegung kam, hatte der graue Mann, bescheiden sich verneigend, die Hand schon in die Rocktasche gesteckt, daraus einen schönen Dollond hervorgezogen, und es dem Herrn John eingehändigt. Dieser, es sogleich an das Aug bringend, benachrichtigte die Gesellschaft, es sei das Schiff, das gestern ausgelaufen, und das widrige Winde im Angesicht des Hafens zurücke hielten. Das Fernrohr ging von Hand zu Hand, und nicht wieder in die des Eigentümers; ich aber sah verwundert den Mann an, und wußte nicht, wie die große Maschine aus der winzigen Tasche herausgekommen war; es schien aber niemandem aufgefallen zu sein, und man bekümmerte sich nicht mehr um den grauen Mann, als um mich selber.

Erfrischungen wurden gereicht, das seltenste Obst aller Zonen in den kostbarsten Gefäßen. Herr John machte die Honneurs mit leichtem Anstand und richtete da zum zweiten Mal ein Wort an mich: »Essen Sie nur; das haben Sie auf der See nicht gehabt.« Ich verbeugte mich, aber er sah es nicht, er sprach schon mit jemand anderem.

Man hätte sich gern auf den Rasen, am Abhange des Hügels, der ausgespannten Landschaft gegenüber gelagert, hätte man die Feuchtigkeit der Erde nicht gescheut. Es wäre göttlich, meinte wer aus der Gesellschaft, wenn man türkische Teppiche hätte, sie hier auszubreiten. Der Wunsch war nicht so bald ausgesprochen, als schon der Mann im grauen Rock die Hand in der Tasche hatte, und mit bescheidener, ja demütiger Geberde einen reichen, golddurchwirkten türkischen Teppich daraus zu ziehen bemüht war. Bediente nahmen ihn in Empfang, als müsse es so sein, und entfalteten ihn am begehrten Orte. Die Gesellschaft nahm ohne Umstände Platz darauf; ich wiederum sah betroffen den Mann, die Tasche, den Teppich an, der über zwanzig Schritte in der Länge und zehn in der Breite maß, und rieb mir die Augen, nicht wissend, was ich dazu denken sollte, besonders da niemand etwas Merkwürdiges darin fand.

Ich hätte gern Aufschluß über den Mann gehabt, und gefragt, wer er sei, nur wußt ich nicht, an wen ich mich richten sollte, denn ich fürchtete mich fast noch mehr vor den Herren Bedienten, als vor den bedienten Herren. Ich faßte endlich ein Herz, und trat an einen jungen Mann heran, der mir von minderm Ansehen schien als die andern, und der öfter allein gestanden hatte. Ich bat ihn leise, mir zu sagen, wer der gefällige Mann sei dort im grauen Kleide. - »Dieser, der wie ein Ende Zwirn aussieht? der einem Schneider aus der Nadel entlaufen ist?« Ja, der allein steht - »den kenn ich nicht«, gab er mir zur Antwort, und, wie es schien, eine längere Unterhaltung mit mir zu vermeiden, wandt er sich weg und sprach von gleichgültigen Dingen mit einem andern.

Die Sonne fing jetzt stärker zu scheinen an, und ward den Damen beschwerlich; die schöne Fanny richtete nachlässig an den grauen Mann, den, so viel ich weiß, noch niemand angeredet hatte, die leichtsinnige Frage: ob er nicht auch vielleicht ein Zelt bei sich habe? Er beantwortete sie durch eine so tiefe Verbeugung, als widerfahre ihm eine unverdiente Ehre, und hatte schon die Hand in der Tasche, aus der ich Zeuge, Stangen, Schnüre, Eisenwerk, kurz, alles, was zu dem prachtvollsten Lustzelt gehört, herauskommen sah. Die jungen Herren halfen es ausspannen, und es überhing die ganze Ausdehnung des Teppichs - und keiner fand noch etwas Außerordentliches darin.

Mir war schon lang unheimlich, ja graulich zu Mute, wie ward mir vollends, als beim nächst ausgesprochenen Wunsch ich ihn noch aus seiner Tasche drei Reitpferde, ich sage Dir, drei schöne,

руку упали алые капли, словно оброненные темными розами. Это происшествие взбудоражило все общество, гости бросились искать английский пластырь. Молчаливый господин в летах, сухопарый и длинный, которого я до тех пор не заметил, хотя он шел вместе со всеми, сейчас же сунул руку в плотно прилегающий боковой карман своего старомодного серого шелкового фрака, достал маленький бумажник, открыл его и с почтительным поклоном подал даме желаемое. Она взяла пластырь, не взглянув на подателя и не поблагодарив его; царяпину заклеили, и все общество двинулось дальше, чтоб насладиться открывавшимся с вершины холма видом на зеленый лабиринт парка и **бесконечный простор океана**.

Зрелище действительно было грандиозное и прекрасное. На горизонте, между темными волнами и небесной лазурью, появилась светлая точка.

— Подать сюда подзорную трубу! — крикнул господин Джон, и не успели прибежавшие на зов слуги выполнить приказание, как серый человек сунул руку во внутренний карман, вытащил оттуда прекрасный **доллонд** и со смиренным поклоном подал господину Джону. Тот тут же приставил трубу к глазу и сообщил, что это корабль, вчера снявшийся с якоря, но из-за противного ветра до сих пор не вышедший в открытое море. Подзорная труба переходила из рук в руки и не возвращалась обратно к своему владельцу. Я же с удивлением смотрел на него и недоумевал, как мог уместиться такой большой предмет в таком маленьком кармане. Но все остальные, казалось, приняли это как должное, и человек в сером возбуждал в них столь же мало любопытства, как и я.

Подали в драгоценных вазах фрукты — редчайшие плоды всех поясов. Господин Джон потчевал гостей более или менее любезно; тут он во второй раз обратился ко мне:

— Кушайте на здоровье! Этого вам во время плавания есть не довелось!

Я поклонился, но он даже не заметил; он уже разговаривал с кем-то другим.

Компания охотно расположилась бы на лужайке на склоне холма, откуда открывался широкий вид, да только все боялись сидеть на сырой земле. Кто-то из гостей пожалел, что нет турецкого ковра, который можно было бы расстелить здесь. Не успел он высказать это желание, как человек в сером уже сунул руку в карман и со скромным, даже смиренным видом стал вытаскивать оттуда роскошный золототканый ковер. Лакеи как ни в чем не бывало подхватили его и разостлали на облюбованном месте. Не долго думая, компания расположилась на ковре; я же опять с недоумением глядел то на человека, то на карман, а затем на ковер, в котором было не меньше двадцати шагов в длину и десяти в ширину, я тер глаза, не зная, что и думать, тем более что никто как будто не находил в этом ничего чудесного.

Мне очень хотелось узнать, кто этот человек, я только не знал, к кому обратиться за разъяснениями, потому что перед господами лакеями робел, пожалуй, еще больше, чем перед самими, господами. Наконец я набрался храбрости и подошел к молодому человеку, как будто не такому важному, как другие, и часто стоявшему в одиночестве. Я вполголоса осведомился, кто этот обязательный человек в сером.

— Тот, что похож на нитку, выскользнувшую из иглы портного?

— Да, тот, что стоит один.

— Не знаю! — ответил он, и отвернулся, как мне показалось, желая избежать дальнейшей беседы со мной, и тут же заговорил о всяких пустяках с кем-то другим.

Солнце уже сильно припекало, и жара начала тяготить дам. Очаровательная Фанни небрежно обратилась к серому человеку, с которым, насколько я помню, еще никто не разговаривал, и задала ему необдуманный вопрос: не найдется ли у него заодно и палатки? Он ответил таким низким поклоном, словно на его долю выпала незаслуженная честь, и сейчас же сунул руку в карман, из которого у меня на глазах извлек материю, колышки, шнуры, железный остов — словом, все, что требуется для роскошного шатра. Молодые люди помогли разбить палатку, которая растянулась над всем ковром, — и опять это никого не поразило.

Мне уже давно было как-то не по себе, даже страшновато, что же я почувствовал, когда при следующем высказанном вслух желании он вытащил из кармана трех верховых лошадей

große Rappen mit Sattel und Zeug herausziehen sah! - denke Dir, um Gotteswillen! drei gesattelte Pferde noch aus derselben Tasche, woraus schon eine Briefftasche, ein Fernrohr, ein gewirkter Teppich, zwanzig Schritte lang und zehn breit, ein Lustzelt von derselben Größe, und alle dazu gehörigen Stangen und Eisen, herausgekommen waren! - Wenn ich Dir nicht beteuerte, es selbst mit eigenen Augen angesehen zu haben, würdest Du es gewiß nicht glauben.

So verlegen und demütig der Mann selbst zu sein schien, so wenig Aufmerksamkeit ihm auch die andern schenkten, so ward mir doch seine blasse Erscheinung, von der ich kein Auge abwenden konnte, so schauerlich, daß ich sie nicht länger ertragen konnte.

Ich beschloß, mich aus der Gesellschaft zu stehlen, was bei der unbedeutenden Rolle, die ich darinnen spielte, mir ein Leichtes schien. Ich wollte nach der Stadt zurückkehren, am andern Morgen mein Glück beim Herrn John wieder versuchen, und, wenn ich den Mut dazu fände, ihn über den seltsamen grauen Mann befragen. - Wäre es mir nur so zu entkommen geglückt!

Ich hatte mich schon wirklich durch den Rosenhain, den Hügel hinab, glücklich geschlichen, und befand mich auf einem freien Rasenplatz, als ich aus Furcht, außer den Wegen durchs Gras gehend angetroffen zu werden, einen forschenden Blick um mich warf. - Wie erschrak ich, als ich den Mann im grauen Rock hinter mir her und auf mich zukommen sah. Er nahm sogleich den Hut vor mir ab, und verneigte sich so tief, als noch niemand vor mir getan hatte. Es war kein Zweifel, er wollte mich anreden, und ich konnte, ohne grob zu sein, es nicht vermeiden. Ich nahm den Hut auch ab, verneigte mich wieder, und stand da in der Sonne mit bloßem Haupt wie angewurzelt. Ich sah ihn voller Furcht stier an, und war wie ein Vogel, den eine Schlange gebannt hat. Er selber schien sehr verlegen zu sein; er hob den Blick nicht auf, verbeugte sich zu verschiedenen Malen, trat näher, und redete mich an mit leiser, unsicherer Stimme, ungefähr im Tone eines Bettelnden.

»Möge der Herr meine Zudringlichkeit entschuldigen, wenn ich es wage, ihn so unbekannter Weise aufzusuchen, ich habe eine Bitte an ihn. Vergönnen Sie gnädigst -« - »Aber um Gotteswillen, mein Herr!« brach ich in meiner Angst aus, »was kann ich für einen Mann tun, der -« wir stutzten beide, und wurden, wie mir dünkt, rot.

Er nahm nach einem Augenblick des Schweigens wieder das Wort: »Während der kurzen Zeit, wo ich das Glück genoß, mich in Ihrer Nähe zu befinden, hab ich, mein Herr, einige Mal - erlauben Sie, daß ich es Ihnen sage - wirklich mit unaussprechlicher Bewunderung den schönen, schönen Schatten betrachten können, den Sie in der Sonne, und gleichsam mit einer gewissen edlen Verachtung, ohne selbst darauf zu merken, von sich werfen, den herrlichen Schatten da zu Ihren Füßen. Verzeihen Sie mir die freilich kühne Zumutung. Sollten Sie sich wohl nicht abgeneigt finden, mir diesen Ihren Schatten zu überlassen?«

Er schwieg, und mir gings wie ein Mühlrad im Kopfe herum. Was sollt ich aus dem seltsamen Antrag machen, mir meinen Schatten abzukaufen? Er muß verrückt sein, dacht ich, und mit verändertem Tone, der zu der Demut des seinigen besser paßte, erwiderte ich also:

»Ei, ei! guter Freund, habt Ihr denn nicht an Eurem eignen Schatten genug? das heiß ich mir einen Handel von einer ganz absonderlichen Sorte.« Er fiel sogleich wieder ein: »Ich hab in meiner Tasche manches, was dem Herrn nicht ganz unwert scheinen möchte; für diesen unschätzbaren Schatten halt ich den höchsten Preis zu gering.«

Nun überfiel es mich wieder kalt, da ich an die Tasche erinnert ward, und ich wußte nicht, wie ich ihn hatte guter Freund nennen können. Ich nahm wieder das Wort, und suchte es, wo möglich, mit unendlicher Höflichkeit wieder gut zu machen.

»Aber, mein Herr, verzeihen Sie Ihrem untertänigsten Knecht. Ich verstehe wohl Ihre Meinung nicht ganz gut, wie könnt ich nur meinen Schatten - « Er unterbrach mich:

— говорю тебе, трех прекрасных, крупных вороных, взнузданных и оседланных! Нет, ты только представь себе — еще и трех оседланных лошадей, и все из того же кармана, откуда уже вылезли бумажник, подзорная труба, тканый ковер двадцати шагов в длину и десяти в ширину, шатер тех же размеров со всеми нужными колышками и железными прутьями! Если бы не мое честное слово, подтверждающее, что я видел все это собственными глазами, ты бы мне, конечно, не поверил.

Человек этот держался очень застенчиво и скромно, окружающие обращали на него мало внимания, и все же в его бледном лице, от которого я не мог отвести взгляд, было что-то такое жуткое, что под конец я не выдержал.

Я решил незаметно удалиться, мне это казалось совсем не трудным, принимая во внимание незначительную роль, которую я играл в здешнем обществе. Я хотел воротиться в город, на следующее утро снова попытаться счастья и, если наберусь храбрости, расспросить господина Джона о странном человеке в сером. Ах, если бы мне удалось тогда скрыться!

Я уже благополучно пробрался через заросли роз до подножия холма и очутился на открытой лужайке, но тут, испугавшись, как бы кто не увидел, что я иду не по дорожке и мну траву, я огляделся вокруг. Как же я перетрусил, когда увидел, что человек в сером идет за мной следом и уже приближается. Он сейчас же снял шляпу и поклонился так низко, как еще никто мне не кланялся. Сомнения быть не могло, — он собирался со мной заговорить, и с моей стороны было бы неучтиво уклониться от разговора. Я тоже снял шляпу и, несмотря на яркое солнце, так, с непокрытой головой замер на месте. Я смотрел на него с ужасом, не отрываясь, словно птица, замороженная взглядом змеи. Он тоже казался очень смущенным; не подымая глаз и отвешивая все новые поклоны, подошел он ближе и заговорил со мной тихо и неуверенно, тоном просителя.

— Извините, сударь, не сочтите с моей стороны навязчивостью, ежели я, не будучи с вами знаком, осмеливаюсь вас задерживать: у меня до вас просьба. Ежели милость ваша будет, дозволейте...

— Господи помилуй, сударь! — воскликнул я в страхе. — Чем могу я быть полезен человеку, который...

Мы оба смутились и, как мне сдается, покраснели. После минутного молчания он снова начал:

— В течение того короткого времени, когда я имел счастье наслаждаться вашим обществом, я, сударь, несколько раз — позвольте вам это высказать — любовался той поразительно красивой тенью, которую вы, будучи освещены солнцем, сами того не замечая, отбрасывали от себя, я сказал бы, с некоторым благородным пренебрежением, — любовался вот этой самой великолепной тенью у ваших ног! Не сочтите мой вопрос дерзким: вы ничего не будете иметь против, ежели я попрошу вас уступить мне свою тень?

Он замолчал, а у меня в голове словно колеса завертели. Что подумать о таком необычном предложении — продать свою тень? «Верно, это сумасшедший», — мелькнуло у меня в голове, и совсем другим тоном, гораздо более соответствующим тому смиренному тону, который усвоил он, я ответил:

— Эх, приятель, неужто вам мало собственной тени? Ну уж и сделка, совсем необычная! Но он не отставал:

— Сударь, у меня в кармане найдется много всякой всячины, которая вас, может быть, соблазнит. Для такой бесценной тени, как ваша, я ничего не пожалею!

При упоминании о кармане у меня опять побежали мурашки по спине, я сам не понимал, как это я мог решиться назвать его «приятелем». Я постарался, насколько возможно, исправить свою неучтивость изысканной вежливостью и сказал:

— Не посетуйте, сударь, на вашего покорнейшего слугу! Но я, верно, вас не так понял? Как я могу свою тень...

Он прервал меня на полуслове:

»Ich erbitte mir nur Dero Erlaubnis, hier auf der Stelle diesen edlen Schatten aufheben zu dürfen und zu mir zu stecken; wie ich das mache, sei meine Sorge. Dagegen als Beweis meiner Erkenntlichkeit gegen den Herrn, überlasse ich ihm die Wahl unter allen Kleinodien, die ich in der Tasche bei mir führe: die ächte Springwurzel, die Alraunwurzel, Wechselfennige, Raubtaler, das Tellertuch von Rolands Knappen, ein Galgenmännlein zu beliebigem Preis; doch, das wird wohl nichts für Sie sein: besser, Fortunati Wünschhütlein, neu und haltbar wieder restauriert; auch ein Glücksseckel, wie der seine gewesen.« - »Fortunati Glücksseckel«, fiel ich ihm in die Rede, und wie groß meine Angst auch war, hatte er mit dem einen Wort meinen ganzen Sinn gefangen. Ich bekam einen Schwindel, und es flimmerte mir wie doppelte Dukaten vor den Augen.

»Belieben gnädigst der Herr diesen Seckel zu besichtigen und zu erproben.« Er steckte die Hand in die Tasche und zog einen mäßig großen, festgenähten Beutel, von starkem Korduanleder, an zwei tüchtigen ledernen Schnüren heraus und händigte mir selbigen ein. Ich griff hinein, und zog zehn Goldstücke daraus, und wieder zehn, und wieder zehn, und wieder zehn; ich hielt ihm schnell die Hand hin: »Topp! der Handel gilt, für den Beutel haben Sie meinen Schatten.« Er schlug ein, kniete dann ungesäumt vor mir nieder, und mit einer bewundernswürdigen Geschicklichkeit sah ich ihn meinen Schatten, vom Kopf bis zu meinen Füßen, leise von dem Grase lösen, aufheben, zusammenrollen und falten, und zuletzt einstecken. Er stand auf, verbeugte sich noch einmal vor mir, und zog sich dann nach dem Rosengebüsche zurück. Mich dünkt', ich hörte ihn da leise für sich lachen. Ich aber hielt den Beutel bei den Schnüren fest, rund um mich her war die Erde sonnenhell, und in mir war noch keine Besinnung.

II.

Ich kam endlich wieder zu Sinnen, und eilte, diesen Ort zu verlassen, wo ich hoffentlich nichts mehr zu tun hatte. Ich füllte erst meine Taschen mit Gold, dann band ich mir die Schnüre des Beutels um den Hals fest, und verbarg ihn selbst auf meiner Brust. Ich kam unbeachtet aus dem Park, erreichte die Landstraße, und nahm meinen Weg nach der Stadt. Wie ich in Gedanken dem Tore zu ging, hört ich hinter mir schreien: »Junger Herr! he! junger Herr! hören Sie doch!« - Ich sah mich um, ein altes Weib rief mir nach: »Sehe sich der Herr doch vor, Sie haben Ihren Schatten verloren.« - »Danke, Mütterchen!« ich warf ihr ein Goldstück für den wohlgemeinten Rat hin, und trat unter die Bäume.

Am Tore muß ich gleich wieder von der Schildwacht hören: »Wo hat der Herr seinen Schatten gelassen?« und gleich wieder darauf von ein paar Frauen: »Jesus Maria! der arme Mensch hat keinen Schatten!« Das fing an mich zu verdrießen, und ich vermied sehr sorgfältig, in die Sonne zu treten. Das ging aber nicht überall an, zum Beispiel nicht über die Breitestraße, die ich zunächst durchkreuzen mußte, und zwar, zu meinem Unheil, in eben der Stunde, wo die Knaben aus der Schule gingen. Ein verdammter buckeliger Schlingel, ich seh ihn noch, hatte es gleich weg, daß mir ein Schatten fehle. Er verriet mich mit großem Geschrei der sämtlichen literarischen Straßenjugend der Vorstadt, welche sofort mich zu rezensieren und mit Kot zu bewerfen anfang: »Ordentliche Leute pflügten ihren Schatten mit sich zu nehmen, wenn sie in die Sonne gingen.« Um sie von mir abzuwehren, warf ich Gold zu vollen Händen unter sie, und sprang in einen Mietswagen, zu dem mir mitleidige Seelen verhalfen.

Sobald ich mich in der rollenden Kutsche allein fand, fing ich bitterlich an zu weinen. Es mußte schon die Ahnung in mir aufsteigen: daß, um so viel das Gold auf Erden Verdienst und Tugend überwiegt, um so viel der Schatten höher als selbst das Gold geschätzt werde; und wie ich früher den Reichtum meinem Gewissen aufgeopfert, hatte ich jetzt den Schatten für bloßes Gold hingegeben; was konnte, was sollte auf Erden aus mir werden!

— Я только прошу вас, ваша милость, разрешить мне сию минуту, не сходя с места, поднять с земли эту благородную тень и спрятать к себе в карман; как я это сделаю, моя забота. А взамен в знак признательности я предлагаю вам, сударь, выбрать любое из тех сокровищ, которые я ношу с собой в кармане: подлинную **разрыв-траву**, корень мандрагоры, пфенниги-перевертыши, талер-добытчик, скатерть-самобранку, принадлежавшую оруженосцам Роланда, чертика в бутылке за какую угодно цену. Но все это не то, что вам требуется. Хотите волшебную шапку, принадлежавшую Фортунато, совсем новенькую и крепкую, только что из починки? А может быть, волшебный кошелек, такой же, как у Фортунато?

— Давайте кошелек Фортунато! — прервал я его речь, и, как ни был велик мой страх, при этих словах я позабыл обо всем. Голова закружилась, перед глазами засверкало золото.

— Соболаговолите, сударь, взглянуть и испробовать, что это за кошелек!

Он сунул руку в карман и вытащил за два крепких ременных шнура не очень большой кошелек, на совесть сшитый из прочного сафьяна, и вручил его мне. Я сунул в кошель руку и вытащил десять червонцев, а потом еще десять, и еще десять, и еще; я быстро протянул ему руку:

— Идет! Сделка состоялась. Давайте кошель и получайте тень!

Мы ударили по рукам; он, не теряя ни минуты, опустился на колени и с поразительной сноровкой осторожно, начав с головы и закончив ногами, отделил от травы мою тень, поднял ее, скатал, сложил и сунул в карман. Он встал, снова отвесил мне поклон и удалился в заросли роз. Мне сдается, будто он там тихонько хихикнул. Я же крепко вцепился в шнуры кошелька; лужайка, на которой я стоял, была ярко освещена солнцем, но я еще ничего не соображал.

2

Наконец я опомнился и поспешил поскорее покинуть здешние места, куда, как я надеялся, мне больше не придется возвращаться. Сначала я наполнил карманы золотом, затем спрятал кошелек на груди, предварительно обвязав шнуры вокруг шеи. Никем не замеченный, вышел я из парка на дорогу и направился к городу. Я подходил к воротам, погруженный в свои мысли, как вдруг услышал, что меня окликают: «Эй, молодой человек, молодой человек, послушайте!»

Я оглянулся, незнакомая старуха крикнула мне вслед:

— Сударь, будьте осторожны! Вы потеряли тень!

— Благодарствуйте, мамаша, — я бросил ей золотой за добрый совет и сошел с дороги под деревья. У заставы меня сейчас же остановил будочник:

— Господин, где это вы позабыли свою тень?

А затем разохались какие-то кумушки:

— Иисусе Христе, пресвятая богородица! Да у него, у горемычного, тени нет!

Меня это уже начинало злить, и я старательно избегал солнца. Но не всюду это было возможно, вот хотя бы на широкой улице, через которую мне предстояло перейти, и, к моему несчастью, как раз в то время, когда школьники возвращались домой. Какой-то проклятый озорник-горбун — он у меня и сейчас как живой перед глазами — тут же доглядел, что у меня нет тени. С громким воплем натравил он на меня всю высокообразованную уличную молодежь предместья, которая принялась обстреливать меня грязью и всячески вышучивать. «Порядочные люди, выходя на солнце, не забывают прихватить и свою тень!» Я бросил им несколько пригоршней золотых, чтобы они отвязались, а сам вскочил в экипаж, нанятый с помощью добросердечных людей.

Очутившись один в карете, я горько разрыдался. Верно, во мне уже начало пробуждаться сознание того, что хотя золото ценится на земле гораздо дороже, чем заслуги и добродетель, тень уважают еще больше, чем золото; и так же как раньше я поступился совестью ради богатства, так и теперь я расстался с тенью только ради золота. Чем может кончиться, чем неизбежно должен кончиться такой человек!

Ich war noch sehr verstört, als der Wagen vor meinem alten Wirtshause hielt; ich erschrak über die Vorstellung, nur noch jenes schlechte Dachzimmer zu betreten. Ich ließ mir meine Sachen herabholen, empfing den ärmlichen Bündel mit Verachtung, warf einige Goldstücke hin, und befahl, vor das vornehmste Hotel vorzufahren. Das Haus war gegen Norden gelegen, ich hatte die Sonne nicht zu fürchten. Ich schickte den Kutscher mit Gold weg, ließ mir die besten Zimmer vorn heraus anweisen, und verschloß mich darin, sobald ich konnte.

Was denkst Du, das ich nun anfang? - O mein lieber Chamisso, selbst vor Dir es zu gestehen, macht mich erröten. Ich zog den unglücklichen Seckel aus meiner Brust hervor, und mit einer Art Wut, die, wie eine flackernde Feuersbrunst, sich in mir durch sich selbst mehrte, zog ich Gold daraus, und Gold, und Gold, und immer mehr Gold, und streute es auf den Estrich, und schritt darüber hin, und ließ es klirren, und warf, mein armes Herz an dem Glanze, an dem Klange weidend, immer des Metalles mehr zu dem Metalle, bis ich ermüdet selbst auf das reiche Lager sank und schwelgend darin wühlte, mich darüber wälzte. So verging der Tag, der Abend, ich schloß meine Tür nicht auf, die Nacht fand mich liegend auf dem Golde, und darauf übermannte mich der Schlaf.

Da träumt' es mir von Dir, es ward mir, als stünde ich hinter der Glastüre Deines kleinen Zimmers, und sähe Dich von da an Deinem Arbeitstische zwischen einem Skelet und einem Bunde getrockneter Pflanzen sitzen, vor Dir waren Haller, Humboldt und Linné aufgeschlagen, auf Deinem Sofa lagen ein Band Goethe und der »Zauberring«, ich betrachtete Dich lange und jedes Ding in Deiner Stube, und dann Dich wieder, Du rührtest Dich aber nicht, Du holtest auch nicht Atem, Du warst tot.

Ich erwachte. Es schien noch sehr früh zu sein. Meine Uhr stand. Ich war wie zerschlagen, durstig und hungrig auch noch; ich hatte seit dem vorigen Morgen nichts gegessen. Ich stieß von mir mit Unwillen und Überdruß dieses Gold, an dem ich kurz vorher mein törichtes Herz gesättiget; nun wußt ich verdrießlich nicht, was ich damit anfangen sollte. Es durfte nicht so liegen bleiben - ich versuchte, ob es der Beutel wieder verschlingen wollte - Nein. Keines meiner Fenster öffnete sich über die See. Ich mußte mich bequemen, es mühsam und mit sauerem Schweiß zu einem großen Schrank, der in einem Kabinet stand, zu schleppen, und es darin zu verpacken. Ich ließ nur einige Handvoll da liegen. Nachdem ich mit der Arbeit fertig geworden, legt ich mich erschöpft in einen Lehnstuhl, und erwartete, daß sich Leute im Hause zu regen anfangen. Ich ließ, sobald es möglich war, zu essen bringen und den Wirt zu mir kommen.

Ich besprach mit diesem Manne die künftige Einrichtung meines Hauses. Er empfahl mir für den näheren Dienst um meine Person einen gewissen Bendel, dessen treue und verständige Physiognomie mich gleich gewann. Derselbe wars, dessen Anhänglichkeit mich seither tröstend durch das Elend des Lebens begleitete und mir mein düstres Los ertragen half. Ich brachte den ganzen Tag auf meinen Zimmern mit herrenlosen Knechten, Schustern, Schneidern und Kaufleuten zu, ich richtete mich ein, und kaufte besonders sehr viele Kostbarkeiten und Edelsteine, um nur etwas des vielen aufgespeicherten Goldes los zu werden; es schien mir aber gar nicht, als könne der Haufen sich vermindern.

Ich schwebte indes über meinen Zustand in den ängstigendsten Zweifeln. Ich wagte keinen Schritt aus meiner Tür und ließ abends vierzig Wachskerzen in meinem Saal anzünden, bevor ich aus dem Dunkel heraus kam. Ich gedachte mit Grauen des fürchterlichen Auftrittes mit den Schulknaben. Ich beschloß, so viel Mut ich auch dazu bedurfte, die öffentliche Meinung noch einmal zu prüfen. - Die Nächte waren zu der Zeit mondhell. Abends spät warf ich einen weiten Mantel um, drückte mir den Hut tief in die Augen, und schlich, zitternd wie ein Verbrecher, aus dem Hause. Erst auf einem entlegenen Platz trat ich aus dem Schatten der Häuser, in deren Schutz ich so weit gekommen war, an das Mondeslicht hervor; gefaßt, mein Schicksal aus dem Munde der Vorübergehenden zu vernehmen.

Erspare mir, lieber Freund, die schmerzliche Wiederholung alles dessen, was ich erdulden mußte. Die Frauen bezeugten oft das tiefste Mitleid, das ich ihnen einflöbte; Äußerungen, die mir die Seele nicht minder durchbohrten, als der Hohn der Jugend und die hochmütige Verachtung der Männer, besonders solcher dicken, wohlbeleibten, die selbst einen breiten Schatten warfen. Ein schönes,

Я был еще в полном смятении, когда экипаж остановился перед моей прежней гостиницей; мысль, что мне придется еще раз войти в жалкую комнатку под крышей, пугала меня. Я приказал снести вниз все мои вещи, с презрением взял свой нищенский узелок, бросил на стол несколько золотых и приказал кучеру отвезти меня в самую дорогую отель. Новая гостиница выходила на север; я мог не бояться солнца. Я отпустил кучера, щедро заплатив ему, распорядился, чтобы мне тут же показали лучшие комнаты, и, водворившись в номере, сразу же запер дверь на ключ.

Как ты думаешь, чем я занялся? О любезный Шамиссо, я краснею даже теперь, признаваясь в этом тебе одному. Я снял с груди кошелек и с каким-то остервенением, которое как пламя пожара разгоралось во мне все сильнее и сильнее, стал доставать из кошелька золото, еще и еще, все больше и больше, сыпал золото на пол, ходил по золоту, слушал, как оно звенит, и, упиваясь его блеском и звоном, бросал на пол все новые и новые пригоршни благородного металла, пока, наконец, обессилев, не свалился на это богатое ложе; с наслаждением зарывался я в золото, катался по золоту. Так прошел день, прошел вечер; я не отпирал двери, ночь застала меня лежащим на золоте, и тут же, на золоте, сморил меня сон.

Во сне я видел тебя, мне пригрезилось, будто я стою за стеклянной дверью твоей комнаты и оттуда смотрю на тебя, как ты сидишь за письменным столом, между скелетом и пучком сухих растений. На столе лежат открытые книги — Галлер, Гумбольдт и Линней, на диване — том Гете и «Волшебное кольцо». Я долго смотрел на тебя и на все вокруг, а потом опять на тебя; но ты не пошевелился, ты не дышал, ты был мертв.

Я проснулся. Верно, было еще очень рано. Часы мои остановились. Сам я был как избитый, да к тому же еще очень хотел есть и пить: со вчерашнего утра у меня во рту маковой росинки не было. Со злобой и отвращением отпихнул я надоевшее мне золото, которое еще так недавно услаждало мою безумную душу, теперь оно меня раздражало, и я не знал, куда его деть. Нельзя же было оставить его просто так, на полу. А что, если опять спрятать его в кошелек? Но не тут-то было. Ни одно из моих окон не выходило на море. Мне пришлось с большим трудом, обливаясь потом, перетаскать все золото в чулан и уложить в стоявший там большой шкаф; себе я оставил только несколько пригоршней дукатов. Справившись с этой работой, я в полном изнеможении растянулся в кресле и стал ждать, когда зашевелится в доме. При первой же возможности я приказал подать мне поесть и позвал хозяина.

Мы обсудили с ним будущее устройство моих апартаментов. Он рекомендовал для ухода за моей особой некоего Бенделя, который сразу покорила меня своей открытой и смысленной физиономией. Бендель оказался человеком, чья привязанность долго служила мне утешением в тягостной жизни и примиряла с моей печальной долей. Весь день я провозился, не выходя из своих комнат, со слугами, ищущими места, сапожниками, портными и купцами; я обзавелся обстановкой и закупил кучу драгоценностей и самоцветных камней, чтобы хоть отчасти избавиться от этой груды золота. Но она как будто и не думала уменьшаться.

Меж тем мое положение пугало меня. Я не решался ни на шаг отлучиться из дому, а по вечерам сидел в темноте и дожидался, пока в зале зажгут сорок восковых свечей. Я не мог без содрогания вспомнить ужасную сцену со школьниками. В конце концов я решил, как это меня ни страшило, еще раз проверить общественное мнение.

В ту пору ночи стояли лунные. Поздно вечером я накинул широкий плащ, надвинул на глаза шляпу и, дрожа словно злоумышленник, крадучись, вышел из дому. Только отойдя порядочно от гостиницы, выступил я из тени домов, под охраной которых пробрался так далеко, и вышел на лунный свет, твердо решив услышать свой приговор из уст прохожих.

Избавь меня, дорогой друг, от тягостного пересказа всего того, что мне пришлось вынести. Женщины по большей части проявляли глубокую жалость, — но выражение сочувствия пронзало мне сердце не меньше, чем насмешки молодежи и высокомерное презрение мужчин, особенно толстых, хорошо откормленных, которые сами отбрасывали широкую тень. Одна

holdes Mädchen, die, wie es schien, ihre Eltern begleitete, indem diese bedächtig nur vor ihre Füße sahen, wandte von ungefähr ihr leuchtendes Auge auf mich; sie erschrak sichtbarlich, da sie meine Schattenlosigkeit bemerkte, verhüllte ihr schönes Antlitz in ihren Schleier, ließ den Kopf sinken, und ging lautlos vorüber.

Ich ertrug es länger nicht. Salzige Ströme brachen aus meinen Augen, und mit durchschnittenem Herzen zog ich mich schwankend ins Dunkel zurück. Ich mußte mich an den Häusern halten, um meine Schritte zu sichern, und erreichte langsam und spät meine Wohnung.

Ich brachte die Nacht schlaflos zu. Am andern Tage war meine erste Sorge, nach dem Manne im grauen Rocke überall suchen zu lassen. Vielleicht sollte es mir gelingen, ihn wieder zu finden, und wie glücklich! wenn ihn, wie mich, der törichte Handel gereuen sollte. Ich ließ Bendel vor mich kommen, er schien Gewandtheit und Geschick zu besitzen, - ich schilderte ihm genau den Mann, in dessen Besitz ein Schatz sich befand, ohne den mir das Leben nur eine Qual sei. Ich sagte ihm die Zeit, den Ort, wo ich ihn gesehen; beschrieb ihm alle, die zugegen gewesen, und fügte dieses Zeichen noch hinzu: er solle sich nach einem Dollondschen Fernrohr, nach einem golddurchwirkten türkischen Teppich, nach einem Prachtlustzelt, und endlich nach den schwarzen Reithengsten genau erkundigen, deren Geschichte, ohne zu bestimmen wie, mit der des rätselhaften Mannes zusammenhänge, welcher allen unbedeutend geschienen, und dessen Erscheinung die Ruhe und das Glück meines Lebens zerstört hatte.

Wie ich ausgeredet, holt ich Gold her, eine Last, wie ich sie nur zu tragen vermochte, und legte Edelsteine und Juwelen noch hinzu für einen größern Wert. »Bendel«, sprach ich, »dieses ebnet viele Wege und macht vieles leicht, was unmöglich schien; sei nicht karg damit, wie ich es nicht bin, sondern geh, und erfreue deinen Herrn mit Nachrichten, auf denen seine alleinige Hoffnung beruht.«

Er ging. Spät kam er und traurig zurück. Keiner von den Leuten des Herrn John, keiner von seinen Gästen, er hatte alle gesprochen, wußte sich nur entfernt an den Mann im grauen Rocke zu erinnern. Der neue Teleskop war da, und keiner wußte, wo er hergekommen; der Teppich, das Zelt waren da noch auf demselben Hügel ausgebreitet und aufgeschlagen, die Knechte rühmten den Reichtum ihres Herrn, und keiner wußte, von wannen diese neuen Kostbarkeiten ihm zugekommen. Er selbst hatte sein Wohlgefallen daran, und ihn kümmerte es nicht, daß er nicht wisse, woher er sie habe; die Pferde hatten die jungen Herren, die sie geritten, in ihren Ställen, und sie priesen die Freigebigkeit des Herrn John, der sie ihnen an jenem Tage geschenkt. So viel erhellte aus der ausführlichen Erzählung Bendels, dessen rascher Eifer und verständige Führung, auch bei so fruchtlosem Erfolge, mein verdientes Lob erhielten. Ich winkte ihm düster, mich allein zu lassen.

»Ich habe«, hub er wieder an, »meinem Herrn Bericht abgestattet über die Angelegenheit, die ihm am wichtigsten war. Mir bleibt noch ein Auftrag auszurichten, den mir heute früh jemand gegeben, welchem ich vor der Tür begegnete, da ich zu dem Geschäfte ausging, wo ich so unglücklich gewesen. Die eigenen Worte des Mannes waren: »Sagen Sie dem Herrn Peter Schlemihl, er würde mich hier nicht mehr sehen, da ich übers Meer gehe, und ein günstiger Wind mich so eben nach dem Hafen ruft. Aber über Jahr und Tag werde ich die Ehre haben, ihn selber aufzusuchen und ein anderes, ihm dann vielleicht annehmlisches Geschäft vorzuschlagen. Empfehlen Sie mich ihm untertänigst, und versichern ihn meines Dankes.« Ich frug ihn, wer er wäre, er sagte aber, Sie kennen ihn schon.«

»Wie sah der Mann aus?« rief ich voller Ahnung. Und Bendel beschrieb mir den Mann im grauen Rocke Zug für Zug, Wort für Wort, wie er getreu in seiner vorigen Erzählung des Mannes erwähnt, nach dem er sich erkundigt.

»Unglücklicher!« schrie ich händeringend, »das war er ja selbst!« und ihm fiel es wie Schuppen von den Augen. - »Ja, er war es, war es wirklich!« rief er erschreckt aus, »und ich Verblendeter, Blödsinniger habe ihn nicht erkannt, ihn nicht erkannt und meinen Herrn verraten!«

Er brach, heiß weinend, in die bittersten Vorwürfe gegen sich selber aus, und die Verzweiflung, in der er war, mußte mir selber Mitleiden einflößen. Ich sprach ihm Trost ein, versicherte ihn wiederholt, ich setzte keinen Zweifel in seine Treue, und schickte ihn alsbald nach dem Hafen, um,

очаровательная, прелестная девушка, которая шла, вероятно, в сопровождении родителей, задумчиво глядевших себе под ноги, случайно подняла на меня свои сияющие глаза. Увидев, что у меня нет тени, она заметно испугалась, опустила на прекрасное лицо вуаль, склонила голову и молча прошла мимо.

Этого я не вынес. Горькие слезы хлынули у меня из глаз, и, шатаясь, с разбитым сердцем, спрятавшись я обратно в темноту. Я шел медленно, держась за стены домов, чтобы не упасть, и поздно добрался до гостиницы.

Всю ночь я не сомкнул глаз. На следующий день первой моей заботой было найти человека в сером фраке. Может быть, мне удастся его отыскать, и на мое счастье окажется, что и он, подобно мне, жалеет о нашей безумной сделке. Я позвал Бенделя, он казался ловким и расторопным малым; я точно описал ему человека, владеющего сокровищем, без которого жизнь была для меня сплошной мукой. Я указал время и место, где я его видел; описал всех, кто был там же, и прибавил еще одну примету: велел справляться о подзорной трубе, турецком ковре, тканном золотом, трех вороных конях и роскошном шатре, которые каким-то образом — каким именно, говорить незачем — связаны с таинственным незнакомцем, навсегда лишившим меня покоя и счастья, хотя на остальных он как будто бы не произвел никакого впечатления.

Окончив свою речь, я принес столько золота, сколько мог поднять, и прибавил еще на большую сумму самоцветных камней и драгоценностей.

— Бендель, — сказал я, — вот это выравнивает многие пути и делает легко выполнимым то, что кажется невозможным. Не скупись, ты видишь, твой хозяин тоже не скупится. Иди и обрадуй меня сообщением, на которое я возлагаю все мои надежды!

Бендель ушел. Он вернулся домой поздно, очень печальный. Никто из челяди господина Джона, никто из его гостей — он расспросил всех — даже вспомнить не мог человека в сером фраке. Новая подзорная труба была налицо, но никто не знал, откуда она взялась; ковер был разостлан, палатка разбита на том же самом холме, что и тогда. Слуги хвастались богатством своего хозяина, но никто не знал, откуда появились эти новые сокровища. Лошади стояли на конюшне у молодых людей, которые в тот день на них катались, а теперь перевозили щедрость господина Джона, тогда же подарившего им этих коней. Вот все, что выяснилось из обстоятельного рассказа Бенделя, чье ревностное усердие и умелое поведение хотя и не увенчались успехом, все же заслужили мою похвалу. Я мрачно махнул рукой, чтобы он оставил меня одного.

— Я дал вам, сударь, отчет о самом для вас важном, — снова начал Бендель. — Остается еще выполнить поручение, полученное сегодня рано утром от незнакомца человека, повстречавшегося мне у самого дома, когда я вышел по делу, в котором потерпел неудачу. Вот собственные слова незнакомца: «Передайте господину Петеру Шлемилю, что здесь он меня больше не увидит, — я еду за море, дует попутный ветер, и я спешу в гавань. Но по прошествии одного года и одного дня я сам отыщу его и буду иметь честь предложить ему другую, возможно более приемлемую сделку. Передайте нижайший поклон и уверения в моей неизменной благодарности!» Я спросил, как о нем сказать, но он ответил, что вы его знаете.

— Как он выглядел? — взмолился я, предчувствуя, кто это. И Бендель точка в точку, слово в слово описал мне человека в сером фраке, совершенно в тех же выражениях, в которых в предыдущем рассказе описывал человека, о котором всех расспрашивал.

— Несчастный! — воскликнул я, ломая руки. — Ведь это же был он! — и у Бенделя словно пелена спала с глаз.

— Да, да, это был он, конечно он! — воскликнул Бендель в испуге. — А я слепец, я дурак его не узнал, не узнал и предал своего хозяина!

Громко рыдая, осыпал он себя горькими упреками; отчаяние, которому он предавался, разжалобило меня. Я принялся утешать его, уверяя, что нисколько не сомневаюсь в его верности, и тут же отправил его в гавань, чтобы попытаться, если только это возможно, найти

wo möglich, die Spuren des seltsamen Mannes zu verfolgen. Aber an diesem selben Morgen waren sehr viele Schiffe, die widrige Winde im Hafen zurückgehalten, ausgelaufen, alle nach anderen Weltstrichen, alle nach anderen Küsten bestimmt, und der graue Mann war spurlos wie ein Schatten verschwunden.

III.

Was hülften Flügel dem in eisernen Ketten fest Angeschmiedeten? Er müßte dennoch, und schrecklicher, verzweifeln. Ich lag, wie Faffner bei seinem Hort, fern von jedem menschlichen Zuspruch, bei meinem Golde darhend, aber ich hatte nicht das Herz nach ihm, sondern ich fluchte ihm, um dessentwillen ich mich von allem Leben abgeschnitten sah. Bei mir allein mein düstres Geheimnis hegend, fürchtete ich mich vor dem letzten meiner Knechte, den ich zugleich beneiden mußte; denn er hatte einen Schatten, er durfte sich sehen lassen in der Sonne. Ich vertrauerte einsam in meinen Zimmern die Tag' und Nächte, und Gram zehrte an meinem Herzen.

Noch einer härmte sich unter meinen Augen ab, mein treuer Bendel hörte nicht auf, sich mit stillen Vorwürfen zu martern, daß er das Zutrauen seines gütigen Herrn betrogen, und jenen nicht erkannt, nach dem er ausgeschickt war, und mit dem er mein trauriges Schicksal in enger Verflechtung denken mußte. Ich aber konnte ihm keine Schuld geben, ich erkannte in dem Ereignis die fabelhafte Natur des Unbekannten.

Nichts unversucht zu lassen, schickt ich einst Bendel mit einem kostbaren brillantenen Ring zu dem berühmtesten Maler der Stadt, den ich, mich zu besuchen, einladen ließ. Er kam, ich entfernte meine Leute, verschloß die Tür, setzte mich zu dem Mann, und, nachdem ich seine Kunst gepriesen, kam ich mit schwerem Herzen zur Sache, ich ließ ihn zuvor das strengste Geheimnis geloben.

»Herr Professor«, fuhr ich fort, »könnten Sie wohl einem Menschen, der auf die unglücklichste Weise von der Welt um seinen Schatten gekommen ist, einen falschen Schatten malen?« - - »Sie meinen einen Schlagschatten?« - »Den mein ich allerdings.« - »Aber«, frug er mich weiter, »durch welche Ungeschicklichkeit, durch welche Nachlässigkeit konnte er denn seinen Schlagschatten verlieren?« - »Wie es kam«, erwiderte ich, »mag nun sehr gleichgültig sein, doch so viel«, log ich ihm unverschämt vor: »In Rußland, wo er im vorigen Winter eine Reise tat, fror ihm einmal, bei einer außerordentlichen Kälte, sein Schatten dergestalt am Boden fest, daß er ihn nicht wieder los bekommen konnte.«

»Der falsche Schlagschatten, den ich ihm malen könnte«, erwiderte der Professor, »würde doch nur ein solcher sein, den er bei der leisesten Bewegung wieder verlieren müßte, - zumal wer an dem eignen angeborenen Schatten so wenig fest hing, als aus Ihrer Erzählung selbst sich abnehmen läßt; wer keinen Schatten hat, gehe nicht in die Sonne, das ist das Vernünftigste und Sicherste.« Er stand auf und entfernte sich, indem er auf mich einen durchbohrenden Blick warf, den der meine nicht ertragen konnte. Ich sank in meinen Sessel zurück, und verhüllte mein Gesicht in meine Hände. So fand mich noch Bendel, als er herein trat. Er sah den Schmerz seines Herrn, und wollte sich still, ehrerbietig zurückziehen. - Ich blickte auf - ich erlag unter der Last meines Kammers, ich mußte ihn mitteilen. »Bendel«, rief ich ihm zu, »Bendel! Du Einziger, der du meine Leiden siehst und ehrst, sie nicht erforschen zu wollen, sondern still und fromm mitzufühlen scheinst, komm zu mir, Bendel, und sei der Nächste meinem Herzen. Die Schätze meines Goldes hab ich vor dir nicht verschlossen, nicht verschließen will ich vor dir die Schätze meines Grames. - Bendel, verlasse mich nicht. Bendel, du siehst mich reich, freigebig, gütig, du wähnst, es sollte die Welt mich verherrlichen, und du siehst mich die Welt fliehn und mich vor ihr verschließen. Bendel, sie hat gerichtet, die Welt, und mich verstoßen, und auch du vielleicht wirst dich von mir wenden, wenn du mein schreckliches Geheimnis erfährst: Bendel, ich bin reich, freigebig, gütig, aber - o Gott! - ich habe keinen Schatten!«

следы таинственного незнакомца. Но в это самое утро вышло в море очень много кораблей, которые удерживал в гавани противный ветер, и все направлялись в различные края света, все к различным берегам, и серый человек исчез бесследно, растаял как тень.

3

Что пользы в крыльях тому, на ком железные цепи? Он только сильнее почувствует свое горе. Подобно Фафнеру, стерегущему клад вдали от людского глаза, изнемогал я около своего золота; но сердце мое не лежало к нему. Я проклинал богатство, ибо из-за него был выключен из жизни. Я хранил в душе свою печальную тайну, боясь любого из своих слуг и в то же время завидуя ему, — ведь у него была тень, он мог появиться на улице при солнечном свете. В одиночестве грустил я дни и ночи в своих покоях, и тоска точила мне сердце.

Еще один человек тужил вместе со мной — мой верный Бендель. Он непрестанно мучил себя упреками, ибо обманул доверие своего доброго хозяина и не признал того, за кем был послан, того, с кем, как он думал, тесно связана моя печальная участь. Я же не мог его ни в чем винить: я знал, что всему причиной таинственная природа незнакомца.

Дабы испробовать все средства я послал Бенделя с дорогим бриллиантовым перстнем к самому знаменитому в городе живописцу, которого пригласил к себе. Тот пришел, я удалил слуг, запер дверь, подсел к художнику и, воздав должное его мастерству, с тяжелым сердцем приступил к сути дела. Но раньше взял с него слово, что он будет свято хранить тайну.

— Господин профессор, — начал я, — могли бы вы нарисовать искусственную тень человеку, который по несчастной случайности потерял свою тень?

— Вы имеете в виду ту тень, которую отбрасывают предметы?

— Именно ее.

— Но каким надо быть простофилей, каким разиней, чтобы потерять свою тень?

— Как это случилось, для вас безразлично, — возразил я. — Но, извольте, я расскажу. Прошлой зимой, когда он в трескучий мороз путешествовал по России, — начал я сочинять, — его тень так крепко примерзла к земле, что он никак не мог ее отодрать.

— Если я и нарисую ему искусственную тень, — ответил профессор, — он все равно потеряет ее при первом же движении, раз уж он, как явствует из вашего рассказа, так мало держался за свою, данную ему от рождения тень. У кого нет тени, пусть не выходит на солнце; так оно будет разумнее и вернее!

Он встал и ушел, бросив на меня испытующий взгляд, которого я не мог выдержать. Я упал в кресло и закрыл лицо руками.

Вошедший Бендель застал меня в этой позе. Он понял, в каком я отчаянии, и хотел безмолвно и почтительно удалиться. Я поднял голову, я изнемогал под тяжестью своего горя, мне нужно было с кем-нибудь им поделиться.

— Бендель, — окликнул я его. — Бендель! Ты один видишь и уважаешь мои страдания, не стараешься разузнать, что меня мучает, но молча и кротко жалеешь. Подойди ко мне, Бендель, и будь моим сердечным другом! Я не скрывал от тебя сокровища своего богатства, не хочу скрывать и сокровища своей печали. Бендель, не покидай меня! Бендель, ты видишь — я богат, щедр, милосерден; ты полагаешь, что люди должны превозносить меня, и ты видишь, что я бегу от людей, запираюсь от них. Бендель, люди произнесли свой приговор, они оттолкнули меня, может статься и ты отвернешься от меня, когда узнаешь мою страшную тайну: Бендель, я богат, щедр, милосерд, но — о боже праведный! — у меня нет тени!

»Keinen Schatten?« rief der gute Junge erschreckt aus, und die hellen Tränen stürzten ihm aus den Augen. - »Weh mir, daß ich geboren ward, einem schattenlosen Herrn zu dienen!« Er schwieg, und ich hielt mein Gesicht in meinen Händen.

»Bendel«, setzt ich spät und zitternd hinzu, »nun hast du mein Vertrauen, nun kannst du es verraten. Geh hin und zeuge wider mich.« - Er schien in schwerem Kampfe mit sich selber, endlich stürzte er vor mir nieder und ergriff meine Hand, die er mit seinen Tränen benetzte. »Nein«, rief er aus, »was die Welt auch meine, ich kann und werde um Schattens willen meinen gütigen Herrn nicht verlassen, ich werde recht, und nicht klug handeln, ich werde bei Ihnen bleiben, Ihnen meinen Schatten borgen, Ihnen helfen, wo ich kann, und wo ich nicht kann, mit Ihnen weinen.« Ich fiel ihm um den Hals, ob solcher ungewohnten Gesinnung staunend; denn ich war von ihm überzeugt, daß er es nicht um Gold tat.

Seitdem änderten sich in etwas mein Schicksal und meine Lebensweise. Es ist unbeschreiblich, wie vorsorglich Bendel mein Gebrechen zu verhehlen wußte. Überall war er vor mir und mit mir, alles vorhersehend, Anstalten treffend, und wo Gefahr unversehens drohte, mich schnell mit seinem Schatten überdeckend, denn er war größer und stärker als ich. So wagt ich mich wieder unter die Menschen, und begann eine Rolle in der Welt zu spielen. Ich mußte freilich viele Eigenheiten und Launen scheinbar annehmen. Solche stehen aber dem Reichen gut, und so lange die Wahrheit nur verborgen blieb, genoß ich aller der Ehre und Achtung, die meinem Golde zukam. Ich sah ruhiger dem über Jahr und Tag verheißenen Besuch des rätselhaften Unbekannten entgegen.

Ich fühlte sehr wohl, daß ich mich nicht lange an einem Ort aufhalten durfte, wo man mich schon ohne Schatten gesehen, und wo ich leicht verraten werden konnte; auch dacht ich vielleicht nur allein noch daran, wie ich mich bei Herrn John gezeigt, und es war mir eine drückende Erinnerung, demnach wollt ich hier bloß Probe halten, um anderswo leichter und zuversichtlicher auftreten zu können - doch fand sich, was mich eine Zeitlang an meiner Eitelkeit festhielt: das ist im Menschen, wo der Anker am zuverlässigsten Grund faßt.

Eben die schöne Fanny, der ich am dritten Ort wieder begegnete, schenkte mir, ohne sich zu erinnern, mich jemals gesehen zu haben, einige Aufmerksamkeit, denn jetzt hatt ich Witz und Verstand. - Wenn ich redete, hörte man zu, und ich wußte selber nicht, wie ich zu der Kunst gekommen war, das Gespräch so leicht zu führen und zu beherrschen. Der Eindruck, den ich auf die Schöne gemacht zu haben einsah, machte aus mir, was sie eben begehrte, einen Narren, und ich folgte ihr seither mit tausend Mühen durch Schatten und Dämmerung, wo ich nur konnte. Ich war nur eitel darauf, sie über mich eitel zu machen, und konnte mir, selbst mit dem besten Willen, nicht den Rausch aus dem Kopf ins Herz zwingen.

Aber wozu die ganz gemeine Geschichte Dir lang und breit wiederholen? - Du selber hast sie mir oft genug von andern Ehrenleuten erzählt. - Zu dem alten, wohlbekanntem Spiele, worin ich gutmütig eine abgedroschene Rolle übernommen, kam freilich eine ganz eigens gedichtete Katastrophe hinzu, mir und ihr und allen unerwartet.

Da ich an einem schönen Abend nach meiner Gewohnheit eine Gesellschaft in einem Garten versammelt hatte, wandelte ich mit der Herrin Arm in Arm, in einiger Entfernung von den übrigen Gästen, und bemühte mich, ihr Redensarten vorzudrechseln. Sie sah sittig vor sich nieder und erwiderte leise den Druck meiner Hand; da trat unversehens hinter uns der Mond aus den Wolken hervor und sie sah nur ihren Schatten vor sich hinfallen. Sie fuhr zusammen und blickte bestürzt mich an, dann wieder auf die Erde, mit dem Auge meinen Schatten begehrend; und was in ihr vorging, malte sich so sonderbar in ihren Mienen, daß ich in ein lautes Gelächter hätte ausbrechen mögen, wenn es mir nicht selber eiskalt über den Rücken gelaufen wäre.

Ich ließ sie aus meinem Arm in eine Ohnmacht sinken, schoß wie ein Pfeil durch die entsetzten Gäste, erreichte die Tür, warf mich in den ersten Wagen, den ich da haltend fand, und fuhr nach der

— Нет тени? — в испуге воскликнул добрый малый, из глаз у него брызнули слезы. — Ах ты, горе горькое, неужто я родился на свет для того, чтобы служить хозяину, у которого нет тени!

Он замолчал, а я не отрывал рук от лица.

— Бендель, — дрожащим голосом сказал я наконец, — я тебе доверился, теперь ты можешь злоупотребить моим доверием. Поди и свидетельствуй против меня!

Казалось, в его душе идет тяжелая борьба; затем он упал передо мной на колени и, обливаясь слезами, схватил мои руки.

— Нет, мой добрый хозяин, — воскликнул он, — что бы ни говорили люди, я не могу покинуть вас и никогда не покину из-за тени! Я послушаюсь сердца, а не разума, я останусь у вас, я одолжу вам свою тень, буду помотать, когда могу, а когда не смогу, буду плакать вместе с вами!

Я бросился к нему на шею, пораженный таким необычным благородством, ибо был убежден, что им руководит не корыстолюбие.

С тех пор моя судьба и образ жизни несколько изменились. Я просто диву давался, как ловко умел Бендель скрывать мой недостаток. Куда бы я ни шел, он всюду попевал или до меня, или вместе со мной, все предусматривал, все предвидел, и если мне случайно грозила беда, он был тут как тут и прикрывал меня своей тенью, ибо был выше и полнее меня. Я снова решился бывать на людях и начал играть известную роль в свете. Конечно, мне приходилось напускать на себя всякие чудачества и капризы. Но богатым людям они пристали. И пока правда была скрыта, я мог спокойно наслаждаться почетом и уважением, которые приличествовали такому богачу. Я уже спокойнее ждал посещения, обещанного загадочным незнакомцем через год со днем.

Я отлично понимал, что не следует долго засиживаться там, где кое-кто уже видел меня без тени и, значит, моя тайна легко могла быть обнаружена. Кроме того, я помнил — возможно, только я один — свое появление у господина Джона, и это воспоминание угнетало меня; поэтому я считал пребывание здесь только репетицией, после которой я легче и увереннее буду выступать в другом месте. Однако меня на время удерживало здесь одно обстоятельство, задевшее мое тщеславие, — ибо это самое уязвимое место у человека.

Красавица Фанни, бывавшая в знакомом мне доме и позабывшая, что мы встречались уже раньше, подарила меня своим вниманием, ибо теперь я был находчив и остроумен. Когда я говорил, все слушали; и я сам удивлялся, откуда я приобрел искусство свободно болтать и овладевать разговором. Впечатление, которое, как я заметил, я произвел на красавицу, лишило меня рассудка, чего она и добивалась, и теперь я следовал за ней, куда только мог, держась в тени и прячась от света, для чего прибегал к тысяче уловок. Моему тщеславию льстило, что Фанни льстит мое ухаживание; я любил только умом и при всем своем желании не мог полюбить сердцем.

Но к чему повторять тебе так подробно всю эту глупую историю? Ты достаточно часто рассказывал мне то же самое о других, вполне достойных людях. Правда, к старой, избитой пьесе, в которой я добродушно играл тривиальную роль, неожиданно для меня, для Фанни и для окружающих была присочинена необычная развязка.

В один прекрасный вечер я пригласил в сад (по обыкновению неосвещенный) целое общество и под руку со своей очаровательницей бродил в некотором отдалении от других гостей, стараясь обворожить ее своим красноречием. Она опустила глаза долу и отвечала легким пожатием на пожатие моей руки; неожиданно позади нас из-за облаков выплыла луна, и Фанни увидела, что на землю падает только ее тень. Она вздрогнула, с ужасом посмотрела на меня, затем опять на землю, взглядом призывая мою тень; ее переживания так комично отражались у нее на лице, что я расхохотался бы, ежели бы у меня самого по спине не побежали мурашки.

Я отпустил руку лишившейся сознания Фанни, стрелой промчался мимо пораженных гостей, добежал до калитки, вскочил в первый попавшийся экипаж и покатил в город, где в

Stadt zurück, wo ich diesmal zu meinem Unheil den vorsichtigen Bendel gelassen hatte. Er erschrak, als er mich sah, *ein* Wort entdeckte ihm alles. Es wurden auf der Stelle Postpferde geholt. Ich nahm nur einen meiner Leute mit mir, einen abgefeymten Spitzbuben, namens Rascal, der sich mir durch seine Gewandtheit notwendig zu machen gewußt, und der nichts vom heutigen Vorfall ahnen konnte. Ich legte in derselben Nacht noch dreißig Meilen zurück. Bendel blieb hinter mir, mein Haus aufzulösen, Gold zu spenden und mir das Nötigste nachzubringen. Als er mich am andern Tage einholte, warf ich mich in seine Arme, und schwur ihm, nicht etwa keine Torheit mehr zu begehen, sondern nur künftig vorsichtiger zu sein. Wir setzten unsre Reise ununterbrochen fort, über die Grenze und das Gebirg, und erst am andern Abhang, durch das hohe Bollwerk von jenem Unglücksboden getrennt, ließ ich mich bewegen, in einem nah gelegenen und wenig besuchten Badeort von den überstandenen Mühseligkeiten auszurasen.

IV.

Ich werde in meiner Erzählung schnell über eine Zeit hineilen müssen, bei der ich wie gerne! verweilen würde, wenn ich ihren lebendigen Geist in der Erinnerung herauf zu beschwören vermöchte. Aber die Farbe, die sie belebte, und nur wieder beleben kann, ist in mir verlöschen, und wenn ich in meiner Brust wieder finden will, was sie damals so mächtig erhob, die Schmerzen und das Glück, den frommen Wahn, - da schlag ich vergebens an einen Felsen, der keinen lebendigen Quell mehr gewährt, und der Gott ist von mir gewichen. Wie verändert blickt sie mich jetzt an, diese vergangene Zeit! - Ich sollte dort in dem Bade eine heroische Rolle tragieren, schlecht einstudiert, und ein Neuling auf der Bühne, vergaff ich mich aus dem Stücke heraus in ein Paar blaue Augen. Die Eltern, vom Spiele getäuscht, bieten alles auf, den Handel nur schnell fest zu machen, und die gemeine Posse beschließt eine Verhöhnung. Und das ist alles, alles! - Das kommt mir albern und abgeschmackt vor, und schrecklich wiederum, daß so mir vorkommen kann, was damals so reich, so groß, die Brust mir schwellte. Mina, wie ich damals weinte, als ich dich verlor, so wein ich jetzt, dich auch in mir verloren zu haben. Bin ich denn so alt worden? - O traurige Vernunft! Nur noch ein Pulsschlag jener Zeit, ein Moment jenes Wahnes, - aber nein! einsam auf dem hohen, öden Meere deiner bitteren Flut, und längst aus dem letzten Pokale der Champagner Elfe entsprüht!

Ich hatte Bendel mit einigen Goldsäcken voraus geschickt, um mir im Städtchen eine Wohnung nach meinen Bedürfnissen einzurichten. Er hatte dort viel Geld ausgestreut, und sich über den vornehmen Fremden, dem er diente, etwas unbestimmt ausgedrückt, denn ich wollte nicht genannt sein, das brachte die guten Leute auf sonderbare Gedanken. Sobald mein Haus zu meinem Empfang bereit war, kam Bendel wieder zu mir und holte mich dahin ab. Wir machten uns auf die Reise. Ungefähr eine Stunde vom Orte, auf einem sonnigen Plan, ward uns der Weg durch eine festlich geschmückte Menge versperrt. Der Wagen hielt. Musik, Glockengeläute, Kanonenschüsse wurden gehört, ein lautes Vivat durchdrang die Luft, - vor dem Schlage des Wagens erschien in weißen Kleidern ein Chor Jungfrauen von ausnehmender Schönheit, die aber vor der Einen, wie die Sterne der Nacht vor der Sonne, verschwanden. Sie trat aus der Mitte der Schwestern hervor; die hohe zarte Bildung kniete verschämt errötend vor mir nieder, und hielt mir auf seidenem Kissen einen aus Lorbeer, Ölzweigen und Rosen geflochtenen Kranz entgegen, indem sie von Majestät, Ehrfurcht und Liebe einige Worte sprach, die ich nicht verstand, aber deren zauberischer Silberklang mein Ohr und Herz berauschte, - es war mir, als wäre schon einmal die himmlische Erscheinung an mir vorüber gewallt. Der Chor fiel ein und sang das Lob eines guten Königs und das Glück seines Volkes.

Und dieser Auftritt, lieber Freund, mitten in der Sonne! - Sie kniete noch immer zwei Schritte von mir, und ich, ohne Schatten, konnte die Kluft nicht überspringen, nicht wieder vor dem Engel auf die Kniee fallen. O, was hätt ich nicht da für einen Schatten gegeben! Ich mußte meine Scham,

этот раз, себе на горе, оставил предусмотрительного Бенделя. Он испугался, увидев меня, но с первого же слова понял все. Тут же были заказаны почтовые лошади. Я взял с собой только одного слугу, продувного малого по имени *Раскал*, благодаря своему пронырству вошедшего ко мне в доверие и, разумеется, не подозревавшего о том, что сейчас произошло. Еще в ту же ночь я проделал тридцать верст. Бендель задержался в городе, «чтобы ликвидировать дом, расплатиться и привезти мне самое необходимое. Когда он нагнал меня на следующий день, я бросился ему на грудь и поклялся, правда не в том, что больше не совершу никакой глупости, а в том, что впредь буду осторожнее. Мы безостановочно продолжали наше путешествие через границу и горы, и только перевалив по ту сторону хребта, отделенный высоким склоном от тех злополучных мест, я сдался на уговоры и согласился отдохнуть после пережитых трудов на водах, в расположенном неподалеку уединенном местечке.

4

Я только бегло коснусь в своем повествовании поры, на которой — и как охотно! — задержался бы подольше, если бы мог воскресить в памяти ее живой дух. Но краски, которые оживляли ее и одни могут вновь оживить, поблекли в моей душе; и когда я снова пытаюсь найти в своей груди то, от чего она так бурно вздымалась тогда, — былые страдания и былое счастье, былые сладостные мечты — я тщетно ударяю в скалу, живительный источник уже иссяк, и бог отвернулся от меня. Какой иной кажется мне теперь та давно прошедшая пора!

Мне предстояло играть там, на водах, трагигероическую роль, а я, еще новичок на сцене, плохо разучил ее и по уши влюбился в пару голубых глаз. Родители, обманутые игрой, поспешили закончить сделку, и пошлый фарс завершился издевательством. И это все, все! Теперь то, что было, кажется мне глупым и безвкусным, и в то же время мне страшно подумать, что могут казаться такими те чувства, которые некогда переполняли мне грудь великим блаженством. Минна, как плакал я тогда, потеряв тебя, так плачу и сейчас, потеряв свое чувство к тебе. Неужели же я так постарел? О, печальный рассудок! Хотя бы еще одно биение сердца той поры, еще одну минуту тех иллюзий, — но нет! Я одиноко скитаюсь в открытом пустынном море горького рассудка, и давно уже в бокале перестало играть искрометное шампанское!

Я послал вперед Бенделя, дав ему несколько мешков с золотом и поручив подыскать подходящий дом и обставить его согласно моим вкусам. Он сыпал деньгами направо и налево и довольно туманно распространялся о знатном чужестранце, на службе коего состоит, ибо я хотел остаться неизвестным. Это натолкнуло простодушных обывателей на странные мысли. Как только все было готово для моего приезда, Бендель вернулся за мной. Мы отправились в дорогу.

Примерно за час пути от места назначения мы выехали на залитую солнцем поляну, где нам преградила дорогу празднично разодетая толпа. Карета остановилась. Заиграла музыка, зазвонили в колокола, раздалась пушечная пальба, громкие крики «виват!» огласили воздух. Перед дверцами кареты появился хор красивых девушек в белых платьях, но как солнце затмевает ночные светила, так одна затмевала всех остальных. Она выступила из круга подруг, стройная и нежная, и, зардевшись от смущения, опустилась передо мной на колени и подала на шелковой подушке венок, сплетенный из лавров, масличных ветвей и роз, при этом она произнесла небольшую речь, которой я не понял, уловив только отдельные слова: ваше величество, благоговение, любовь, — но слух мой и сердце были очарованы нежными звуками, мне казалось, что это небесное видение когда-то уже являлось моим взорам. Тут вступил хор, славословя доброго короля и счастье его подданных.

Ах, любезный друг, такая сцена при ярком солнечном свете! Она все еще стояла, преклонив колена, в двух шагах от меня; а я не мог упасть к ногам этого ангела, нас разделяла пропасть, через которую я не мог перескочить, — у меня не было тени! О, чего бы я не дал в ту минуту за тень! Я забился в угол кареты, чтобы скрыть свой конфуз, свой страх и отчаяние. Но Бендель

meine Angst, meine Verzweiflung tief in den Grund meines Wagens verbergen. Bendel besann sich endlich für mich, er sprang von der andern Seite aus dem Wagen heraus, ich rief ihn noch zurück und reichte ihm aus meinem Kästchen, das mir eben zur Hand lag, eine reiche diamantene Krone, die die schöne Fanny hatte zieren sollen. Er trat vor, und sprach im Namen seines Herrn, welcher solche Ehrenbezeugungen nicht annehmen könne noch wolle; es müsse hier ein Irrtum vorwalten; jedoch seien die guten Einwohner der Stadt für ihren guten Willen bedankt. Er nahm indes den dargehaltenen Kranz von seinem Ort und legte den brillantenen Reif an dessen Stelle; dann reichte er ehrerbietig der schönen Jungfrau die Hand zum Aufstehen, entfernte mit einem Wink Geistlichkeit, Magistratus und alle Deputationen. Niemand ward weiter vorgelassen. Er hieß den Haufen sich teilen und den Pferden Raum geben, schwang sich wieder in den Wagen, und fort gings weiter in gestrecktem Galopp, unter einer aus Laubwerk und Blumen erbauten Pforte hinweg, dem Städtchen zu. - Die Kanonen wurden immer frischweg abgefeuert. - Der Wagen hielt vor meinem Hause; ich sprang behend in die Tür, die Menge teilend, die die Begierde, mich zu sehen, herbeigerufen hatte. Der Pöbel schrie Vivat unter meinem Fenster, und ich ließ doppelte Dukaten daraus regnen. Am Abend war die Stadt freiwillig erleuchtet.

Und ich wußte immer noch nicht, was das alles bedeuten sollte und für wen ich angesehen wurde. Ich schickte Rascaln auf Kundschaft aus. Er ließ sich denn erzählen, wasmaßen man bereits sichere Nachrichten gehabt, der gute König von Preußen reise unter dem Namen eines Grafen durch das Land; wie mein Adjutant erkannt worden sei, und wie er sich und mich verraten habe; wie groß endlich die Freude gewesen, da man die Gewißheit gehabt, mich im Orte selbst zu besitzen. Nun sah man freilich ein, da ich offenbar das strengste Inkognito beobachten wolle, wie sehr man unrecht gehabt, den Schleier so zudringlich zu lüften. Ich hätte aber so huldreich, so gnadenvoll gezürnt, - ich würde gewiß dem guten Herzen verzeihen müssen.

Meinem Schlingel kam die Sache so spaßhaft vor, daß er mit strafenden Reden sein Möglichstes tat, die guten Leute einstweilen in ihrem Glauben zu bestärken. Er stattete mir einen sehr komischen Bericht ab, und da er mich dadurch erheitert sah, gab er mir selbst seine verübte Bosheit zum besten. - Muß ichs bekennen? Es schmeichelte mir doch, sei es auch nur so, für das verehrte Haupt angesehen worden zu sein.

Ich hieß zu dem morgenden Abend unter den Bäumen, die den Raum vor meinem Hause beschatteten, ein Fest bereiten und die ganze Stadt dazu einladen. Der geheimnisreichen Kraft meines Seckels, Bendels Bemühungen und der behenden Erfindsamkeit Rascals gelang es, selbst die Zeit zu besiegen. Es ist wirklich erstaunlich, wie reich und schön sich alles in den wenigen Stunden anordnete. Die Pracht und der Überfluß, die da sich erzeugten; auch die sinnreiche Erleuchtung war so weise verteilt, daß ich mich ganz sicher fühlte. Es blieb mir nichts zu erinnern, ich mußte meine Diener loben.

Es dunkelte der Abend. Die Gäste erschienen und wurden mir vorgestellt. Es ward die Majestät nicht mehr berührt; aber ich hieß in tiefer Ehrfurcht und Demut: Herr Graf. Was sollt ich tun? Ich ließ mir den Grafen gefallen, und blieb von Stund an der Graf Peter. Mitten im festlichen Gewühle beehrte meine Seele nur nach der Einen. Spät erschien sie, sie, die die Krone war und trug. Sie folgte sittsam ihren Eltern, und schien nicht zu wissen, daß sie die Schönste sei. Es wurden mir der Herr Forstmeister, seine Frau und seine Tochter vorgestellt. Ich wußte den Alten viel Angenehmes und Verbindliches zu sagen; vor der Tochter stand ich wie ein ausgescholtener Knabe da, und vermochte kein Wort hervor zu lallen. Ich bat sie endlich stammelnd, dies Fest zu würdigen, das Amt, dessen Zeichen sie schmückte, darin zu verwalten. Sie bat verschämt mit einem rührenden Blick um Schonung; aber verschämter vor ihr, als sie selbst, brachte ich ihr als erster Untertan meine Huldigung in tiefer Ehrfurcht, und der Wink des Grafen ward allen Gästen ein Gebot, dem nachzuleben sich jeder freudig beieferte. Majestät, Unschuld und Grazie beherrschten, mit der Schönheit im Bunde, ein frohes Fest. Die glücklichen Eltern Minas glaubten ihnen nur zu Ehren ihr

подумал за меня; он выскочил из кареты с другой стороны, я успел его окликнуть и передал ему из шкатулки, которая как раз была у меня под рукой, роскошную алмазную диадему, предназначавшуюся для красавицы Фанни. Он выступил вперед и от имени своего господина заявил, что тот не может и не хочет принять такие почести; вероятно, произошло недоразумение; но все же он хочет отблагодарить добрых горожан за их радушный прием. Он взял с подушки преподнесенный венок и положил на его место алмазный обруч; затем, почтительно подав руку, помог встать прелестной девушке и знаком предложил духовенству, муниципалитету и всем депутациям отойти. Бендель никого не допустил до меня. Он приказал толпе расступиться, вскочил в карету, и мы стрелой промчались к городку под сооруженной по случаю нашего приезда аркой, разубранной гирляндами из листьев и цветов.

Пальба из пушек не прекращалась. Карета остановилась перед моим домом. Я проворно проскочил прямо в дверь, через расступившуюся толпу, которую привело сюда любопытство. Народ не расходился и кричал «виват!» у меня под окнами, и по моему приказанию из окон бросали в толпу **дублоны**. Вечером город по собственному почину устроил иллюминацию.

Я все еще не знал, что это должно означать и за кого меня принимают. Я послал на разведки Раскала. Ему сообщили, — будто бы из самых достоверных источников, — что добрый прусский король путешествует по стране под именем графа; рассказали, как был узнан мой адъютант, как он проговорился, выдав себя и меня; и, наконец, как велика была всеобщая радость, когда стало известно, что я остановлюсь в здешнем городке. Теперь жители, правда, поняли, как опрометчиво они поступили, проявив настойчивое желание приподнять завесу, раз я явно хочу сохранять строжайшее инкогнито. Но я изволил гневаться столь милостиво и благосклонно, что, конечно, не поставлю им в вину такую искреннюю любовь.

Моему повесе вся эта история представлялась очень забавной, и он тут же постарался строгими речами еще больше укрепить добрых горожан в их заблуждении. Он пересказал мне все в очень комичном виде и когда увидел, что от его доклада я повеселел, вместе со мной стал смеяться над своей злой шуткой. Признаться ли? Мне льстило, что меня, пусть по ошибке, принимают за венценосца.

Я приказал подготовить к завтрашнему вечеру празднество под деревьями, осенявшими своей тенью площадку перед домом, и пригласить весь город. Благодаря таинственной силе моего кошелька, стараниям Бенделя, изобретательности и проворству Раскала нам удалось восторжествовать над временем. Поистине удивительно, как всего за несколько часов было устроено столь красивое и роскошное пиршество. С каким великолепием, с каким изобилием! Остроумно придуманное освещение было распределено с большим искусством, и я чувствовал себя в полной безопасности. Оставалось только похвалить моих слуг, ибо мне не пришлось ни о чем им напоминать.

Наступил вечер. Стали собираться гости, их представляли мне. О «вашем величестве» не было больше и речи; меня почтительно, с глубоким благоговением величали «господин граф». Что мне было делать? Я не возражал против графа и с этих пор стал графом Петером. Но среди праздничной суеты сердце мое стремилось только к одной. Было уже поздно, когда появилась она — венец творения, — увенчанная моим венцом. Она шла, благонаравно опустив глаза, вслед за родителями и, казалось, не знала, что прекрасней ее здесь никого нет. Мне были представлены — главный лесничий, его супруга и дочь. Для стариков у меня нашлось много любезностей; перед дочерью я стоял как провинившийся школьник и не мог вымолвить ни слова. Наконец, запинаясь, попросил я красавицу осчастливить наш праздник и занять на нем место, соответственно тому украшению, что венчает ее. Оробев, она бросила на меня трогательный взгляд, моливший о пощаде; но, робея еще больше нее, я назвал себя ее подданным и первый уверил ее в своем благоговении и преданности; для гостей желание графа было приказом, который все поспешили исполнить. На нашем веселом празднестве царили величие, невинность и грация в союзе с красотой. Счастливые родители Минны думали, что их

Kind erhöht; ich selber war in einem unbeschreiblichen Rausch. Ich ließ alles, was ich noch von den Juwelen hatte, die ich damals, um beschwerliches Gold los zu werden, gekauft, alle Perlen, alles Edelmetall in zwei verdeckte Schüsseln legen und bei Tische, unter dem Namen der Königin, ihren Gespielinnen und allen Damen herumreichen; Gold ward indessen ununterbrochen über die gezogenen Schranken unter das jubelnde Volk geworfen.

Bendel am andern Morgen eröffnete mir im Vertrauen, der Verdacht, den er längst gegen Rascals Redlichkeit gehegt, sei nunmehr zur Gewißheit worden. Er habe gestern ganze Säcke Goldes unterschlagen. »Laß uns«, erwidert ich, »dem armen Schelmen die kleine Beute gönnen; ich spende gern allen, warum nicht auch ihm? Gestern hat er mir, haben mir alle neuen Leute, die du mir gegeben, redlich gedient, sie haben mir froh ein frohes Fest begehen helfen.«

Es war nicht weiter die Rede davon. Rascal blieb der erste meiner Dienerschaft, Bendel war aber mein Freund und mein Vertrauter. Dieser war gewohnt worden, meinen Reichtum als unerschöpflich zu denken, und er spähte nicht nach dessen Quellen; er half mir vielmehr, in meinen Sinn eingehend, Gelegenheiten ersinnen, ihn darzutun und Gold zu vergeuden. Von jenem Unbekannten, dem blassen Schleicher, wußt er nur so viel: Ich dürfe allein durch ihn von dem Fluche erlöst werden, der auf mir laste, und fürchte ihn, auf dem meine einzige Hoffnung ruhe. Übrigens sei ich davon überzeugt, er könne mich überall auffinden, ich ihn nirgends, darum ich, den versprochenen Tag erwartend, jede vergebliche Nachsuchung eingestellt.

Die Pracht meines Festes und mein Benehmen dabei erhielten anfangs die starkgläubigen Einwohner der Stadt bei ihrer vorgefaßten Meinung. Es ergab sich freilich sehr bald aus den Zeitungen, daß die ganze fabelhafte Reise des Königs von Preußen ein bloßes ungegründetes Gerücht gewesen. Ein König war ich aber nun einmal, und mußte schlechterdings ein König bleiben, und zwar einer der reichsten und königlichsten, die es immer geben mag. Nur wußte man nicht recht, welcher. Die Welt hat nie Grund gehabt, über Mangel an Monarchen zu klagen, am wenigsten in unsern Tagen; die guten Leute, die noch keinen mit Augen gesehen, rieten mit gleichem Glück bald auf diesen, bald auf jenen - Graf Peter blieb immer, der er war.

Einst erschien unter den Badegästen ein Handelsmann, der Bankerot gemacht hatte, um sich zu bereichern, der allgemeiner Achtung genoß und einen breiten, obgleich etwas blassen Schatten von sich warf. Er wollte hier das Vermögen, das er gesammelt, zum Prunk ausstellen, und es fiel sogar ihm ein, mit mir wetteifern zu wollen. Ich sprach meinem Seckel zu, und hatte sehr bald den armen Teufel so weit, daß er, um sein Ansehen zu retten, abermals Bankerot machen mußte und über das Gebirge ziehen. So ward ich ihn los. - Ich habe in dieser Gegend viele Taugenichtse und Müßiggänger gemacht!

Bei der königlichen Pracht und Verschwendung, womit ich mir alles unterwarf, lebt ich in meinem Hause sehr einfach und eingezogen. Ich hatte mir die größte Vorsicht zur Regel gemacht, es durfte, unter keinem Vorwand, kein anderer, als Bendel, die Zimmer, die ich bewohnte, betreten. So lange die Sonne schien, hielt ich mich mit ihm darin verschlossen, und es hieß: der Graf arbeite in seinem Kabinet. Mit diesen Arbeiten standen die häufigen Kuriere in Verbindung, die ich um jede Kleinigkeit abschickte und erhielt. - Ich nahm nur am Abend unter meinen Bäumen, oder in meinem nach Bendels Angabe geschickt und reich erleuchteten Saale Gesellschaft an. Wenn ich ausging, wobei mich stets Bendel mit Argusaugen bewachen mußte, so war es nur nach dem Förstergarten, und um der Einen willen; denn meines Lebens innerlichstes Herz war meine Liebe.

O mein guter Chamisso, ich will hoffen, Du habest noch nicht vergessen, was Liebe sei! Ich lasse Dir hier vieles zu ergänzen. Mina war wirklich ein liebewertes, gutes, frommes Kind. Ich hatte ihre ganze Phantasie an mich gefesselt, sie wußte in ihrer Demut nicht, womit sie wert gewesen, daß ich nur nach ihr geblickt; und sie vergalt Liebe um Liebe mit der vollen jugendlichen Kraft eines unschuldigen Herzens. Sie liebte wie ein Weib, ganz hin sich opfernd; selbstvergessen, hingegeben den nur meinend, der ihr Leben war, unbekümmert, solle sie selbst zu Grunde gehen, das heißt, sie liebte wirklich.

дочь возвеличена так только из уважения к ним; сам я все время находился в каком-то необыкновенном опьянении. Я приказал положить в две закрытые миски все оставшиеся у меня драгоценности, жемчуг и самоцветные камни, купленные еще в ту пору, когда я не знал, как избавиться от тяготившего меня золота, и во время ужина раздать их от имени царицы бала ее подругам и всем остальным дамам. Между тем ликующей толпе, стоявшей за огороженным пространством, бросали пригоршнями золото.

На следующее утро Бендель по секрету сообщил мне, что подозрения, которые он давно питал насчет Раскала, окончательно подтвердились: вчера Раскал украл несколько мешков золота.

— Бог с ним, — сказал я, — пусть его, бедняга, попользуется, я раздаю направо и налево, почему не дать и ему? Вчера и он и все новые слуги, которых ты нанял, выполняли свои обязанности исправно, они весело помогали справлять веселый праздник.

Больше мы об этом не говорили, Раскал был моим камердинером, Бендель же другом и наперсником. Он привык считать мое богатство неистощимым и не старался дознаться, откуда оно; мало того, подхватывая на лету мои мысли, он вместе со мной придумывал, куда истратить мое золото, и помогал мне проматывать деньги. О незнакомце, о бледном пронырливом человеке Бендель знал одно: только он может избавить меня от тяготеющего надо мной проклятия, и хотя на нем зиждутся все мои надежды, я боюсь предстоящей встречи. Впрочем, я убежден, что, где бы я ни был, он при желании всегда меня разыщет, мне же его нипочем не разыскать, поэтому я и отказался от напрасных поисков и жду обещанного дня.

Пышность заданного мною пира и мое поведение на нем в первое время только укрепили легковверных обывателей в их предвзятом мнении. Правда, из газет вскоре выяснилось, что легендарное путешествие прусского короля — необоснованный слух. Но так или иначе меня сделали королем, и так королем я и остался, да к тому же еще одним из самых богатых и щедрых. Вот только никто не знал, какого королевства. [Мир никогда не имел основания жаловаться на недостаток монархов, а в наши дни особенно](#); добрые люди и в глаза не видывали королей и посему с равным основанием приписывали мне то то, то иное королевство. Граф Петер неизменно оставался тем, кем он был.

Однажды среди приехавших на воды появился некий коммерсант, с целью наживы объявивший себя банкротом; он пользовался всеобщим уважением и отбрасывал, правда, широкую, но бледноватую тень. Он хотел прихвастнуть здесь накопленным богатством, ему даже взбрело на ум потягаться со мной. Я прибегнул к своему кошельку и вскоре довел беднягу до того, что ему, дабы спасти свой престиж, пришлось снова объявить себя банкротом и перебраться по ту сторону гор. Так я отделался от него. Ох, сколько бездельников и тунеядцев наплодил я в здешней местности!

Своей поистине королевской расточительностью и роскошью я подчинил себе всё, однако у себя дома я жил очень скромно и уединенно. Я поставил себе за правило величайшую осторожность; никто, кроме Бенделя, ни под каким предлогом не смел входить в мои личные покои.

Пока светило солнце, я сидел там, запершись с Бенделем, и всем говорилось: граф работает у себя в кабинете. Работой же объяснялось то множество посыльных, которых я гонял по всяким пустыкам взад и вперед. Только по вечерам принимал я гостей, либо в тени деревьев, либо в зале, ярко освещенном согласно искусным указаниям Бенделя. Когда я выходил, Бендель не спускал с меня своего неусыпного ока, выходил же я только в сад к лесничему и только ради нее, моей единственной, ибо самым заветным в жизни была для меня моя любовь.

О, душа мой Шамиссо, я надеюсь, ты еще не забыл, что такое любовь! Ты сам дополнишь остальное. Минна была доброй, кроткой девушкой, достойной любви. Я овладел всеми ее помыслами. По своей скромности она не понимала, чем заслужила мое исключительное внимание, и со всем пылом неискушенного юного сердца платила любовью за любовь. Она любила, как любят женщины, целиком отдаваясь чувству, самозабвенно, самоотверженно, думая только о том, кто был всей ее жизнью, готовая на любую жертву, то есть любила по-настоящему.

Ich aber - o welche schreckliche Stunden - schrecklich! und würdig dennoch, daß ich sie zurückwünsche - hab ich oft an Bendels Brust verweint, als nach dem ersten bewußtlosen Rausch ich mich besonnen, mich selbst scharf angeschaut, der ich, ohne Schatten, mit tückischer Selbstsucht diesen Engel verderbend, die reine Seele an mich gelogen und gestohlen! Dann beschloß ich, mich ihr selber zu verraten; dann gelobt ich mit teuren Eidschwüren, mich von ihr zu reißen und zu entfliehen; dann brach ich wieder in Tränen aus und verabredete mit Bendeln, wie ich sie auf den Abend im Förstergarten besuchen wolle.

Zu andern Zeiten log ich mir selber vom nahe bevorstehenden Besuch des grauen Unbekannten große Hoffnungen vor, und weinte wieder, wenn ich daran zu glauben vergebens versucht hatte. Ich hatte den Tag ausgerechnet, wo ich den Furchtbaren wieder zu sehen erwartete; denn er hatte gesagt, in Jahr und Tag, und ich glaubte an sein Wort.

Die Eltern waren gute, ehrbare, alte Leute, die ihr einziges Kind sehr liebten, das ganze Verhältnis überraschte sie, als es schon bestand, und sie wußten nicht, was sie dabei tun sollten. Sie hatten früher nicht geträumt, der Graf Peter könne nur an ihr Kind denken, nun liebte er sie gar und ward wieder geliebt. - Die Mutter war wohl eitel genug, an die Möglichkeit einer Verbindung zu denken, und darauf hinzuarbeiten; der gesunde Menschenverstand des Alten gab solchen überspannten Vorstellungen nicht Raum. Beide waren überzeugt von der Reinheit meiner Liebe - sie konnten nichts tun, als für ihr Kind beten.

Es fällt mir ein Brief in die Hand, den ich noch aus dieser Zeit von Mina habe. - Ja, das sind ihre Züge! Ich will Dir ihn abschreiben.

»Bin ein schwaches, törichtes Mädchen, könnte mir einbilden, daß mein Geliebter, weil ich ihn innig, innig liebe, dem armen Mädchen nicht weh tun möchte. - Ach, Du bist so gut, so unaussprechlich gut; aber mißdeute mich nicht. Du sollst mir nichts opfern, mir nichts opfern wollen; o Gott! ich könnte mich hassen, wenn Du das tätest. Nein - Du hast mich unendlich glücklich gemacht, Du hast mich Dich lieben gelehrt. Zeuch hin! - Weiß doch mein Schicksal, Graf Peter gehört nicht mir, gehört der Welt an. Will stolz sein, wenn ich höre: das ist er gewesen, und das war er wieder, und das hat er vollbracht; da haben sie ihn angebetet, und da haben sie ihn vergöttert. Siehe, wenn ich das denke, zürne ich Dir, daß Du bei einem einfältigen Kinde Deiner hohen Schicksale vergessen kannst. - Zeuch hin, sonst macht der Gedanke mich noch unglücklich, die ich, ach! durch Dich so glücklich, so selig bin. - Hab ich nicht auch einen Ölzweig und eine Rosenknospe in Dein Leben geflochten, wie in den Kranz, den ich Dir überreichen durfte? Habe Dich im Herzen, mein Geliebter, fürchte nicht, von mir zu gehen - werde sterben, ach! so selig, so unaussprechlich selig durch Dich.«

Du kannst Dir denken, wie mir die Worte durchs Herz schneiden mußten. Ich erklärte ihr, ich sei nicht das, wofür man mich anzusehen schien; ich sei nur ein reicher, aber unendlich elender Mann. Auf mir ruhe ein Fluch, der das einzige Geheimnis zwischen ihr und mir sein solle, weil ich noch nicht ohne Hoffnung sei, daß er gelöst werde. Dies sei das Gift meiner Tage: daß ich sie mit in den Abgrund hinreißen könne, sie, die das einzige Licht, das einzige Glück, das einzige Herz meines Lebens sei. Dann weinte sie wieder, daß ich unglücklich war. Ach, sie war so liebevoll, so gut! Um *eine* Träne nur mir zu erkaufen, hätte sie, mit welcher Seligkeit, sich selbst ganz hingeopfert. Sie war indes weit entfernt, meine Worte richtig zu deuten, sie ahnete nun in mir irgend einen Fürsten, den ein schwerer Bann getroffen, irgend ein hohes, geachtetes Haupt, und ihre Einbildungskraft malte sich geschäftig unter heroischen Bildern den Geliebten herrlich aus. Einst sagte ich ihr: »Mina, der letzte Tag im künftigen Monat kann mein Schicksal ändern und entscheiden - geschieht es nicht, so muß ich sterben, weil ich dich nicht unglücklich machen will.« - Sie verbarg weinend ihr Haupt an meiner Brust. »Ändert sich dein Schicksal, laß mich nur dich glücklich wissen, ich habe keinen Anspruch an dich. - Bist du elend, binde mich an dein Elend, daß ich es dir tragen helfe.«

Я же... о, какие ужасные часы — ужасные, но как бы я хотел их вернуть! — провел я, рыдая на груди у Бенделя, когда опомнился после первого опьянения и посмотрел на себя со стороны: как мог я, человек, лишенный тени, в коварном себялюбии толкать на гибель этого ангела, приворожив ее и похитив ее любовь! Я то решал открыться ей во всем; то клялся страшными клятвами вырвать ее из своего сердца и бежать; то снова разражался слезами и обсуждал с Бенделем, как нам свидеться с ней вечером в саду лесничего.

Бывали дни, когда я пытался обмануть себя самого, возлагая большие надежды на близкое свидание с серым незнакомцем, а потом снова плакал, ибо при всем желании не мог поверить этим надеждам. Я высчитал день ожидаемой страшной встречи, ведь он сказал — через год со днем, и я верил его слову.

Родители Минны были хорошими, почтенными людьми, горячо любившими свою единственную дочь. Наше сближение, о котором они узнали не сразу, поразило их, и они не знали, что делать. Им и во сне не снилось, что графу Петеру может приглянуться их дочь; а теперь, оказывается, он ее любит, и она отвечает ему взаимностью. Мать была достаточно тщеславной, считала наш брак возможным и старалась ему способствовать; разумный, знающий жизнь старик не допускал подобных сумасбродных фантазий. Оба были убеждены в чистоте моих помыслов; им оставалось только молить бога за свое дитя.

Мне под руку попало письмо Минны, сохранившееся еще от той поры. Да, это ее почерк! Я перепишу его для тебя.

«Я молода и глупа! Я вообразила, что мой любимый не может сделать больно мне, бедной девушке, — ведь я люблю его от всего сердца, от всего своего сердца. Ах, ты такой добрый, такой удивительно добрый, но не пойми меня превратно. Ты не должен ничем жертвовать ради меня, даже мысленно. Господи! Я бы возненавидела себя, если бы ты это сделал! Нет — ты дал мне безмерное счастье, научил любить тебя. Уезжай! Я знаю свою судьбу! Граф Петер принадлежит не мне, он принадлежит миру. Я хочу с гордостью слышать: «это был он», и «это снова был он», и «это совершил он», и «все благоговеют перед ним», и «его боготворят». Понимаешь, когда я об этом подумаю, я сержусь на тебя за то, что ты забываешь о своем великом предназначении из любви к такой простушке, как я. Уезжай, ибо от этой мысли я могу почувствовать себя несчастной, а ты дал мне такое счастье, такое блаженство! Разве я не вплела и в твою жизнь оливковую ветвь и еще не распустившуюся розу, так же как и в тот венок, который мне было даровано преподнести тебе? Ты живешь в моем сердце, любимый мой, не бойся расстаться со мной — благодаря тебе я умру такой счастливой, такой бесконечно счастливой».

Ты можешь себе представить, какой болью отозвались в моем сердце эти слова. Я признался ей, что я не тот, за кого меня принимают; я просто богатый и бесконечно несчастный человек. Надо мной тяготеет проклятие, которое должно остаться единственной моей тайной от нее, ибо я еще не потерял надежды, что оно будет снято. Это-то и отравляет мне жизнь: я боюсь увлечь за собой в бездну и ее — ее, единственный светоч, единственное счастье моей жизни, единственное сокровище моего сердца. Она снова заплакала, теперь уже из жалости ко мне. Ах, какая она была ласковая, какая добрая! Ради того, чтоб я не пролил лишней слезинки, она бы с радостью пожертвовала собой.

Но как она была далека от правильного истолкования моих слов! Она подозревала, что я владетельный князь, подвергшийся изгнанию, высокая особа в опале, ее живая фантазия уже окружала возлюбленного героическим ореолом.

Как-то я сказал ей:

— Минна, последний день следующего месяца может изменить и решить мою судьбу. Если этого не случится, я должен умереть, потому, что не хочу делать тебя несчастной.

Она, плача, спрятала лицо у меня на груди.

— Если судьба твоя изменится, мне достаточно знать, что ты счастлив, больше мне ничего не надо. Если ты будешь несчастлив, не покидай меня, я помогу тебе нести твой крест.

»Mädchen, Mädchen, nimm es zurück, das rasche Wort, das törichte, das deinen Lippen entflohen - und kennst du es, dieses Elend, kennst du ihn, diesen Fluch? Weißt du, wer dein Geliebter - - was er -? - Siehst du mich nicht krampfhaft zusammenschauern, und vor dir ein Geheimnis haben?« Sie fiel schluchzend mir zu Füßen, und wiederholte mit Eidschwur ihre Bitte.

Ich erklärte mich gegen den hereintretenden Forstmeister, meine Absicht sei, am ersten des nächstkünftigen Monats um die Hand seiner Tochter anzuhalten - ich setzte diese Zeit fest, weil sich bis dahin manches ereignen dürfte, was Einfluß auf mein Schicksal haben könnte. Unwandelbar sei nur meine Liebe zu seiner Tochter.

Der gute Mann erschrak ordentlich, als er solche Worte aus dem Munde des Grafen Peter vernahm. Er fiel mir um den Hals, und ward wieder ganz verschämt, sich vergessen zu haben. Nun fiel es ihm ein, zu zweifeln, zu erwägen und zu forschen; er sprach von Mitgift, von Sicherheit, von Zukunft für sein liebes Kind. Ich dankte ihm, mich daran zu mahnen. Ich sagte ihm, ich wünsche in dieser Gegend, wo ich geliebt zu sein schien, mich anzusiedeln, und ein sorgenfreies Leben zu führen. Ich bat ihn, die schönsten Güter, die im Lande ausgebaut wurden, unter dem Namen seiner Tochter zu kaufen, und die Bezahlung auf mich anzuweisen. Es könne darin ein Vater dem Liebenden am besten dienen. - Es gab ihm viel zu tun, denn überall war ihm ein Fremder zugekommen; er kaufte auch nur für ungefähr eine Million.

Daß ich ihn damit beschäftigte, war im Grunde eine unschuldige List, um ihn zu entfernen, und ich hatte schon ähnliche mit ihm gebraucht, denn ich muß gestehen, daß er etwas lästig war. Die gute Mutter war dagegen etwas taub, und nicht, wie er, auf die Ehre eifersüchtig, den Herrn Grafen zu unterhalten.

Die Mutter kam hinzu, die glücklichen Leute drangen in mich, den Abend länger unter ihnen zu bleiben; ich durfte keine Minute weilen: ich sah schon den aufgehenden Mond am Horizonte dämmern. - Meine Zeit war um.

Am nächsten Abend ging ich wieder nach dem Förstergarten. Ich hatte den Mantel weit über die Schulter geworfen, den Hut tief in die Augen gedrückt, ich ging auf Mina zu; wie sie aufsaß, und mich anblickte, machte sie eine unwillkürliche Bewegung; da stand mir wieder klar vor der Seele die Erscheinung jener schaurigen Nacht, wo ich mich im Mondschein ohne Schatten gezeigt. Sie war es wirklich. Hatte sie mich aber auch jetzt erkannt? Sie war still und gedankenvoll - mir lag es zentnerschwer auf der Brust - ich stand von meinem Sitz auf. Sie warf sich stille weinend an meine Brust. Ich ging.

Nun fand ich sie öfters in Tränen, mir wards finster und finsterer um die Seele, - nur die Eltern schwammen in überschwenglicher Glückseligkeit; der verhängnisvolle Tag rückte heran, bang und dumpf, wie eine Gewitterwolke. Der Vorabend war da - ich konnte kaum mehr atmen. Ich hatte vorsorglich einige Kisten mit Gold angefüllt, ich wachte die zwölfte Stunde heran. - Sie schlug. Nun saß ich da, das Auge auf die Zeiger der Uhr gerichtet, die Sekunden, die Minuten zählend, wie Dolchstiche. Bei jedem Lärm, der sich regte, fuhr ich auf, der Tag brach an. Die bleiernen Stunden verdrängten einander, es ward Mittag, Abend, Nacht; es rückten die Zeiger, welkte die Hoffnung; es schlug eilf, und nichts erschien, die letzten Minuten der letzten Stunde fielen, und nichts erschien, es schlug der erste Schlag, der letzte Schlag der zwölften Stunde, und ich sank hoffnungslos in unendlichen Tränen auf mein Lager zurück. Morgen sollt ich - auf immer schattenlos, um die Hand der Geliebten anhalten; ein banger Schlaf drückte mir gegen den Morgen die Augen zu.

— Возьми, возьми обратно быстрое необдуманное слово, слетевшее с твоих уст! Знаешь ли ты, в чем мое горе, в чем мое проклятье? Знаешь ли ты, кто твой возлюбленный... знаешь ли, что он?.. Ты видишь, я содрогаюсь и не могу решиться открыть тебе свою тайну!

Она, рыдая, упала к моим ногам, молила меня, клялась в верности и повторяла свою просьбу.

Я объявил подошедшему лесничему о своем намерении через месяц первого числа просить руки его дочери. Такой срок я установил потому, что за это время многое в моей жизни может измениться. Неизменна только моя любовь к его дочери.

Добрый старик очень испугался, услыша такие слова из уст графа Петера. Он бросился мне на шею, но тут же сконфузился при мысли, что мог так забыть. Затем он начал сомневаться, раздумывать, допытываться; заговорил о приданом, об обеспечении, о будущем своей любимой дочери. Я поблагодарил его, что он напомнил об этом. Сказал, что хочу поселиться здесь, в этой местности, где меня как будто любят, и зажить беззаботной жизнью. Я попросил его приобрести на имя его дочери лучшие из продажных имений, а оплату перевести на меня. В таких делах отец лучше всякого другого может помочь жениху.

Ему пришлось здорово похлопотать: всюду его опережал какой-то чужестранец; лесничему удалось купить имений только на миллион.

Поручая ему эти хлопоты, я в сущности старался его удалить, я не раз уже прибегал к подобным невинным хитростям, ибо, должен признаться, он бывал назойлив. Мамаша была туга на ухо и не стремилась к чести развлекать его сиятельство графа своими разговорами.

Тут подросла мать. Счастливые родители настоятельно просили провести с ними сегодняшний вечер; я же не мог задержаться ни на минуту: я видел, что на небе уже всходит луна. Время мое истекло.

На следующий вечер я опять пошел в сад к лесничему. Набросив плащ на плечи, надвинув шляпу на самые глаза, я направился прямо к Минне. Она подняла голову, посмотрела на меня и вдруг сделала невольное движение; и перед моим умственным взором сразу возникло видение той страшной ночи, когда я, не имея тени, решился выйти при луне. Да, это была она. Но узнала ли она меня? Минна в раздумье молчала, у меня было тяжело на сердце. Я встал. Она, беззвучно рыдая, бросилась мне на грудь. Я ушел.

Теперь я часто заставлял Минну в слезах; у меня на душе с каждым днем становилось все мрачней и мрачней; только родители купались в блаженстве. Роковой день надвигался, жуткий и темный, как грозная туча. Наступил последний вечер — я еле дышал. Предусмотрительно наполнив золотом несколько сундуков, я стал ожидать полночи.

Часы проббили двенадцать.

Я не спускал глаз со стрелки, считал секунды, минуты, ощущая их как удары кинжала. Я вздрагивал от малейшего шума. Наступило утро. Один за другим проходили тягостные часы, миновал полдень, настал вечер, ночь; двигались стрелки; гасла надежда; пробил одиннадцать, никто не появлялся; уходили последние минуты последнего часа, никто не появлялся; пробил первый удар, пробил последний удар двенадцатого часа; потеряв всякую надежду, обливаясь слезами, повалился я на свое ложе. Завтра мне, навеки лишенному тени, предстояло просить руки возлюбленной; под утро я забылся тяжелым сном.

V.

Es war noch früh, als mich Stimmen weckten, die sich in meinem Vorzimmer, in heftigem Wortwechsel, erhoben. Ich horchte auf. - Bendel verbot meine Tür; Rascal schwur hoch und teuer, keine Befehle von seines Gleichen anzunehmen, und bestand darauf, in meine Zimmer einzudringen. Der gütige Bendel verwies ihm, daß solche Worte, falls sie zu meinen Ohren kämen, ihn um einen vorteilhaften Dienst bringen würden. Rascal drohte Hand an ihn zu legen, wenn er ihm den Eingang noch länger vertreten wollte.

Ich hatte mich halb angezogen, ich riß zornig die Tür auf, und fuhr auf Rascaln zu - »Was willst du, Schurke - -« er trat zwei Schritte zurück, und antwortete ganz kalt: »Sie untertänigst bitten, Herr Graf, mir doch einmal Ihren Schatten sehen zu lassen, - die Sonne scheint eben so schön auf dem Hofe.«

Ich war wie vom Donner gerührt. Es dauerte lange, bis ich die Sprache wieder fand. - »Wie kann ein Knecht gegen seinen Herrn -?« Er fiel mir ganz ruhig in die Rede: »Ein Knecht kann ein sehr ehrlicher Mann sein und einem Schattenlosen nicht dienen wollen, ich fordre meine Entlassung.« Ich mußte andere Saiten aufziehen. »Aber, Rascal, lieber Rascal, wer hat dich auf die unglückliche Idee gebracht, wie kannst du denken - -?« er fuhr im selben Tone fort: »Es wollen Leute behaupten, Sie hätten keinen Schatten - und kurz, Sie zeigen mir Ihren Schatten, oder geben mir meine Entlassung.«

Bendel, bleich und zitternd, aber besonnener als ich, machte mir ein Zeichen, ich nahm zu dem alles beschwichtigenden Golde meine Zuflucht, - auch das hatte seine Macht verloren - er warfs mir vor die Füße: »von einem Schattenlosen nehme ich nichts an.« Er kehrte mir den Rücken und ging, den Hut auf dem Kopf, ein Liedchen pfeifend, langsam aus dem Zimmer. Ich stand mit Bendel da wie versteint, gedanken- und regungslos ihm nachsehend.

Schwer aufseufzend und den Tod im Herzen, schickt ich mich endlich an, mein Wort zu lösen, und, wie ein Verbrecher vor seinen Richtern, in dem Förstergarten zu erscheinen. Ich stieg in der dunklen Laube ab, welche nach mir benannt war, und wo sie mich auch diesmal erwarten mußten. Die Mutter kam mir sorgenfrei und freudig entgegen. Mina saß da, bleich und schön, wie der erste Schnee, der manchmal im Herbste die letzten Blumen küßt, und gleich in bittres Wasser zerfließen wird. Der Forstmeister, ein geschriebenes Blatt in der Hand, ging heftig auf und ab, und schien vieles in sich zu unterdrücken, was, mit fliegender Röte und Blässe wechselnd, sich auf seinem sonst unbeweglichen Gesichte malte. Er kam auf mich zu, als ich hereintrat, und verlangte mit oft unterbrochenen Worten, mich allein zu sprechen. Der Gang, auf den er mich, ihm zu folgen, einlud, führte nach einem freien, besonnten Teile des Gartens - ich ließ mich stumm auf einen Sitz nieder, und es erfolgte ein langes Schweigen, das selbst die gute Mutter nicht zu unterbrechen wagte.

Der Forstmeister stürmte immer noch ungleichen Schrittes die Laube auf und ab, er stand mit einem Mal vor mir still, blickte ins Papier, das er hielt, und fragte mich mit prüfendem Blick: »Sollte Ihnen, Herr Graf, ein gewisser Peter Schlemihl wirklich nicht unbekannt sein?« Ich schwieg - »ein Mann von vorzüglichem Charakter und von besonderen Gaben -« Er erwartete eine Antwort. - »Und wenn ich selber der Mann wäre?« - »dem«, fügte er heftig hinzu, »sein Schatten abhanden gekommen ist!!« -

Было еще очень рано, когда меня разбудили голоса людей, громко споривших в прихожей. Я прислушался. Бендель не пускал ко мне. Раскал ругался на чем свет стоит, кричал, что распоряжение равных ему людей для него не указ, и насильно ломился ко мне в спальню. Добрый Бендель увещевал его, говоря, что, ежели такие слова дойдут до моего слуха, Раскал лишится выгодного места. Тот грозился, что полезет в драку, если Бендель будет стоять на своем и не допустит его ко мне.

Я кое-как оделся. В ярости распахнул я дверь и напустился на Раскала:

— Зачем ты сюда пожаловал, бездельник? Он отступил шага на два и холодно ответил:

— Покорнейше просить вас, господин граф, позволить мне взглянуть на вашу тень! На дворе сейчас ярко светит солнце.

Слова его меня точно громом поразили. Долго не мог я снова обрести дар речи.

— Как может лакей так говорить со своим господином?..

Он спокойно перебил меня:

— Лакеи тоже бывают порядочными, а порядочный не захочет служить господину, у которого нет тени. Я пришел за расчетом.

Я попытался затронуть другие струны:

— Но, дорогой мой Раскал, кто внушил тебе такую злополучную мысль? Неужели ты думаешь?.. Он продолжал в прежнем тоне:

— Люди болтают, будто у вас нет тени, — да что там говорить, покажите мне вашу тень или пожалуйте расчет.

Побледневший, дрожащий Бендель оказался находчивей меня, он подал мне знак; я прибег к все улаживающему золоту. Но и оно потеряло свою силу, Раскал швырнул деньги мне под ноги:

— От человека, у которого нет тени, мне ничего не надо!

Он повернулся ко мне спиной и, не сняв шляпы, насвистывая песенку, медленно вышел из комнаты. Мы с Бенделем, словно окаменев, смотрели ему вслед, без мысли, без движения.

Тяжело вздыхая, скорбя душой, собрался я, наконец, вернуть слово и, как преступник перед судьями, предстать перед семьей лесничего. Я вошел в темную беседку, названную в честь меня, где они должны были дожидаться моего прихода и на этот раз. Ничего не подозревавшая мать встретила меня радостно. Минна сидела в беседке, бледная и прекрасная, как первый снег, который иногда в осеннюю пору целует последние цветы, чтобы тут же растаять и превратиться в горькую влагу. Лесничий, держа в руке исписанный лист бумаги, шагал из угла в угол и, казалось, старался побороть чувства, отражавшиеся на его то красневшем, то бледневшем лице, обычно мало выразительном. Он сейчас же подошел ко мне и потребовал, прерывая свои слова вздохами, чтобы я поговорил с ним наедине. Аллея, куда он предложил нам уединиться, вела в открытую, залитую солнцем часть сада. Ни слова не говоря, опустился я на скамью; последовало долгое молчание, прервать которое не решалась даже мамаша.

Лесничий продолжал быстро и нервно шагать из угла в угол беседки; вдруг он остановился передо мной, посмотрел на листок, который держал в руке, и, глядя на меня испытующим взглядом, спросил:

— Скажите, ваше сиятельство, вам действительно знаком некий Петер Шлемиль?

Я молчал.

— Человек прекрасного нрава, одаренный особыми талантами...

Он ждал ответа.

— А что, если я сам этот человек?

— ...и потерявший свою собственную тень! — прибавил он резко.

»O meine Ahnung, meine Ahnung!« rief Mina aus, »ja, ich weiß es längst, er hat keinen Schatten!« und sie warf sich in die Arme der Mutter, welche erschreckt, sie krampfhaft an sich schließend, ihr Vorwürfe machte, daß sie zum Unheil solch ein Geheimnis in sich verschlossen. Sie aber war, wie Arethusa, in einen Tränenquell gewandelt, der beim Klang meiner Stimme häufiger floß, und bei meinem Nahen stürmisch aufbrauste.

»Und Sie haben«, hub der Forstmeister grimmig wieder an, »und Sie haben mit unerhörter Frechheit diese und mich zu betrügen keinen Anstand genommen; und Sie geben vor, sie zu lieben, die Sie so weit heruntergebracht haben? Sehen Sie, wie sie da weint und ringt. O schrecklich! schrecklich!« Ich hatte dergestalt alle Besinnung verloren, daß ich, wie irre redend, anfang: Es wäre doch am Ende ein Schatten, nichts als ein Schatten, man könne auch ohne das fertig werden, und es wäre nicht der Mühe wert, solchen Lärm davon zu erheben. Aber ich fühlte so sehr den Ungrund von dem, was ich sprach, daß ich von selbst aufhörte, ohne daß er mich einer Antwort gewürdigt. Ich fügte noch hinzu: was man einmal verloren, könne man ein andermal wieder finden.

Er fuhr mich zornig an. - »Gestehen Sie mirs, mein Herr, gestehen Sie mirs, wie sind Sie um Ihren Schatten gekommen?« Ich mußte wieder lügen: »Es trat mir dereinst ein ungeschlachter Mann so flämisch in meinen Schatten, daß er ein großes Loch darein riß - ich habe ihn nur zum Ausbessern gegeben, denn Gold vermag viel, ich habe ihn schon gestern wieder bekommen sollen.«

»Wohl, mein Herr, ganz wohl!« erwiderte der Forstmeister, »Sie werben um meine Tochter, das tun auch andere, ich habe als ein Vater für sie zu sorgen, ich gebe Ihnen drei Tage Frist, binnen welcher Sie sich nach einem Schatten umtun mögen; erscheinen Sie binnen drei Tagen vor mir mit einem wohlangepaßten Schatten, so sollen Sie mir willkommen sein: am vierten Tage aber - das sag ich Ihnen - ist meine Tochter die Frau eines andern.« - Ich wollte noch versuchen, ein Wort an Mina zu richten, aber sie schloß sich, heftiger schluchzend, fester an ihre Mutter, und diese winkte mir stillschweigend, mich zu entfernen. Ich schwankte hinweg, und mir wars, als schlosse sich hinter mir die Welt zu.

Der liebevollen Aufsicht Bendels entsprungen, durchschweifte ich in irrem Lauf Wälder und Fluren. Angstschweiß troff von meiner Stirne, ein dumpfes Stöhnen entrang sich meiner Brust, in mir tobte Wahnsinn.

Ich weiß nicht, wie lange es so gedauert haben mochte, als ich mich auf einer sonnigen Heide beim Ärmel anhalten fühlte. - Ich stand still und sah mich um - - es war der Mann im grauen Rock, der sich nach mir außer Atem gelaufen zu haben schien. Er nahm sogleich das Wort:

»Ich hatte mich auf den heutigen Tag angemeldet, Sie haben die Zeit nicht erwarten können. Es steht aber alles noch gut, Sie nehmen Rat an, tauschen Ihren Schatten wieder ein, der Ihnen zu Gebote steht, und kehren sogleich wieder um. Sie sollen in dem Förstergarten willkommen sein, und alles ist nur ein Scherz gewesen; den Rascal, der Sie verraten hat und um Ihre Braut wirbt, nehm ich auf mich, der Kerl ist reif.«

Ich stand noch wie im Schlafe da. - »Auf den heutigen Tag angemeldet -?« ich überdachte noch einmal die Zeit - er hatte recht, ich hatte mich stets um einen Tag verrechnet. Ich suchte mit der rechten Hand nach dem Seckel auf meiner Brust, - er erriet meine Meinung, und trat zwei Schritte zurück.

»Nein, Herr Graf, der ist in zu guten Händen, den behalten Sie.« - Ich sah ihn mit stieren Augen, verwundert fragend an, er fuhr fort: »Ich erbitte mir bloß eine Kleinigkeit zum Andenken, Sie sind nur so gut, und unterschreiben mir den Zettel da.« - Auf dem Pergament standen die Worte: »Kraft dieser meiner Unterschrift vermache ich dem Inhaber dieses meine Seele nach ihrer natürlichen Trennung von meinem Leibe.«

— Предчувствие не обмануло меня! — воскликнула Минна. — Да, я уже давно знала, что у него нет тени! — и она бросилась в объятия матери, которая в страхе судорожно прижала ее к груди, осыпая упреками за то, что она себе на горе скрыла от родителей такую ужасную тайну. Дочь превратилась, подобно Аретузе, в ручей слез, сильнее разливавшийся при звуке моего голоса, а при моем приближении струившийся бурным потоком.

— И вы не побоялись с неслыханной наглостью обмануть ее и меня? — гневно продолжал отец. — Вы говорите, что любите ее, и в то же время так ее опозорили? Видите, как она плачет и рыдает! Какой ужас! Какой ужас!

Я совсем потерял голову и, сам не понимая, что говорю, начал убеждать: да ведь в конце концов это же тень, всего только тень; можно отлично прожить и без нее, и право же не стоит подымать из-за этого столько шуму. Но я сам чувствовал всю неубедительность своих слов, я замолчал, а он не удостоил меня даже ответом. Я прибавил только: то, что раз потерял, в другой раз, случается, найдешь.

Он в ярости набросился на меня:

— Сознайтесь, сознайтесь, сударь, каким образом вы лишились тени?

Мне опять пришлось прибегнуть ко лжи:

— Какой-то олух так неудачно наступил на мою тень, что продырявил ее насквозь. Пришлось отдать тень в починку, ведь деньги творят чудеса; я надеялся получить ее вчера обратно.

— Так, так, государь мой, — возразил лесничий, — вы сватаете мою дочь, ее сватают и другие. На мне, как на отце, лежит забота о ней; даю вам три дня срока, в течение которых потрудитесь обзавестись тенью. Если вы за эти три дня явитесь с хорошо пригнанной тенью, милости просим; но на четвертый — будьте покойны — моя дочь станет женой другого.

Я было попробовал заговорить с Минной, но она, расплакавшись пуще прежнего, крепче прижалась к матери, и та молча махнула мне рукой — дескать, идите! Я побрел прочь, и мне казалось, что мир замкнулся у меня за спиной.

Скрывшись от надзора любящего Бенделя, в отчаянии блуждал я по лесам и полям. От страха лоб мой покрылся холодным потом, из груди вырывались глухие стенания, я сходил с ума.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг, очутившись на залитой солнцем поляне, я почувствовал, что кто-то схватил меня за рукав. Я остановился и оглянулся. У меня за спиной стоял человек в сером фраке, мне даже показалось, будто он запыхался, догоняя меня. Он сейчас же заговорил:

— Я обещал явиться сегодня; вы не могли дождаться условленного времени. Но ничто еще не потеряно; вы послушаетесь доброго совета, выменяете обратно свою тень, которую я предоставлю в ваше распоряжение, и тут же вернетесь туда, откуда пришли. Лесничий примет вас с распростертыми объятиями, все будет объяснено простой шуткой. С Раскалом, который вас выдал и сам сватается к вашей невесте, я и один справлюсь. Этот парень отпетый негодяй.

Я слушал как во сне.

— Вы обещали явиться сегодня?.. — я еще раз прикинул срок, он был прав: с самого начала я обсчитался на один день. Я нащупал правой рукой кошелек на груди; незнакомец правильно истолковал мое движение и отступил на два шага.

— Нет, господин граф, кошелек в очень хороших руках, оставьте его при себе!

Ничего не понимая, я вопросительно посмотрел на него. Он продолжал:

— Взамен тени я прошу пустячок, так, на память: будьте столь любезны, поставьте свою подпись вот под этой запиской!

На листочке пергамента стояли следующие слова: «Завещаю держателю сего мою душу после того, как она естественным путем разлучится с телом, что собственной подписью и удостоверяю».

Ich sah mit stummem Staunen die Schrift und den grauen Unbekannten abwechselnd an. - Er hatte unterdessen mit einer neu geschnittenen Feder einen Tropfen Bluts aufgefangen, der mir aus einem frischen Dornenriß auf die Hand floß, und hielt sie mir hin.

»Wer sind Sie denn?« frug ich ihn endlich. »Was tuts«, gab er mir zur Antwort, »und sieht man es mir nicht an? Ein armer Teufel, gleichsam so eine Art von Gelehrten und Physikus, der von seinen Freunden für vortreffliche Künste schlechten Dank erntet, und für sich selber auf Erden keinen andern Spaß hat, als sein bißchen Experimentieren - aber unterschreiben Sie doch. Rechts, da unten: Peter Schlemihl.«

Ich schüttelte mit dem Kopf und sagte: »Verzeihen Sie, mein Herr, das unterschreibe ich nicht.« - »Nicht?« wiederholte er verwundert, »und warum nicht?«

»Es scheint mir doch gewissermaßen bedenklich, meine Seele an meinen Schatten zu setzen.« - »So, so!« wiederholte er, »bedenklich«, und er brach in ein lautes Gelächter gegen mich aus. »Und, wenn ich fragen darf, was ist denn das für ein Ding, Ihre Seele? haben Sie es je gesehen, und was denken Sie damit anzufangen, wenn Sie einst tot sind? Seien Sie doch froh, einen Liebhaber zu finden, der Ihnen bei Lebenszeit noch den Nachlaß dieses X, dieser galvanischen Kraft oder polarisierenden Wirksamkeit, und was alles das närrische Ding sein soll, mit etwas Wirklichem bezahlen will, nämlich mit Ihrem leibhaftigen Schatten, durch den Sie zu der Hand Ihrer Geliebten und zu der Erfüllung aller Ihrer Wünsche gelangen können. Wollen Sie lieber selbst das arme junge Blut dem niederträchtigen Schurken, dem Rascal, zustoßen und ausliefern? - Nein, das müssen Sie doch mit eigenen Augen ansehen; kommen Sie, ich leihe Ihnen die Tarnkappe hier«, (er zog etwas aus der Tasche) »und wir wallfahrten ungesehen nach dem Förstergarten.«

Ich muß gestehen, daß ich mich überaus schämte, von diesem Manne ausgelacht zu werden. Er war mir von Herzensgrunde verhaßt, und ich glaube, daß mich dieser persönliche Widerwille mehr als Grundsätze oder Vorurteile abhielt, meinen Schatten, so notwendig er mir auch war, mit der begehrten Unterschrift zu erkaufen. Auch war mir der Gedanke unerträglich, den Gang, den er mir antrug, in seiner Gesellschaft zu unternehmen. Diesen häßlichen Schleicher, diesen hohnlächelnden Kobold, zwischen mich und meine Geliebte, zwei blutig zerrissene Herzen, spöttisch hintreten zu sehen, empörte mein innigstes Gefühl. Ich nahm, was geschehen war, als verhängt an, mein Elend als unabwendbar, und mich zu dem Manne kehrend, sagte ich ihm:

»Mein Herr, ich habe Ihnen meinen Schatten für diesen an sich sehr vorzüglichen Seckel verkauft, und es hat mich genug gereut. Kann der Handel zurückgehen, in Gottes Namen!« Er schüttelte mit dem Kopf und zog ein sehr finsternes Gesicht. Ich fuhr fort: - »So will ich Ihnen auch weiter nichts von meiner Habe verkaufen, sei es auch um den angebotenen Preis meines Schattens, und unterschreibe also nichts. Daraus läßt sich auch abnehmen, daß die Verkappung, zu der Sie mich einladen, ungleich belustigender für Sie als für mich ausfallen müßte; halten Sie mich also für entschuldigt, und da es einmal nicht anders ist, - laßt uns scheiden!«

»Es ist mir leid, Monsieur Schlemihl, daß Sie eigensinnig das Geschäft von der Hand weisen, das ich Ihnen freundschaftlich anbot. Indessen, vielleicht bin ich ein andermal glücklicher. Auf baldiges Wiedersehen! - A propos, erlauben Sie mir noch, Ihnen zu zeigen, daß ich die Sachen, die ich kaufe, keineswegs verschimmeln lasse, sondern in Ehren halte, und daß sie bei mir gut aufgehoben sind.« Er zog sogleich meinen Schatten aus seiner Tasche, und ihn mit einem geschickten Wurf auf der Heide entfaltend, breitete er ihn auf der Sonnenseite zu seinen Füßen aus, so, daß er zwischen den beiden ihm aufwartenden Schatten, dem meinen und dem seinen, daher ging, denn meiner mußte ihm gleichfalls gehorchen und nach allen seinen Bewegungen sich richten und bequemen. Als ich nach so langer Zeit einmal meinen armen Schatten wieder sah, und ihn zu solchem schnöden Dienst herabgewürdigt fand, eben als ich um seinetwillen in so namenloser Not war, da brach mir das Herz, und ich fing bitterlich zu weinen an. Der Verhaßte stolzierte mit dem mir abgesagten Raub, und erneuerte unverschämt seinen Antrag:

Оннемев от изумления, переводил я взгляд с записки на незнакомца в сером и обратно. Он же тем временем очинил перо, обмакнул его в каплю крови, выступившую у меня на ладони, которую я оцарапал об острый шип, и протянул мне.

— Кто же вы? — спросил я наконец.

— Не все ли равно? — отозвался он. — Да разве по мне не видно? Так, из породы лукавых, из тех ученых чудаков и лекарей, которые знают одну радость на свете — занятия всякой чертовщиной, хотя они и не получают благодарности за те диковинные штучки, что преподносят своим друзьям. Но поставьте же вашу подпись! Вот тут, направо внизу: Петер Шлемиль.

Я покачал головой и сказал:

— Простите, милостивый государь, но этого я не подпишу!

— Не подпишете? — удивленно повторил он. — А почему?

— Мне кажется в известной мере необдуманным променять душу на собственную тень.

— Так, так, — повторил он. — Необдуманно! — И он громко расхохотался прямо мне в лицо. — А позвольте спросить, что такое ваша душа? Вы ее когда-либо видели? И на кой прах она вам нужна после смерти? Радуйтесь, что нашли любителя, который еще при жизни согласен заплатить чем-то реальным, а именно вашей телесной тенью, при помощи которой вы можете добиться руки любимой девушки и исполнения всех желаний, за завещание этой неизвестной величины, этого X, этой гальванической силы или поляризирующего действия или как вам будет угодно назвать всю эту галиматью. Неужели же вы предпочитаете толкнуть в объятия подлого мошенника Раскала бедняжку Минну, такую еще молоденькую? Нет, надо, чтобы вы взглянули на это собственными глазами; идемте, я одолжу вам шапку-невидимку, — он вытащил что-то из кармана, — и, скрытые от людских взоров, мы совершим паломничество в сад к лесничему.

Должен признаться, мне было очень стыдно, что человек в сером меня одурачил. Я ненавидел его всеми силами души, и, думаю, личное отвращение сильнее, чем нравственные устои и предрассудки, удержало меня от выкупа тени — хоть она и была мне очень нужна — ценой требуемой подписи. Столь же невозможным казалось мне предпринять в его обществе предложенную им прогулку. Все мое существо возмущалось при мысли, что меня с любимой будет разделять отвратительный покров, что этот мерзкий пролаза будет издеваться над нашими истекающими кровью сердцами. Я считал то, что случилось, волей рока, а свою беду неотвратимой, и, повернувшись к нему, сказал:

— Сударь, я продал вам свою тень за этот весьма превосходный кошелек и потом очень каюлся. Если сделку можно расторгнуть — слава богу!

Он покачал головой и сразу помрачнел. Я продолжал:

— Ничего больше из того, что мне принадлежит, я вам не продам, даже если вы предложите в уплату мою тень, а, значит, ничего не подпишу. Отсюда можно сделать тот вывод, что путешествие в шапке-невидимке, которое вы мне предлагаете, будет не в равной мере увеселительным для вас и для меня. Посему прошу меня извинить, и, раз мы ни к чему не пришли, — расстанемся!

— Весьма сожалею, мсье Шлемиль, что вы упорно отказываетесь от сделки, которую я вам дружески предлагаю. Возможно, в другой раз я буду счастливее. До скорого свидания! А ргорос*, будьте любезны убедиться, что вещи, которые я покупаю, не плесневеют; они у меня в чести и в полной сохранности.

Он сейчас же вытащил из кармана мою тень и, ловко бросив ее на поляну, раскатал и расправил на солнечной стороне у своих ног, так что к его услугам оказались две тени — моя и его собственная, — между которыми он и шагал, ибо моя тень тоже слушалась его и поддельвалась под все его движения.

Когда, после столь долгого перерыва, я снова увидел свою тень, да притом еще обещенную унижительной службой у такого негодяя, в то время как я из-за нее терпел нечеловеческие муки, сердце мое не выдержало, и я горько разрыдался. А он, ненавистный, хвастаясь похищенной у меня собственностью, возобновил свое наглое предложение:

* Кстати (франц.).

»Noch ist er für Sie zu haben, ein Federzug, und Sie retten damit die arme unglückliche Mina aus des Schuftes Klauen in des hochgeehrten Herrn Grafen Arme - wie gesagt, nur ein Federzug.«
Meine Tränen brachen mit erneuter Kraft hervor, aber ich wandte mich weg, und winkte ihm, sich zu entfernen.

Bendel, der voller Sorgen meine Spuren bis hieher verfolgt hatte, traf in diesem Augenblick ein. Als mich die treue, fromme Seele weinend fand, und meinen Schatten, denn er war nicht zu verkennen, in der Gewalt des wunderlichen grauen Unbekannten sah, beschloß er gleich, sei es auch mit Gewalt, mich in den Besitz meines Eigentums wieder herzustellen, und da er selbst mit dem zarten Dinge nicht umzugehen verstand, griff er gleich den Mann mit Worten an, und ohne vieles Fragen, gebot er ihm stracks, mir das Meine unverzüglich verabfolgen zu lassen. Dieser, statt aller Antwort, kehrte dem unschuldigen Burschen den Rücken und ging. Bendel aber erhob den Kreuzdornknüttel, den er trug, und, ihm auf den Fersen folgend, ließ er ihn schonungslos unter wiederholtem Befehl, den Schatten herzugeben, die volle Kraft seines nervichten Armes fühlen. Jener, als sei er solcher Behandlung gewohnt, bückte den Kopf, wölbte die Schultern, und zog stillschweigend ruhigen Schrittes seinen Weg über die Heide weiter, mir meinen Schatten zugleich und meinen treuen Diener entführend. Ich hörte lange noch den dumpfen Schall durch die Einöde dröhnen, bis er sich endlich in der Entfernung verlor. Einsam war ich wie vorher mit meinem Unglück.

VI.

Allein zurückgeblieben auf der öden Heide, ließ ich unendlichen Tränen freien Lauf, mein armes Herz von namenloser banger Last erleichternd. Aber ich sah meinem überschwinglichen Elend keine Grenzen, keinen Ausgang, kein Ziel, und ich sog besonders mit grimmigem Durst an dem neuen Gifte, das der Unbekannte in meine Wunden gegossen. Als ich Minas Bild vor meine Seele rief, und die geliebte, süße Gestalt bleich und in Tränen mir erschien, wie ich sie zuletzt in meiner Schmach gesehen, da trat frech und höhrend Rascals Schemen zwischen sie und mich, ich verhüllte mein Gesicht und floh durch die Einöde, aber die scheußliche Erscheinung gab mich nicht frei, sondern verfolgte mich im Laufe, bis ich atemlos an den Boden sank, und die Erde mit erneuertem Tränenquell befeuchtete.

Und alles um einen Schatten! Und diesen Schatten hätte mir ein Federzug wieder erworben. Ich überdachte den befremdenden Antrag und meine Weigerung. Es war wüst in mir, ich hatte weder Urteil noch Fassungsvermögen mehr.

Der Tag verging. Ich stillte meinen Hunger mit wilden Früchten, meinen Durst im nächsten Bergstrom; die Nacht brach ein, ich lagerte mich unter einem Baum. Der feuchte Morgen weckte mich aus einem schweren Schlaf, in dem ich mich selber wie im Tode röcheln hörte. Bendel mußte meine Spur verloren haben, und es freute mich, es zu denken. Ich wollte nicht unter die Menschen zurückkehren, vor welchen ich schreckhaft floh, wie das scheue Wild des Gebirges. So verlebte ich drei bange Tage.

Ich befand mich am Morgen des vierten auf einer sandigen Ebene, welche die Sonne beschien, und saß auf Felsentrümmern in ihrem Strahl, denn ich liebte jetzt, ihren lang entbehrten Anblick zu genießen. Ich nährte still mein Herz mit seiner Verzweiflung. Da schreckte mich ein leises Geräusch auf, ich warf, zur Flucht bereit, den Blick um mich her, ich sah niemand: aber es kam auf dem sonnigen Sande an mir vorbei gegliitten ein Menschenschatten, dem meinigen nicht unähnlich, welcher, allein daher wandelnd, von seinem Herrn abgekommen zu sein schien.

Da erwachte in mir ein mächtiger Trieb: Schatten, dacht ich, suchst du deinen Herrn? der will ich sein. Und ich sprang hinzu, mich seiner zu bemächtigen; ich dachte nämlich, daß, wenn es mir glückte, in seine Spur zu treten, so, daß er mir an die Füße käme, er wohl daran hängen bleiben würde, und sich mit der Zeit an mich gewöhnen.

— Ничто еще не упущено. Росчерк пера — и бедная, несчастная Минна из лап негодяя попадет прямо в объятия уважаемого господина графа! Я уже сказал — один росчерк пера!

Слезы с новой силой брызнули у меня из глаз, но я отвернулся и махнул рукой, чтоб он уходил.

Как раз в эту минуту подоспел Бендель, который, беспокоясь обо мне, побежал за мной следом и, наконец, настиг меня здесь. Когда этот добрый, преданный друг застал меня в слезах, а мою тень, не узнать которую он не мог, во власти неизвестного серого чародея, он тут же решил, хотя бы силой, вернуть мне мою собственность; но так как он сам не умел обращаться с таким деликатным предметом, то сразу же обрушился на серого человека и, не тратя времени на разговоры, приказал ему сию же минуту, не рассуждая, отдать мне мое добро. Но тот вместо ответа повернулся спиной к простодушному парню и пошел прочь. Бендель же взмахнул дубинкой, которая была при нем, и, следуя за ним по пятам, все снова и снова требовал, чтоб он отдал тень, и беспощадно лупил его что было сил, не выпуская дубинки из своих жилистых рук. Незнакомец же, словно такое обращение для него дело привычное, втянул голову в плечи, сгорбился и, молча, не ускоряя шага, побрел своей дорогой через поляну, уводя за собой и мою тень и моего верного слугу. И долго еще слышались в этом безлюдье глухие удары, пока, наконец, не замолкли вдали. Я снова оказался лицом к лицу со своим горем.

6

Оставшись один на пустой поляне, я дал волю безудержным рыданиям, стараясь облегчить душу и в слезах излить гнетущую меня тоску. Но я не видел конца, не видел выхода, не видел предела моему безмерному страданию. С мрачной жаждой пил я теперь тот яд, который незнакомец влил мне в рану. Я представил себе Минну, и у меня в душе возник нежный образ любимой, бледной и обливающейся слезами, какой я видел ее в последний раз, в минуту моего позора, но тут между ней и мной нагло протискался призрак издевающегося Раскала. Я закрыл лицо и бросился в лес, но мерзкое видение не отставало, оно преследовало меня, пока, наконец, я не упал, задыхаясь, на землю, которую оросил новым потоком слез.

И все это из-за тени! И достаточно росчерка пера, чтобы получить эту тень обратно. Я задумался над странным предложением и над моим отказом. В голове у меня было пусто; не осталось ни мысли, ни решимости.

День клонился к вечеру. Я утолил голод ягодами, жажду — водою из горного потока; настала ночь, я улегся под деревом. Утренняя сырость пробудила меня от тяжкого сна, во время которого я сам слышал свое хриплое, словно предсмертное, дыхание. Бендель, видно, потерял мой след, и я был этому рад. Я не хотел возвращаться к людям, от которых бежал в страхе, как пугливый горный зверь. Так прожил я три ужасных дня.

На утро четвертого я очутился на песчаной равнине, ярко освещенной солнцем; сидя на скале, я грелся в его лучах, ибо теперь мне нравилось любоваться солнцем, которого я так долго был лишен. В сердце я все еще лелеял свою тоску. Вдруг меня вспугнул легкий шорох. Я огляделся вокруг, готовый тут же убежать, и не увидел никого; но мимо меня по освещенному солнцем песку проскользнула тень человека, похожая на мою, которая, казалось, убежала от своего хозяина и гуляла одна на свободе.

Во мне возникло непреодолимое желание. «Тень, — подумал я, — уж не ищешь ли ты хозяина? Я буду им». И я бросился к тени, чтоб овладеть ею. Я собственно думал, что ежели мне удастся наступить на тень так, чтобы она очутилась у меня под ногами, она, может быть, к ним пристанет, а со временем привыкнет ко мне.

Der Schatten, auf meine Bewegung, nahm vor mir die Flucht, und ich mußte auf den leichten Flüchtling eine angestrengte Jagd beginnen, zu der mich allein der Gedanke, mich aus der furchtbaren Lage, in der ich war, zu retten, mit hinreichenden Kräften ausrüsten konnte. Er floh einem freilich noch entfernten Walde zu, in dessen Schatten ich ihn notwendig hätte verlieren müssen, - ich sahs, ein Schreck durchzuckte mir das Herz, fachte meine Begierde an, beflügelte meinen Lauf - ich gewann sichtbarlich auf den Schatten, ich kam ihm nach und nach näher, ich mußte ihn erreichen. Nun hielt er plötzlich an und kehrte sich nach mir um. Wie der Löwe auf seine Beute, so schoß ich mit einem gewaltigen Sprunge hinzu, um ihn in Besitz zu nehmen - und traf unerwartet und hart auf körperlichen Widerstand. Es wurden mir unsichtbar die unerhörtesten Rippenstöße erteilt, die wohl je ein Mensch gefühlt hat.

Die Wirkung des Schreckens war in mir, die Arme krampfhaft zuzuschlagen und fest zu drücken, was ungesehen vor mir stand. Ich stürzte in der schnellen Handlung vorwärts gestreckt auf den Boden; rückwärts aber unter mir ein Mensch, den ich umfaßt hielt, und der jetzt erst sichtbar erschien.

Nun ward mir auch das ganze Ereignis sehr natürlich erklärbar. Der Mann mußte das unsichtbare Vogelnest, welches den, der es hält, nicht aber seinen Schatten, unsichtbar macht, erst getragen und jetzt weggeworfen haben. Ich spähetete mit dem Blick umher, entdeckte gar bald den Schatten des unsichtbaren Nestes selbst, sprang auf und hinzu, und verfehlte nicht den teuern Raub. Ich hielt unsichtbar, schattenlos das Nest in Händen.

Der schnell sich aufrichtende Mann, sich sogleich nach seinem beglückten Bezwinger umsehend, erblickte auf der weiten sonnigen Ebene weder ihn, noch dessen Schatten, nach dem er besonders ängstlich umher lauschte. Denn daß ich an und für mich schattenlos war, hatte er vorher nicht Muße gehabt zu bemerken, und konnte es nicht vermuten. Als er sich überzeugt, daß jede Spur verschwunden, kehrte er in der höchsten Verzweiflung die Hand gegen sich selber und rauft sich das Haar aus. Mir aber gab der errungene Schatz die Möglichkeit und die Begierde zugleich, mich wieder unter die Menschen zu mischen. Es fehlte mir nicht an Vorwand gegen mich selber, meinen schnöden Raub zu beschönigen, oder vielmehr, ich bedurfte solches nicht, und jedem Gedanken der Art zu entweichen eilte ich hinweg, nach dem Unglücklichen nicht zurückschauend, dessen ängstliche Stimme ich mir noch lange nachschallen hörte. So wenigstens kamen mir damals alle Umstände dieses Ereignisses vor.

Ich brannte nach dem Förstergarten zu gehen, und durch mich selbst die Wahrheit dessen zu erkennen, was mir jener Verhaßte verkündigt hatte; ich wußte aber nicht, wo ich war, ich bestieg, um mich in der Gegend umzuschauen, den nächsten Hügel, ich sah von seinem Gipfel das nahe Städtchen und den Förstergarten zu meinen Füßen liegen. - Heftig klopfte mir das Herz, und Tränen einer andern Art, als die ich bis dahin vergossen, traten mir in die Augen: ich sollte sie wiedersehen. - Bange Sehnsucht beschleunigte meine Schritte auf dem richtigsten Pfad hinab. Ich kam ungesehen an einigen Bauern vorbei, die aus der Stadt kamen. Sie sprachen von mir, Rascaln und dem Förster; ich wollte nichts anhören, ich eilte vorüber.

Ich trat in den Garten, alle Schauer der Erwartung in der Brust - mir schallte es wie ein Lachen entgegen, mich schauderte, ich warf einen schnellen Blick um mich her; ich konnte niemanden entdecken. Ich schritt weiter vor, mir wars, als vernähme ich neben mir ein Geräusch wie von Menschentritten; es war aber nichts zu sehen: ich dachte mich von meinem Ohre getäuscht. Es war noch früh, niemand in Graf Peters Laube, noch leer der Garten; ich durchschweifte die bekannten Gänge, ich drang bis nach dem Wohnhause vor. Dasselbe Geräusch verfolgte mich vernehmlicher. Ich setzte mich mit angstvollem Herzen auf eine Bank, die im sonnigen Raume der Haustür gegenüber stand. Es ward mir, als hörte ich den ungesehenen Kobold sich hohnlachend neben mich setzen. Der Schlüssel ward in der Tür gedreht, sie ging auf, der Forstmeister trat heraus, mit Papieren in der Hand. Ich fühlte mir wie Nebel über den Kopf ziehn, ich sah mich um, und - Entsetzen! - der Mann im grauen Rock saß neben mir, mit satanischem Lächeln auf mich blickend. -

Но как только я двинулся с места, тень бросилась наутек; я пустился вдогонку за этой легкой беглянкой, и только мысль, что таким путем я могу вырваться из тяжелого положения, в какое попал, давала мне нужные силы. Тень удирала к лесу, правда пока еще далекому, но в его сумраке я бы ее, конечно, потерял. Я понял это, страх пронзил мне сердце, воспламенил мое желание, окрылил стопы; я заметно нагонял тень, расстояние между нами все уменьшалось, я уже почти настиг ее. Но тут она вдруг остановилась и обернулась ко мне. Как лев на добычу, одним прыжком, кинулся я на нее — и неожиданно наткнулся на сильное физическое сопротивление. На меня посыпались невидимые, но такие невероятно увесистые тумачи, которые навряд ли до того доставались смертному.

Обезумев от страха, я судорожно обхватил обеими руками и крепко сжал то невидимое, что стояло передо мной. При этом быстром движении я упал и растянулся на земле; но подо мной лежал на спине человек, который только сейчас стал видимым и которого я не выпускал.

Теперь все случившееся получило самое естественное объяснение. Человек, вероятно, раньше нес, а теперь бросил **гнездо-невидимку**, которое делает невидимым того, кто его держит, но не его тень. Я огляделся вокруг, очень быстро обнаружил тень гнезда-невидимки, вскочил на ноги, подбежал к гнезду и не упустил драгоценную добычу. Я — невидимый и не имеющий тени — держал в руках гнездо.

Лежавший подо мной человек поднялся с земли, озираясь вокруг в поисках своего счастливого победителя, но он не увидел на открытой солнечной поляне ни его, ни его тени, отсутствие которой его особенно испугало. Ибо он не успел заметить и никак не мог предположить, что я сам по себе лишен тени. Убедившись, что я исчез бесследно, он в страшном отчаянии схватился за голову и стал рвать на себе волосы. Мне же добытое с бою сокровище давало возможность, а вместе с тем и желание снова появиться в кругу людей. У меня не было недостатка в доводах для оправдания в собственных глазах своей вероломной кражи, или, вернее, я не чувствовал в этом необходимости; и чтоб подобные мысли и не приходили мне в голову, я поспешил прочь, не оглядываясь на несчастного, испуганный голос которого еще долго доносился до моего слуха. Так по крайней мере представлялись мне тогда все обстоятельства этого дела.

Я сгорал от нетерпения попасть в сад к лесничему и собственными глазами убедиться, верно ли то, что рассказал мой ненавистник. Но я не знал, где я. Чтоб осмотреться вокруг, я взобрался на ближайший холм. Оттуда я увидел лежащий у его подножия городок и сад лесничего. Сердце отчаянно билось, и слезы, но уже иные, чем те, что я проливал до этого, выступили у меня на глазах: я снова увижу ее! Страстная тоска гнала меня вниз по ближайшей тропинке. Незамеченный прошел я мимо крестьян, идущих из города. Они говорили обо мне, Раскале и лесничем; я не хотел вслушиваться, я спешил вниз.

Трепеща от ожидания, вошел я в сад, и вдруг словно кто-то захохотал мне навстречу, я похолодел и огляделся, но не увидел никого. Я пошел дальше, мне почудились рядом со мной какие-то шаги; но никого не было видно; я подумал, что это обман слуха. Был еще ранний час, в беседке графа Петера — никого, в саду — пусто; я быстро прошел по знакомым аллеям к дому. Тот же шорох, но уже более явственный, все время преследовал меня. Со страхом и надеждой в сердце сел я на скамью, которая стояла на залитой солнцем лужайке против крыльца. Мне померещилось, будто злой дух невидимка хихикнул и сел со мной рядом. В дверях повернули ключ, дверь отворилась; из дому вышел лесничий с бумагами в руках. Я почувствовал, как туман окутал мне голову, и — о ужас! — человек в сером фраке сидел рядом и глядел на меня с дьявольской усмешкой. Он натянул свою шапку-невидимку и мне на голову, у его ног мирно

Er hatte mir seine Tarnkappe mit über den Kopf gezogen, zu seinen Füßen lagen sein und mein Schatten friedlich neben einander; er spielte nachlässig mit dem bekannten Pergament, das er in der Hand hielt, und, indem der Forstmeister mit den Papieren beschäftigt im Schatten der Laube auf- und abging - beugte er sich vertraulich zu meinem Ohr und flüsterte mir die Worte:

»So hätten Sie denn doch meine Einladung angenommen, und da säßen wir einmal zwei Köpfe unter einer Kappe! - Schon recht! schon recht! Nun geben Sie mir aber auch mein Vogelnest zurück, Sie brauchen es nicht mehr, und sind ein zu ehrlicher Mann, um es mir vorenthalten zu wollen - doch keinen Dank dafür, ich versichere Sie, daß ich es Ihnen von Herzen gern geliehen habe.« - Er nahm es unweigerlich aus meiner Hand, steckte es in die Tasche und lachte mich abermals aus, und zwar so laut, daß sich der Forstmeister nach dem Geräusch umsah. - Ich saß wie versteinert da.

»Sie müssen mir doch gestehen«, fuhr er fort, »daß so eine Kappe viel bequemer ist. Sie deckt doch nicht nur ihren Mann, sondern auch seinen Schatten mit, und noch so viele andere, als er mit zu nehmen Lust hat. Sehen Sie, heute führ ich wieder ihrer zwei.« - Er lachte wieder. »Merken Sie sichs, Schlemihl, was man anfangs mit Gutem nicht will, das muß man am Ende doch gezwungen. Ich dächte noch, Sie kauften mir das Ding ab, nähmen die Braut zurück (denn noch ist es Zeit), und wir ließen den Rascal am Galgen baumeln, das wird uns ein Leichtes, so lange es am Stricke nicht fehlt. - Hören Sie, ich gebe Ihnen noch meine Mütze in den Kauf.«

Die Mutter trat heraus und das Gespräch begann. - »Was macht Mina?« - »Sie weint.« - »Einfältiges Kind! es ist doch nicht zu ändern!« - »Freilich nicht; aber sie so früh einem andern zu geben - - O Mann, du bist grausam gegen dein eigenes Kind.« - »Nein, Mutter, das siehst du sehr falsch. Wenn sie, noch bevor sie ihre doch kindischen Tränen ausgeweint hat, sich als die Frau eines sehr reichen und geehrten Mannes findet, wird sie getröstet aus ihrem Schmerze wie aus einem Traum erwachen, und Gott und uns danken, das wirst du sehen!« - »Gott gebe es!« - »Sie besitzt freilich jetzt sehr ansehnliche Güter; aber nach dem Aufsehen, das die unglückliche Geschichte mit dem Abenteurer gemacht hat, glaubst du, daß sich so bald eine andere, für sie so passende Partie, als der Herr Rascal, finden möchte? Weißt du, was für ein Vermögen er besitzt, der Herr Rascal? Er hat für sechs Millionen Güter hier im Lande, frei von allen Schulden, bar bezahlt. Ich habe die Dokumente in Händen gehabt! Er wars, der mir überall das Beste vorweg genommen hat; und außerdem im Portefeuille Papiere auf Thomas John für circa viertehalb Millionen.« - »Er muß sehr viel gestohlen haben.« - »Was sind das wieder für Reden! Er hat weislich gespart, wo verschwendet wurde.« - »Ein Mann, der die Livree getragen hat.« - »Dummes Zeug! er hat doch einen untadlichen Schatten.« - »Du hast recht, aber - -«

Der Mann im grauen Rock lachte und sah mich an. Die Türe ging auf, und Mina trat heraus. Sie stützte sich auf den Arm einer Kammerfrau, stille Tränen flossen auf ihren schönen blassen Wangen. Sie setzte sich in einen Sessel, der für sie unter den Linden bereitet war, und ihr Vater nahm einen Stuhl neben ihr. Er faßte zärtlich ihre Hand, und redete sie, die heftiger zu weinen anfang, mit zarten Worten an:

»Du bist mein gutes, liebes Kind, du wirst auch vernünftig sein, wirst nicht deinen alten Vater betrüben wollen, der nur dein Glück will; ich begreife es wohl, liebes Herz, daß es dich sehr erschüttert hat, du bist wunderbar deinem Unglück entkommen! Bevor wir den schändlichen Betrug entdeckt, hast du diesen Unwürdigen sehr geliebt; siehe, Mina, ich weiß es, und mache dir keine Vorwürfe darüber. Ich selber, liebes Kind, habe ihn auch geliebt, so lange ich ihn für einen großen Herrn angesehen habe. Nun siehst du selber ein, wie anders alles geworden. Was! ein jeder Pudel hat ja seinen Schatten, und mein liebes einziges Kind sollte einen Mann - - Nein, du denkst auch gar nicht mehr an ihn. - Höre, Mina, nun wirbt ein Mann um dich, der die Sonne nicht scheut, ein geehrter Mann, der freilich kein Fürst ist, aber zehn Millionen, zehnmal mehr als du in Vermögen

лежали рядом его и моя тень. Человек в сером небрежно вертел в руках уже знакомый мне лист пергамента и, пока занятый своими бумагами лесничий ходил взад и вперед, конфиденциально зашептал мне на ухо:

— Так, значит, вы все же согласились на мое предложение, и теперь мы сидим рядом — две головы под одной шапкой. Это уже хорошо, уже хорошо! Ну, а теперь отдайте мне гнездо; оно вам больше не нужно, а человек вы слишком честный и не будете удерживать его силой. Нет, нет, не благодарите, я одолжил его вам от всего сердца.

Он беспрепятственно взял гнездо у меня из рук, положил к себе в карман и снова рассмеялся надо мной, да так громко, что лесничий оглянулся на звук. Я сидел как окаменелый.

— Признайтесь, — продолжал он, — что такая шапка-невидимка куда как удобна, она закрывает самого владельца и его тень, да еще столько теней, сколько ему заблагорассудится прихватить. Вот сегодня моя шапка захватила две. — Он опять захохотал. — Заметьте, Шлемиль! Сперва не хочешь добром, а потом волей-неволей согласишься. Я думаю, вы выкупите у меня сей предмет, получите обратно невесту (время еще не упущено), а Раскал будет болтаться на виселице. Пока веревки не перевелись, это для нас дело плевое. Слушайте, я вам припичу еще и шапку-невидимку дам.

Тут из дому вышла мать, и начался разговор.

— Что делает Минна?

— Плачет.

— Глупая девочка! Ведь теперь уж ничего не изменишь!

— Конечно, нет; но так скоро отдать ее другому... Ох, отец, ты жесток к собственному своему ребенку!

— Ну, мать, ты неправа. Вот выплечет она свои девичьи слезы, увидит, что она жена очень богатого и уважаемого человека, и утешится, позабудет свое горе, как тяжелый сон, и станет благодарить и бога и нас; вот увидишь!

— Дай-то бог!

— Правда, ей принадлежат теперь очень хорошие имения, но после того шума, который наделала злополучная история с этим проходимцем, навряд ли скоро представится другая такая же удачная партия, как господин Раскал. Знаешь, какое у него, у господина Раскала, состояние? Он приобрел на шесть миллионов имений в нашем краю, ни одно не заложено, за все заплачено чистоганом. Я все купчие видел! Ведь это он скупал у меня под носом все самое лучшее, да сверх того у него еще в векселях на Томаса Джона около четырех с половиной миллионов.

— Он, верно, много накрал.

— Ну, что это ты опять городишь! Он был разумен и копил там, где другие швыряли деньгами.

— Ведь он же служил в лакеях!

— Э, ерунда! Зато у него безукоризненная тень!

— Ты прав, но...

Человек в сером фраке засмеялся и посмотрел на меня. Дверь отворилась, и в сад вышла Минна. Она опиралась на руку горничной, тихие слезы катились по ее прекрасным бледным щекам. Минна села в кресло, которое было вынесено для нее под липу, а отец взял стул и сел рядом. Он нежно держал Минну за руку и ласково ее уговаривал, а она заливалась горькими слезами.

— Ты у меня добрая, хорошая дочка; будь же умницей, не огорчай своего старика отца; ведь я хочу тебе счастья. Я, голубка моя, отлично понимаю, как ты потрясена. Ты просто чудом избежала несчастья! До тех пор пока не открылся вероломный обман, ты очень любила этого недостойного человека! Видишь, Минна, я это знаю и не упрекаю тебя. Я сам, деточка, любил его, пока считал знатным барином. Теперь ты видишь, как все переменялось. Подумай только! У каждого самого паршивого пса есть тень, а моя любимая, единственная дочь собиралась замуж за... Нет, ты об нем больше не думаешь. Послушай, Минна, за тебя сватается человек, которому незачем бегать от солнца. Человек почтенный, правда не сиятельный, но зато у него

besitzt, ein Mann, der mein liebes Kind glücklich machen wird. Erwidere mir nichts, widersetze dich nicht, sei meine gute, gehorsame Tochter, laß deinen liebenden Vater für dich sorgen, deine Tränen trocknen. Versprich mir, dem Herrn Rascal deine Hand zu geben. - Sage, willst du mir dies versprechen?«

Sie antwortete mit erstorbener Stimme: »Ich habe keinen Willen, keinen Wunsch fürder auf Erden. Geschehe mit mir, was mein Vater will.« Zugleich ward Herr Rascal angemeldet, und trat frech in den Kreis. Mina lag in Ohnmacht. Mein verhaßter Gefährte blickte mich zornig an und flüsterte mir die schnellen Worte: »Und das könnten Sie erdulden! Was fließt Ihnen denn statt des Blutes in den Adern?« Er ritzte mir mit einer raschen Bewegung eine leichte Wunde in die Hand, es floß Blut, er fuhr fort: »Wahrhaftig! rotes Blut! - So unterschreiben Sie!« Ich hatte das Pergament und die Feder in Händen.

VII.

Ich werde mich Deinem Urteile bloß stellen, lieber Chamisso, und es nicht zu bestechen suchen. Ich selbst habe lange strenges Gericht an mir selber vollzogen, denn ich habe den quälenden Wurm in meinem Herzen genährt. Es schwebte immerwährend dieser ernste Moment meines Lebens vor meiner Seele, und ich vermochte es nur zweifelnden Blickes, mit Demut und Zerknirschung anzuschauen. - Lieber Freund, wer leichtsinnig nur den Fuß aus der geraden Straße setzt, der wird unversehens in andere Pfade abgeführt, die abwärts und immer abwärts ihn ziehen; er sieht dann umsonst die Leitsterne am Himmel schimmern, ihm bleibt keine Wahl, er muß unaufhaltsam den Abhang hinab, und sich selbst der Nemesis opfern. Nach dem übereilten Fehltritt, der den Fluch auf mich geladen, hatt ich durch Liebe frevelnd in eines andern Wesens Schicksal mich gedrängt; was blieb mir übrig, als, wo ich Verderben gesäet, wo schnelle Rettung von mir geheischt ward, eben rettend blindlings hinzu zu springen? denn die letzte Stunde schlug. - Denke nicht so niedrig von mir, mein Adelbert, als zu meinen, es hätte mich irgend ein geforderter Preis zu teuer gedünkt, ich hätte mit irgend etwas, was nur mein war, mehr als eben mit Gold gekargt. - Nein, Adelbert; aber mit unüberwindlichem Hasse gegen diesen rätselhaften Schleicher auf krummen Wegen war meine Seele angefüllt. Ich mochte ihm unrecht tun, doch empörte mich jede Gemeinschaft mit ihm. - Auch hier trat, wie so oft schon in mein Leben, und wie überhaupt so oft in die Weltgeschichte, ein Ereignis an die Stelle einer Tat. Später habe ich mich mit mir selber versöhnt. Ich habe erstlich die Notwendigkeit verehren lernen, und was ist mehr als die getane Tat, das geschehene Ereignis, ihr Eigentum! Dann hab ich auch diese Notwendigkeit als eine weise Fügung verehren lernen, die durch das gesamte große Getrieb weht, darin wir bloß als mitwirkende, getriebene treibende Räder eingreifen; was sein soll, muß geschehen, was sein sollte, geschah, und nicht ohne jene Fügung, die ich endlich noch in meinem Schicksale und dem Schicksale derer, die das meine mit angriff, verehren lernte.

Ich weiß nicht, ob ich es der Spannung meiner Seele, unter dem Drange so mächtiger Empfindungen, zuschreiben soll, ob der Erschöpfung meiner physischen Kräfte, die während der letzten Tage ungewohntes Darben geschwächt, ob endlich dem zerstörenden Aufruhr, den die Nähe dieses grauen Unholdes in meiner ganzen Natur erregte; genug, es befiel mich, als es an das Unterschreiben ging, eine tiefe Ohnmacht, und ich lag eine lange Zeit wie in den Armen des Todes. Fußstampfen und Fluchen waren die ersten Töne, die mein Ohr trafen, als ich zum Bewußtsein zurückkehrte; ich öffnete die Augen, es war dunkel, mein verhaßter Begleiter war scheltend um mich bemüht. »Heißt das nicht wie ein altes Weib sich aufführen! - Man raffte sich auf und vollziehe frisch, was man beschlossen, oder hat man sich anders besonnen, und will lieber greinen?« -

десятиллионное состояние, в десять раз больше, чем у тебя, с ним моя любимая девочка будет счастлива. Не возражай, не противься, будь доброй, послушной дочкой! Предоставь любящему отцу позаботиться о тебе, осушить твои слезы. Обещай, что отдашь свою руку господину Раскалу! Ну, скажи, обещаешь?

Она ответила замирающим голосом:

— У меня не осталось собственной воли, не осталось на этом свете желаний, я поступлю так, как тебе, отец, будет угодно.

Сейчас же было доложено о приходе господина Раскала, который имел наглость приблизиться к ним. Минна лежала в обмороке. Мой ненавистный спутник злобно посмотрел на меня и быстро шепнул:

— И вы это потерпите! Что течет у вас в жилах вместо крови? — Он быстро оцарапал мне ладонь, выступила кровь, он продолжал: — Ишь ты! Красная кровь! Ну, подпишите! — у меня в руках очутились пергамент, и перо.

7

Я подчинюсь твоему приговору, любезный Шамиссо, и не буду оправдываться. Сам я уже давно осудил себя на строгую кару, ибо лелеял в сердце своем червя-мучителя. Перед моим умственным взором непрестанно представала картина той роковой минуты в моей жизни, и я мог взирать на нее только с нерешительностью, смирением и раскаянием. Любезный друг, кто по легкомыслию свернет хоть на один шаг с прямого пути, тот незаметно ступит на боковые дорожки, которые уведут его все дальше и дальше в сторону. Напрасно будет он взирать на сверкающие в небе путеводные звезды, у него уже нет выбора: его неудержимо влечет вниз, отдаться в руки Немезиды. После необдуманного ложного шага, навлекшего на меня проклятие, я совершил преступление, полюбив и вторгшись в судьбу другого человека. Что оставалось мне? Только одно: там, где я посеял горе, где от меня ждали быстрого спасения, очертя голову ринуться на спасение. Ибо пробил последний час. Не думай обо мне плохо, Адельберт, поверь, что любая спрошенная цена не показалась бы мне слишком высокой, что я не пожалел бы ничего из принадлежащего мне, как не жалел золота, нет, Адельберт! Но душу мою переполнила непреодолимая ненависть к этому загадочному проныре, пробирающемуся окольными путями. Может быть, я был несправедлив, но всякое общение с ним возмущало меня. И в данном случае, как уже часто в моей жизни и во всемирной истории тоже, предусмотренное уступило место случайному. Впоследствии я сам с собой примирился. Я научился серьезно уважать необходимость и то, что неотъемлемо присуще ей, что важнее предусмотренного действия, — совершившуюся случайность. Затем я научился также уважать необходимость как мудрое провидение, направляющее тот огромный действующий механизм, в который мы входим только как действующие и приводящие в действие колесики; чему суждено свершиться, должно свершиться; чему суждено было свершиться, свершилось, и не без участия того провидения, которое я, наконец, научился уважать в моей собственной судьбе и в судьбе тех, кого жизнь связала со мной.

Не знаю, чему приписать то, что случилось, — то ли душевному напряжению под влиянием сильных переживаний, то ли истощению физических сил, которые за последние дни ослабли от непривычных лишений, то ли, наконец, присутствию злобного серого духа, близость которого возмущала все мое существо, — словом, когда дело дошло до подписи, на меня напал глубокий обморок, и долгое время я лежал словно в объятиях смерти.

Первые звуки, коснувшиеся моего слуха, когда ко мне вернулось сознание, были брань и топание. Я открыл глаза; уже стемнело, мой ненавистный спутник хлопотал около меня и ругался:

— Прямо старая баба какая-то! Ну, быстро, вставайте и делайте все по уговору, или мы передумали и предпочитаем нюнить?

Ich richtete mich mühsam auf von der Erde, wo ich lag, und schaute schweigend um mich. Es war später Abend, aus dem hellerleuchteten Försterhause erscholl festliche Musik, einzelne Gruppen von Menschen wallten durch die Gänge des Gartens. Ein paar traten im Gespräche näher und nahmen Platz auf der Bank, worauf ich früher gesessen hatte. Sie unterhielten sich von der an diesem Morgen vollzogenen Verbindung des reichen Herrn Rascal mit der Tochter des Hauses. - Es war also geschehen.

Ich streifte mit der Hand die Tarnkappe des sogleich mir verschwindenden Unbekannten von meinem Haupte weg, und eilte stillschweigend, in die tiefste Nacht des Gebüsches mich versenkend, den Weg über Graf Peters Laube einschlagend, dem Ausgange des Gartens zu.

Unsichtbar aber geleitete mich mein Plagegeist, mich mit scharfen Worten verfolgend. »Das ist also der Dank für die Mühe, die man genommen hat, Monsieur, der schwache Nerven hat, den langen lieben Tag hindurch zu pflegen. Und man soll den Narren im Spiele abgeben. Gut, Herr Trotzkopf, fliehn Sie nur vor mir, wir sind doch unzertrennlich. Sie haben mein Gold und ich Ihren Schatten; das läßt uns beiden keine Ruhe. - Hat man je gehört, daß ein Schatten von seinem Herrn gelassen hätte? Ihrer zieht mich Ihnen nach, bis Sie ihn wieder zu Gnaden annehmen und ich ihn los bin. Was Sie versäumt haben, aus frischer Lust zu tun, werden Sie, nur zu spät, aus Überdruß und Langeweile nachholen müssen; man entgeht seinem Schicksale nicht.« Er sprach aus demselben Tone fort und fort; ich floh umsonst, er ließ nicht nach, und immer gegenwärtig, redete er höhrend von Gold und Schatten. Ich konnte zu keinem eigenen Gedanken kommen.

Ich hatte durch menschenleere Straßen einen Weg nach meinem Hause eingeschlagen. Als ich davor stand und es ansah, konnte ich es kaum erkennen; hinter den eingeschlagenen Fenstern brannte kein Licht. Die Türen waren zu, kein Dienervolk regte sich mehr darin. Er lachte laut auf neben mir: »Ja, ja, so gehts! Aber Ihren Bendel finden Sie wohl daheim, den hat man jüngst vorsorglich so müde nach Hause geschickt, daß er es wohl seitdem gehütet haben wird.« Er lachte wieder. »Der wird Geschichten zu erzählen haben! - Wohlan denn! für heute gute Nacht, auf baldiges Wiedersehen!« Ich hatte wiederholt geklingelt, es erschien Licht; Bendel frug von innen, wer geklingelt habe. Als der gute Mann meine Stimme erkannte, konnte er seine Freude kaum bändigen; die Tür flog auf, wir lagen weinend einander in den Armen. Ich fand ihn sehr verändert, schwach und krank; mir war aber das Haar ganz grau geworden.

Er führte mich durch die verödeten Zimmer nach einem innern, verschont gebliebenen Gemach; er holte Speise und Trank herbei, wir setzten uns, er fing wieder an zu weinen. Er erzählte mir, daß er letzthin den grau gekleideten dünnen Mann, den er mit meinem Schatten angetroffen hatte, so lange und so weit geschlagen habe, bis er selbst meine Spur verloren und vor Müdigkeit hingesunken sei; daß nachher, wie er mich nicht wieder finden gekonnt, er nach Hause zurückgekehrt, wo bald darauf der Pöbel, auf Rascals Anstiften, herangestürmt, die Fenster eingeschlagen und seine Zerstörungslust gebüßt. So hatten sie an ihrem Wohltäter gehandelt. Meine Dienerschaft war aus einander geflohen. Die örtliche Polizei hatte mich als verdächtig aus der Stadt verwiesen, und mir eine Frist von vierundzwanzig Stunden festgesetzt, um deren Gebiet zu verlassen. Zu dem, was mir von Rascals Reichtum und Vermählung bekannt war, wußte er noch vieles hinzuzufügen. Dieser Bösewicht, von dem alles ausgegangen, was hier gegen mich geschehen war, mußte von Anbeginn mein Geheimnis besessen haben, es schien, er habe, vom Golde angezogen, sich an mich zu drängen gewußt, und schon in der ersten Zeit einen Schlüssel zu jenem Goldschrank sich verschafft, wo er den Grund zu dem Vermögen gelegt, das noch zu vermehren er jetzt verschmähen konnte. Das alles erzählte mir Bendel unter häufigen Tränen, und weinte dann wieder vor Freuden, daß er mich wieder sah, mich wieder hatte, und daß, nachdem er lang gezweifelt, wohin das Unglück mich gebracht haben möchte, er mich es ruhig und gefaßt ertragen sah. Denn solche Gestaltung hatte nun die Verzweiflung in mir genommen. Ich sah mein Elend riesengroß, unwandelbar vor mir, ich hatte ihm meine Tränen aus geweint, es konnte kein Geschrei mehr aus meiner Brust pressen, ich trug ihm kalt und gleichgültig mein entblößtem Haupt entgegen.

Я с трудом поднялся с земли, на которой лежал, и молча огляделся. Был поздний вечер; из ярко освещенного дома лесничего доносилась праздничная музыка, по аллеям сада группами гуляли гости. Двое подошли к нам и, продолжая беседу, сели на скамью, где до того сидел я. Они говорили о состоявшейся сегодня утром свадьбе богача Раскала с дочерью лесничего. Итак, свершилось...

Я скинул с головы шапку-невидимку, с которой вместе исчез и незнакомец, и углубившись в дремучую поросль кустов, молча поспешил по дорожке, ведущей мимо беседки графа Петера, к выходу из сада. Но мой незримый мучитель не отставал от меня ни на шаг, преследуя своими насмешками:

— Так вот она благодарность за то, что я весь день провозился с таким слабонервным субъектом. А теперь, значит, остаюсь в дураках. Ладно же, господин упрямец, бегите, спасайтесь себе на здоровье, мы с вами все равно неразлучны! У вас мое золото, а у меня ваша тень; вот мы оба и не можем никак успокоиться. Где же это слыхано, чтобы тень отстала от своего хозяина? Ваша тень будет всюду таскать меня за вами, пока вы не смилуетесь и не соблаговолите взять ее обратно, только тогда я с ней развяжусь. Смотрите, потом спохватитесь, да уж поздно будет, и со скуки и тоски сделаете то, что не удосужились сделать по доброй воле, — от судьбы не уйдешь!

Он продолжал все в том же духе; напрасно я думал спастись бегством, он не отставал и, ни на минуту не оставляя меня, насмешливо твердил о золоте и тени. У меня в голове было пусто.

Я шел, выбирая безлюдные улицы. Очутившись перед своим домом, я с трудом узнал его: за разбитыми окнами нет света, двери на запоре, в доме не слышно челяди. Невидимый громко захохотал над самым моим ухом.

— Да, да, да, вот до чего дело дошло! Но ваш Бендель, должно быть, здесь: он был предусмотрительно отправлен домой в очень измученном виде, так что он, наверно, никуда не выходит! — Он снова рассмеялся. — Вот кому есть что порассказать! Ну, так и быть! На сегодня хватит, спокойной ночи, до скорого свидания!

Я позвонил несколько раз; мелькнул свет; Бендель, стоя за дверью, спросил, кто звонит. Узнав мой голос, добрый малый едва мог сдержать свою радость; дверь распахнулась, мы, рыдая, кинулись друг другу в объятия. Он очень изменился, выглядел больным и осунувшимся. А я совсем поседел.

Бендель провел меня через опустевшие комнаты в далекий, нетронутый покой; принес поесть и попить, мы сели за стол, и он снова расплакался. Он рассказал, что так далеко преследовал и так долго лупил одетого в серое сухопарого человека, которого застал с моей тенью, что в конце концов потерял мой след и, совсем обессилив, свалился на землю, что затем, отчаявшись найти меня, вернулся домой, куда вскоре ворвалась науськанная Раскалом чернь, разбила окна и удовлетворила свою жажду разрушения. Так отплатила она своему благодетелю. Вся прислуга разбежалась. Местная полиция запретила мне, как лицу неблагонадежному, пребывание в городе и дала двадцать четыре часа на то, чтоб покинуть его пределы. Бендель добавил еще многое к тому, что было уже мне известно о богатстве и бракосочетании Раскала. Этот негодяй, от которого исходила поднятая против меня травля, должно быть с самого начала узнал мою тайну. Привлеченный, по всей вероятности, золотом, он ловко втерся ко мне в доверие и с первых же дней подобрал ключ к денежному шкафу, положившему основу его состоянию, приумножением которого он мог теперь пренебречь.

Все это поведал мне Бендель, сопровождая свои слова обильными слезами, потом он расплакался, но уже от радости, ибо после того, как долго мучился неведением, где я, снова видел меня, снова был со мной и убедился, что я спокоен и твердо переношу свое несчастье; да, мое отчаяние приняло теперь такую форму. Мое горе представлялось мне огромным, непоправимым; плача над ним, я выплакал все свои слезы. Больше оно уже не могло исторгнуть из моей груди ни единого стона, холодно и равнодушно подставлял я ему свою беззащитную голову.

»Bendel«, hub ich an, »du weißt mein Los. Nicht ohne früheres Verschulden trifft mich schwere Strafe. Du sollst länger nicht, unschuldiger Mann, dein Schicksal an das meine binden, ich will es nicht. Ich reite die Nacht noch fort, saddle mir ein Pferd, ich reite allein; du bleibst, ich wills. Es müssen hier noch einige Kisten Goldes liegen, das behalte du. Ich werde allein unstät in der Welt wandern; wann mir aber je eine heitere Stunde wieder lacht und das Glück mich versöhnt anblickt, dann will ich deiner getreu gedenken, denn ich habe an deiner getreuen Brust in schweren, schmerzlichen Stunden geweint.«

Mit gebrochenem Herzen mußte der Redliche diesem letzten Befehle seines Herrn, worüber er in der Seele erschrak, gehorchen; ich war seinen Bitten, seinen Vorstellungen taub, blind seinen Tränen; er führte mir das Pferd vor. Ich drückte noch einmal den Weinenden an meine Brust, schwang mich in den Sattel und entfernte mich unter dem Mantel der Nacht von dem Grabe meines Lebens, unbekümmert, welchen Weg mein Pferd mich führen werde; denn ich hatte weiter auf Erden kein Ziel, keinen Wunsch, keine Hoffnung.

VIII.

Es gesellte sich bald ein Fußgänger zu mir, welcher mich bat, nachdem er eine Weile neben meinem Pferde geschritten war, da wir doch denselben Weg hielten, einen Mantel, den er trug, hinten auf mein Pferd legen zu dürfen; ich ließ es stillschweigend geschehen. Er dankte mir mit leichtem Anstand für den leichten Dienst, lobte mein Pferd, nahm daraus Gelegenheit, das Glück und die Macht der Reichen hoch zu preisen, und ließ sich, ich weiß nicht wie, in eine Art von Selbstgespräch ein, bei dem er mich bloß zum Zuhörer hatte.

Er entfaltete seine Ansichten von dem Leben und der Welt, und kam sehr bald auf die Metaphysik, an die die Forderung erging, das Wort aufzufinden, das aller Rätsel Lösung sei. Er setzte die Aufgabe mit vieler Klarheit aus einander und schritt fürder zu deren Beantwortung.

Du weißt, mein Freund, daß ich deutlich erkannt habe, seitdem ich den Philosophen durch die Schule gelaufen, daß ich zur philosophischen Spekulation keineswegs berufen bin, und daß ich mir dieses Feld völlig abgesprochen habe; ich habe seither vieles auf sich beruhen lassen, vieles zu wissen und zu begreifen Verzicht geleistet, und bin, wie du es mir selber geraten, meinem geraden Sinn vertrauend, der Stimme in mir, so viel es in meiner Macht gewesen, auf dem eigenen Wege gefolgt. Nun schien mir dieser Redekünstler mit großem Talent ein fest gefügtes Gebäude aufzuführen, das in sich selbst begründet sich emportrug, und wie durch eine innere Notwendigkeit bestand. Nur vermißt ich ganz in ihm, was ich eben darin hätte suchen wollen, und so ward es mir zu einem bloßen Kunstwerk, dessen zierliche Geschlossenheit und Vollendung dem Auge allein zur Ergötzung diene; aber ich hörte dem wohlberedten Manne gerne zu, der meine Aufmerksamkeit von meinen Leiden auf sich selbst abgelenkt, und ich hätte mich ihm willig ergeben, wenn er meine Seele wie meinen Verstand in Anspruch genommen hätte.

Mittlerweile war die Zeit hingegangen, und unbemerkt hatte schon die Morgendämmerung den Himmel erhellt; ich erschrak, als ich mit einem Mal aufblickte und im Osten die Pracht der Farben sich entfalten sah, die die nahe Sonne verkünden, und gegen sie war in dieser Stunde, wo die Schlagschatten mit ihrer ganzen Ausdehnung prunken, kein Schutz, kein Bollwerk in der offenen Gegend zu ersehnen! und ich war nicht allein! Ich warf einen Blick auf meinen Begleiter, und erschrak wieder. - Es war kein anderer, als der Mann im grauen Rock.

Er lächelte über meine Bestürzung, und fuhr fort, ohne mich zum Wort kommen zu lassen: »Laßt doch, wie es einmal in der Welt Sitte ist, unsern wechselseitigen Vorteil uns auf eine Weile verbinden, zu scheiden haben wir immer noch Zeit. Die Straße hier längs dem Gebirge, ob Sie gleich noch nicht daran gedacht haben, ist doch die einzige, die Sie vernünftiger Weise einschlagen können; hinab in das Tal dürfen Sie nicht, und über das Gebirg werden Sie noch weniger zurückkehren wollen, von wo Sie hergekommen sind - diese ist auch gerade meine Straße. - Ich

— Бендель, — сказал я, — ты знаешь мой жребий. Тяжкое наказание постигло меня за прежнюю вину. Не надо тебе, человеку безвинному, и впредь связывать свою судьбу с моей; я этого не хочу. Я уеду сегодня в ночь, оседлай мне лошадь; я поеду один. Ты останешься здесь, такова моя воля. Тут должны быть еще несколько ящиков с золотом, возьми их себе! Я один буду скитаться по белу свету; но если для меня снова наступит радостная пора и счастье мне милостиво улыбнется, я вспомню тебя, ибо в тяжелые, печальные часы я плакал на твоей верной груди.

С болью в сердце повиновался честный слуга этому последнему, повергнутому в страх приказанию своего господина.

Я остался глух к его мольбам и убеждениям, слеп к его слезам. Он подвел мне лошадь. Я еще раз прижал обливающегося слезами Бенделя к своей груди, вскочил в седло и под покровом ночи удалился от места, где похоронил свою жизнь, не заботясь, куда помчит меня конь, ибо на земле у меня не осталось ни цели, ни желания, ни надежды.

8

Вскоре ко мне присоединился пешеход, который, прошагав некоторое время рядом с моей лошадью, ибо нам было по пути, попросил разрешения положить сзади на седло свои пожитки; я молча согласился. Он поблагодарил, не придавая большого значения такой как будто бы не особо значительной услуге, похвалил мою лошадь, воспользовался случаем, чтобы с большой почтительностью отозваться о счастье и могуществе богачей, и незаметно завел своего рода самодialog, в котором я принимал участие только в качестве слушателя.

Он пространно изложил свои взгляды на жизнь и мир и очень скоро дошел до метафизики, к которой-де предъявлено требование найти слово, разрешающее все загадки. Затем чрезвычайно отчетливо разъяснил эту задачу, и перешел к ответу на нее.

Тебе, мой друг, известно, что, побывав в выучке у философов, я твердо убедился в своей полной непригодности к умозрительной философии и решительно отказался от этого призвания. С тех пор я до многого перестал докапываться, многое отказался познать и понять и, следуя твоему же совету, доверился своему здравому смыслу, своему внутреннему голосу и, насколько это было в моих силах, шел своим путем. Так вот мне показалось, что сей краснобай с большим мастерством возводит крепко сколоченное здание, которое, будучи в себе самом обосновано, возносится ввысь и стоит в силу внутренней необходимости. Но только я не видел в нем как раз того, что хотел бы найти, и поэтому для меня это здание было просто художественным произведением, изящная гармония и совершенство которого радовали только глаз. Тем не менее я с удовольствием слушал своего красноречивого спутника, отвлекшего меня от грустных мыслей и овладевшего моим вниманием, и он легко покори́л бы меня, если бы обращался не только к моему разуму, но и к сердцу.

Меж тем время шло, и я не заметил, как посветлело от утренней зари небо. Я обмер, когда поднял глаза и вдруг увидел, что восток окрасился великолепным пурпуром, возвещавшим скорый восход солнца, и понял, что в час, когда тени, отбрасываемые предметами, красуются во всей своей длине, мне некуда укрыться здесь, на открытом месте, негде найти защиту! А я был не один. Я взглянул на своего спутника и снова обмер. Это был человек в сером фраке. Он засмеялся, увидя мое смущение, и продолжал, не дав мне вымолвить ни слова:

— Пускай наша взаимная выгода на время нас свяжет, как это обычно бывает на свете! Расстаться мы всегда успеем. Вот эта дорога вдоль гор — по этой же дороге поспешаю и я — единственная, по которой, здраво рассуждая, вам следует ехать, хотя сами вы до этого не додумались; вниз, в долину, вам никак нельзя, а тем паче назад через горы, туда, откуда вы

sehe Sie schon vor der aufgehenden Sonne erblassen. Ich will Ihnen Ihren Schatten auf die Zeit unserer Gesellschaft leihen, und Sie dulden mich dafür in Ihrer Nähe; Sie haben so Ihren Bendel nicht mehr bei sich; ich will Ihnen gute Dienste leisten. Sie lieben mich nicht, das ist mir leid. Sie können mich darum doch benutzen. Der Teufel ist nicht so schwarz, als man ihn malt. Gestern haben Sie mich geärgert, das ist wahr, heute will ichs Ihnen nicht nachtragen, und ich habe Ihnen schon den Weg bis hieher verkürzt, das müssen Sie selbst gestehen - Nehmen Sie doch nur einmal Ihren Schatten auf Probe wieder an.«

Die Sonne war aufgegangen, auf der Straße kamen uns Menschen entgegen; ich nahm, obgleich mit innerlichem Widerwillen, den Antrag an. Er ließ lächelnd meinen Schatten zur Erde gleiten, der alsbald seine Stelle auf des Pferdes Schatten einnahm und lustig neben mir hertrabte. Mir war sehr seltsam zu Mut. Ich ritt an einem Trupp Landleute vorbei, die vor einem wohlhabenden Mann ehrerbietig mit entblößtem Haupte Platz machten. Ich ritt weiter, und blickte gierigen Auges und klopfenden Herzens seitwärts vom Pferde herab auf diesen sonst meinen Schatten, den ich jetzt von einem Fremden, ja von einem Feinde, erborgt hatte.

Dieser ging unbekümmert neben her, und pfiff eben ein Liedchen. Er zu Fuß, ich zu Pferd, ein Schwindel ergriff mich, die Versuchung war zu groß, ich wandte plötzlich die Zügel, drückte beide Sporen an, und so in voller Carriere einen Seitenweg eingeschlagen; aber ich entführte den Schatten nicht, der bei der Wendung vom Pferde glitt und seinen gesetzmäßigen Eigentümer auf der Landstraße erwartete. Ich mußte beschämt umlenken; der Mann im grauen Rocke, als er ungestört sein Liedchen zu Ende gebracht, lachte mich aus, setzte mir den Schatten wieder zurecht, und belehrte mich, er würde erst an mir festhängen und bei mir bleiben wollen, wenn ich ihn wiederum als rechtmäßiges Eigentum besitzen würde. »Ich halte Sie«, fuhr er fort, »am Schatten fest, und Sie kommen mir nicht los. Ein reicher Mann, wie Sie, braucht einmal einen Schatten, das ist nicht anders, Sie sind nur darin zu tadeln, daß Sie es nicht früher eingesehen haben.«

Ich setzte meine Reise auf derselben Straße fort; es fanden sich bei mir alle Bequemlichkeiten des Lebens und selbst ihre Pracht wieder ein; ich konnte mich frei und leicht bewegen, da ich einen, obgleich nur erborgten, Schatten besaß, und ich flößte überall die Ehrfurcht ein, die der Reichtum gebietet; aber ich hatte den Tod im Herzen. Mein wundersamer Begleiter, der sich selbst für den unwürdigen Diener des reichsten Mannes in der Welt ausgab, war von einer außerordentlichen Dienstfertigkeit, über die Maßen gewandt und geschickt, der wahre Inbegriff eines Kammerdieners für einen reichen Mann, aber er wich nicht von meiner Seite, und führte unaufhörlich das Wort gegen mich, stets die größte Zuversicht an den Tag legend, daß ich endlich, sei es auch nur, um ihn los zu werden, den Handel mit dem Schatten abschließen würde. - Er war mir eben so lästig als verhaßt. Ich konnte mich ordentlich vor ihm fürchten. Ich hatte mich von ihm abhängig gemacht. Er hielt mich, nachdem er mich in die Herrlichkeit der Welt, die ich floh, zurückgeführt hatte. Ich mußte seine Beredsamkeit über mich ergehen lassen, und fühlte schier, er habe recht. Ein Reicher muß in der Welt einen Schatten haben, und sobald ich den Stand behaupten wollte, den er mich wieder geltend zu machen verleitet hatte, war nur ein Ausgang zu ersehen. Dieses aber stand bei mir fest, nachdem ich meine Liebe hingeopfert, nachdem mir das Leben verblaßt war, wollt ich meine Seele nicht, sei es um alle Schatten der Welt, dieser Kreatur verschreiben. Ich wußte nicht, wie es enden sollte.

Wir saßen einst vor einer Höhle, welche die Fremden, die das Gebirg bereisen, zu besuchen pflegen. Man hört dort das Gebrause unterirdischer Ströme aus ungemessener Tiefe heraufschallen, und kein Grund scheint den Stein, den man hineinwirft, in seinem hallenden Fall aufzuhalten. Er malte mir, wie er öfters tat, mit verschwenderischer Einbildungskraft und im schimmernden Reize der glänzendsten Farben, sorgfältig ausgeführte Bilder von dem, was ich in der Welt, kraft meines Seckels, ausführen würde, wenn ich erst meinen Schatten wieder in meiner Gewalt hätte. Die Ellenbogen auf die Knie gestützt, hielt ich mein Gesicht in meinen Händen verborgen und hörte dem Falschen zu, das Herz zwiefach geteilt zwischen der Verführung und dem strengen Willen in

прибыли. Я вижу, что восход солнца вас пугает, так и быть, я одолжу вам вашу тень на то время, что мы вместе, но зато вам придется примириться с моим обществом. Бенделя при вас нет, можете воспользоваться моими услугами. Вы меня не любите, очень жаль. Все же я могу вам пригодиться. Черт не так страшен, как его малюют. Вчера вы меня, правда, разозлили; сегодня я уже на вас зла не помню, я помог вам скоротать время в пути, это вы должны признать. Ну-ка, получайте на пробу свою тень!

Солнце взошло, по дороге навстречу нам шли люди. Я принял предложение, хотя в душе был возмущен. Усмехнувшись, опустил он на землю мою тень, которая тут же уселась на тень лошади и весело затрусилась рядом со мной. На душе у меня было смутно. Я проехал мимо группы крестьян, они, почтительно сняв шапки, дали дорогу состоятельному человеку. Я поехал дальше, с бьющимся сердцем, жадным оком взирая на тень, некогда принадлежавшую мне, теперь полученную напрокат от постороннего, мало того — от врага.

А он беззаботно шагал рядом, вот он принялся насвистывать песенку. Он шел пешком, я ехал на лошади! У меня закружилась голова; искушение было слишком велико. Я неожиданно дернул за повод, пришпорил коня и пустил его галопом по проселочной дороге. Но я не увез тени, при повороте на проселок она соскользнула с лошади и стала дожидаться своего законного хозяина. Пристыженный повернул я обратно; человек в сером фраке, спокойно провистав свою песенку, высмеял меня, снова посадил мою тень на место и назидательно заметил, что она только тогда накрепко ко мне прилипнет и уже не отстанет, когда снова перейдет в мое законное владение.

— Я крепко держу вас за вашу тень, — закончил он. — И вам от меня не уйти! Такому богачу, как вы, тень необходима, ничего тут не поделаешь. За одно только вас следует пожурить — за то, что вы не сообразили этого раньше.

Я продолжал свой путь по большой дороге. И комфорт и даже роскошь снова были к моим услугам; я мог свободно и легко передвигаться, ибо у меня была тень, правда, данная во временное пользование, и повсюду я встречал уважение, которое внушает всем богатство, но в душе у меня была смерть. Мой удивительный спутник, выдававший себя за скромного слугу самого богатого человека на свете, был очень услужлив, бесконечно умелым и ловким — можно сказать, квинтэссенция камердинера богатого человека, но он ни на шаг не отходил от меня и все время убеждал, непрестанно высказывая твердую уверенность, что я, наконец, соглашусь на выкуп тени, хотя бы только ради того, чтобы развязаться с ним. Мне он был столь же неприятен, сколь и ненавистен. Он внушал мне страх. Я попал к нему в кабалу: теперь, вернув меня к наслаждениям жизни, от которых я бежал, он крепко взял меня в руки. Мне приходилось терпеть его болтовню, и я даже чувствовал, что он как будто прав. Богатому человеку без тени никак нельзя, и коль скоро я хочу сохранить свое положение, которым с его легкой руки я опять начал пользоваться, для меня возможен лишь этот выход. Одно только я твердо решил: после того как я пожертвовал своей любовью, после того как жизнь для меня померкла, я не хотел продавать свою душу этой погани, даже за все тени на свете. Я не знал, чем все это кончится. Однажды мы сидели у входа в пещеру, которую обычно осматривают все иностранцы, путешествующие в здешних горах. Туда с бесконечной глубины доносится гул подземных потоков, и шум от брошенного вниз камня замирает раньше, чем камень достигнет дна. С богатой фантазией человек в сером рисовал, как уже не раз прежде, в самых блестящих красках и ярком свете тщательно обдуманые картины того, чего я могу достигнуть при помощи моего кошелька разумеется, если опять буду распоряжаться собственной тенью. Опершись локтями о колени и закрыв лицо руками, я слушал лукавого, и сердце мое разрывалось между соблазном и твердой

mir. Ich konnte bei solchem innerlichen Zwiespalt länger nicht ausdauern, und begann den entscheidenden Kampf:

»Sie scheinen, mein Herr, zu vergessen, daß ich Ihnen zwar erlaubt habe, unter gewissen Bedingungen in meiner Begleitung zu bleiben, daß ich mir aber meine völlige Freiheit vorbehalten habe.« - »Wenn Sie befehlen, so pack ich ein.« Die Drohung war ihm geläufig. Ich schwieg; er setzte sich gleich daran, meinen Schatten wieder zusammenzurollen. Ich erblaßte, aber ich ließ es stumm geschehen. Es erfolgte ein langes Stillschweigen. Er nahm zuerst das Wort:

»Sie können mich nicht leiden, mein Herr, Sie hassen mich, ich weiß es; doch warum hassen Sie mich? Ist es etwa, weil Sie mich auf öffentlicher Straße angefallen, und mir mein Vogelnest mit Gewalt zu rauben gemeint? oder ist es darum, daß Sie mein Gut, den Schatten, den Sie Ihrer bloßen Ehrlichkeit anvertraut glaubten, mir diebischer Weise zu entwenden gesucht haben? Ich meinerseits hasse Sie darum nicht; ich finde ganz natürlich, daß Sie alle Ihre Vorteile, List und Gewalt geltend zu machen suchen; daß Sie übrigens die allerstrengsten Grundsätze haben und wie die Ehrlichkeit selbst denken, ist eine Liebhaberei, wogegen ich auch nichts habe. - Ich denke in der Tat nicht so streng als Sie; ich handle bloß, wie Sie denken. Oder hab ich Ihnen etwa irgend wann den Daumen auf die Gurgel gedrückt, um Ihre werteste Seele, zu der ich einmal Lust habe, an mich zu bringen? Hab ich von wegen meines ausgetauschten Seckels einen Diener auf Sie losgelassen? hab ich Ihnen damit durchzugehen versucht?« Ich hatte dagegen nichts zu erwidern; er fuhr fort: »Schon recht, mein Herr, schon recht! Sie können mich nicht leiden; auch das begreife ich wohl, und verarge es Ihnen weiter nicht. Wir müssen scheiden, das ist klar, und auch Sie fangen an, mir sehr langweilig vorzukommen. Um sich also meiner ferneren beschämenden Gegenwart völlig zu entziehen, rate ich es Ihnen noch einmal: Kaufen Sie mir das Ding ab.« - Ich hielt ihm den Seckel hin: »Um den Preis.« - »Nein!« - Ich seufzte schwer auf und nahm wieder das Wort: »Auch also. Ich dringe darauf, mein Herr, laßt uns scheiden, vertreten Sie mir länger nicht den Weg auf einer Welt, die hoffentlich geräumig genug ist für uns beide.« Er lächelte und erwiderte: »Ich gehe, mein Herr, zuvor aber will ich Sie unterrichten, wie Sie mir klingeln können, wenn Sie je Verlangen nach Ihrem untertänigsten Knecht tragen sollten: Sie brauchen nur Ihren Seckel zu schütteln, daß die ewigen Goldstücke darinnen rasseln, der Ton zieht mich augenblicklich an. Ein jeder denkt auf seinen Vorteil in dieser Welt; Sie sehen, daß ich auf Ihren zugleich bedacht bin, denn ich eröffne Ihnen offenbar eine neue Kraft. - O dieser Seckel! - Und hätten gleich die Motten Ihren Schatten schon aufgefressen, der würde noch ein starkes Band zwischen uns sein. Genug, Sie haben mich an meinem Gold, befehlen Sie auch in der Ferne über Ihren Knecht, Sie wissen, daß ich mich meinen Freunden dienstfertig genug erweisen kann, und daß die Reichen besonders gut mit mir stehen; Sie haben es selbst gesehen. - Nur Ihren Schatten, mein Herr - das lassen Sie sich gesagt sein - nie wieder, als unter einer einzigen Bedingung.«

Gestalten der alten Zeit traten vor meine Seele. Ich frug ihn schnell: »Hatten Sie eine Unterschrift vom Herrn John?« - Er lächelte. - »Mit einem so guten Freund hab ich es keineswegs nötig gehabt.« - »Wo ist er? bei Gott, ich will es wissen!« Er steckte zögernd die Hand in die Tasche, und daraus bei den Haaren hervorgezogen erschien Thomas Johns bleiche, entstellte Gestalt, und die blauen Leichenlippen bewegten sich zu schweren Worten: »Justo judicio Dei judicatus sum; justo judicio Dei condemnatus sum.« Ich entsetzte mich, und schnell den klingenden Seckel in den Abgrund werfend, sprach ich zu ihm die letzten Worte:

волей. Пребывать дольше в таком раздвоенном настроении я был не в силах и решил дать окончательный бой.

— Вы, сударь, как будто запомнили, что я вам, правда, разрешил сопровождать меня на определенных условиях, но сохранил за собой полную свободу действия.

— Если прикажете, я сейчас же заберу свое имущество.

Он часто прибегал к такой угрозе. Я не произнес ни слова; он тут же принялся скатывать мою тень. Я побледнел, но молчал и не препятствовал его занятию. Последовала длительная пауза.

Он заговорил первый:

— Вы меня не выносите, сударь, ненавидите, я знаю; но за что вы меня ненавидите? Уж не за то ли, что напали на меня среди бела дня и хотели силой отнять гнездо? Или за то, что пытались воровским способом похитить мое добро — тень, ибо считали, что я доверил ее вашей честности? Что касается меня, я вас за это не ненавижу; я нахожу вполне естественным, что вы стараетесь воспользоваться всеми своими преимуществами, хитростью и силой. Против вашего пристрастия к самым строгим правилам и неподкупной честности я тоже ничего не имею. Я, правда, не столь принципиален: я просто действую так, как вы думаете. Разве был такой случай, чтоб я брал вас за горло, желая прикарманить вашу дражайшую тень, которую мне так хотелось заполучить? Или, может быть, я подослал к вам моего слугу за вымененным вами у меня кошельком? Или попробовал с ним удрать?

Мне нечего было возразить. Он продолжал:

— Будь по-вашему, сударь, будь по-вашему! Вы меня терпеть не можете; я понимаю и не сержусь на вас. Нам надо расстаться. Это ясно, и вы тоже уже порядком мне надоели. Итак, чтобы окончательно избавиться от моего стесняющего вас присутствия, еще раз советую вам: выкупите у меня сей предмет!

Я протянул кошелек:

— Вот этой ценой!

— Нет!

Я тяжело вздохнул и сказал:

— Ну что ж! Я настаиваю на своем, сударь, расстанемся; не становитесь мне поперек дороги, надеюсь, что на земле хватит места нам обоим.

Он усмехнулся и ответил:

— Я ухожу, сударь! Но предварительно я научу вас, как мне позвонить, ежели вам когда придет охота повидать вашего покорнейшего слугу: встряхните кошельком — и все, чтобы звякнули неразменные червонцы. На этот звук я явлюсь моментально. Здесь, на земле, каждый заботится о своей выгоде, я, как вы видите, забочусь также и о вашей, ведь я несомненно даю вам в руки новую власть! Ох, какой это кошелек? Даже если бы вашу тень, уже съела моль, при помощи кошелька вы крепко связаны со мной. Словом, вы держите меня за мое золото. Даже издали вы можете распоряжаться вашим слугой. Вы знаете, что я могу оказывать большие услуги моим друзьям и что с богатыми у меня особенно хорошие отношения; вы сами это видели, но вашу тень, сударь, — запомните это раз навсегда! — вы можете получить обратно только при одном-единственном условии!

Перед моими умственными очами возникли образы прошлого. Я быстро спросил:

— Господин Джон дал вам расписку?

— С ним мы такие друзья, что этого не потребовалось.

— Где он? Ради бога, мне надо знать!

Он нерешительно сунул руку в карман и вытащил за волосы Томаса Джона, побледневшего, осунувшегося, с синими, как у покойника, губами, шептавшего: «*Justo judicio dei judicatus sum; justo judicio dei condemnatus sum*»*. Я ужаснулся и, быстро швырнув звенящий кошелек в пропасть, обратился к моему спутнику с последним словом:

* «Праведным судом божиим я был судим; праведным судом божиим я осужден» (лат.).

»So beschwör ich dich im Namen Gottes, Entsetzlicher! hebe dich von dannen und lasse dich nie wieder vor meinen Augen blicken!« Er erhob sich finster und verschwand sogleich hinter den Felsenmassen, die den wild bewachsenen Ort begrenzen.

IX.

Ich saß da ohne Schatten und ohne Geld; aber ein schweres Gewicht war von meiner Brust genommen, ich war heiter. Hätte ich nicht auch meine Liebe verloren, oder hätt ich mich nur bei deren Verlust vorwurfsfrei gefühlt, ich glaube, ich hätte glücklich sein können - ich wußte aber nicht, was ich anfangen sollte. Ich durchsuchte meine Taschen und fand noch einige Goldstücke darin; ich zählte sie und lachte. - Ich hatte meine Pferde unten im Wirtshause, ich schämte mich, dahin zurückzukehren, ich mußte wenigstens den Untergang der Sonne erwarten; sie stand noch hoch am Himmel. Ich legte mich in den Schatten der nächsten Bäume und schlief ruhig ein. Anmutige Bilder verwoben sich mir im luftigen Tanze zu einem gefälligen Traum. Mina, einen Blumenkranz in den Haaren, schwebte an mir vorüber, und lächelte mich freundlich an. Auch der ehrliche Bendel war mit Blumen bekränzt, und eilte mit freundlichem Gruße vorüber. Viele sah ich noch, und wie mich dünkt, auch Dich, Chamisso, im fernen Gewühl; ein helles Licht schien, es hatte aber keiner einen Schatten, und was seltsamer ist, es sah nicht übel aus, - Blumen und Lieder, Liebe und Freude, unter Palmenhainen. - - Ich konnte die beweglichen, leicht verwehten, lieblichen Gestalten weder festhalten noch deuten; aber ich weiß, daß ich gerne solchen Traum träumte und mich vor dem Erwachen in acht nahm; ich wachte wirklich schon, und hielt noch die Augen zu, um die weichenden Erscheinungen länger vor meiner Seele zu behalten.

Ich öffnete endlich die Augen, die Sonne stand noch am Himmel, aber im Osten; ich hatte die Nacht verschlafen. Ich nahm es für ein Zeichen, daß ich nicht nach dem Wirtshause zurückkehren sollte. Ich gab leicht, was ich dort noch besaß, verloren, und beschloß, eine Nebenstraße, die durch den waldbewachsenen Fuß des Gebirges führte, zu Fuß einzuschlagen, dem Schicksal es anheim stellend, was es mit mir vorhatte, zu erfüllen. Ich schaute nicht hinter mich zurück, und dachte auch nicht daran, an Bendel, den ich reich zurückgelassen hatte, mich zu wenden, welches ich allerdings gekonnt hätte. Ich sah mich an auf den neuen Charakter, den ich in der Welt bekleiden sollte: mein Anzug war sehr bescheiden. Ich hatte eine alte schwarze Kurtka an, die ich schon in Berlin getragen, und die mir, ich weiß nicht wie, zu dieser Reise erst wieder in die Hand gekommen war. Ich hatte sonst eine Reisemütze auf dem Kopf und ein Paar alte Stiefeln an den Füßen. Ich erhob mich, schnitt mir an selbiger Stelle einen Knotenstock zum Andenken, und trat sogleich meine Wanderung an.

Ich begegnete im Wald einem alten Bauer, der mich freundlich begrüßte, und mit dem ich mich in Gespräch einließ. Ich erkundigte mich, wie ein wißbegieriger Reisender, erst nach dem Wege, dann nach der Gegend und deren Bewohnern, den Erzeugnissen des Gebirges und derlei mehr. Er antwortete verständig und redselig auf meine Fragen. Wir kamen an das Bette eines Bergstromes, der über einen weiten Strich des Waldes seine Verwüstung verbreitet hatte. Mich schauderte innerlich vor dem sonnenhellen Raum; ich ließ den Landmann vorangehen. Er hielt aber mitten im gefährlichen Orte still und wandte sich zu mir, um mir die Geschichte dieser Verwüstung zu erzählen. Er bemerkte bald, was mir fehlte, und hielt mitten in seiner Rede ein: »Aber wie geht denn das zu, der Herr hat ja keinen Schatten!« - »Leider! leider!« erwiderte ich seufzend. »Es sind mir während einer bösen langen Krankheit, Haare, Nägel und Schatten ausgegangen. Seht, Vater, in meinem Alter, die Haare, die ich wieder gekriegt habe, ganz weiß, die Nägel sehr kurz, und der Schatten, der will noch nicht wieder wachsen.« - »Ei! ei!« versetzte der alte Mann kopfschüttelnd, »keinen Schatten, das ist böse! das war eine böse Krankheit, die der Herr gehabt hat.«

— Заклинаю тебя именем господа бога, сгинь, злой дух, и никогда больше не появляйся мне на глаза!

Он мрачно поднялся с места и сейчас же исчез за скалами, окаймлявшими заросшую густым кустарником местность.

9

Я остался без тени и без денег, но с души у меня свалилось тяжелое бремя, я был весел. Если бы я не потерял также и любовь или если бы не чувствовал, что потерял ее по собственной вине, я думаю, я мог бы даже быть счастливым. Но я не знал, что мне делать. Я обшарил все карманы и нашел несколько золотых; пересчитал их и рассмеялся. Внизу, в гостинице, я оставил лошадей; вернуться туда я стеснялся, во всяком случае надо было подождать, пока зайдет, солнце; оно стояло еще высоко в небе. Я лег в тень ближайших деревьев и заснул спокойным сном.

В радужном сновидении сплетались в воздушные хороводы приятные моему сердцу образы. Вот пронеслась, ласково улыбаясь, Минна в венке на голове. Вот честный Бендель, тоже увенчанный цветами, радостно поклонился мне и исчез. Я видел еще многих друзей, толпившихся в отдалении, и, помнится, тебя тоже, Шамиссо. Все было залито светом, но ни у кого не было тени, и как ни странно, это выглядело совсем не плохо — цветы, песни, любовь и веселье под сенью пальмовых рощ. Я не мог удержать эти колеблющиеся, быстро уплывающие милые образы, не мог точно определить, кто они, но я знаю, что сон был мне приятен, и я боялся пробуждения; я уже бодрствовал, но не открывал глаз, стараясь подольше удержать в душе исчезающие видения.

Наконец я открыл глаза. Солнце еще стояло на небе, но на востоке: я проспал ночь. Я воспринял это как указание, что мне не следует возвращаться в гостиницу. С легким сердцем отказался я от тех моих пожитков, что там оставались, и решил, отдавшись на волю судьбы, пешком отправиться по проселочной дороге, вившейся у подножия поросших лесом гор. Я не оглядывался на то, что оставлял позади, и не думал также обращаться к богатому теперь Бенделю, хотя, конечно, мог это сделать. Я представил себя в той роли, которую мне теперь придется играть: одет я был более чем скромно. На мне была старая черная венгерка, которую я носил еще в Берлине и которая, сам не знаю как, снова попала мне под руки как раз во время данного путешествия. На голове была дорожная шапка, на ногах старые сапоги. Я встал, не сходя с места срезал на память суковатую палку и тут же отправился в путь.

В лесу мне повстречался старик, который ласково со мной поздоровался и вступил в разговор. Как любознательный путник, я расспросил прежде всего про дорогу, затем про здешние места и жителей, про богатства здешних гор и еще кое о чем в том же роде. Он разумно и словоохотливо отвечал на мои расспросы. Вместе мы дошли до русла горного потока, который опустошил целую полосу леса. Я внутренне содрогнулся, когда передо мной открылось ярко освещенное солнцем пространство. Я пропустил крестьянина вперед. Но он остановился на самой середине этого опасного места и обернулся, чтоб рассказать мне, как случилось такое опустошение. Он тут же заметил, чего мне недостает, и сразу осекся:

— Да как же это так — у вас, сударь, нет тени!

— К сожалению, это так! — со вздохом сказал я. — Во время тяжелой болезни я потерял волосы, ногти и тень. Вот, взгляните, папаша, в моем возрасте новые волосы выросли у меня седыми, ногти — короткими, а тень до сих пор никак не вырастет.

— Ишь ты, — покачал головой старик. — Без тени, ой, как скверно! Верно вы, сударь, очень скверный болезнью болели.

Aber er hub seine Erzählung nicht wieder an, und bei dem nächsten Querweg, der sich darbot, ging er, ohne ein Wort zu sagen, von mir ab. - Bittere Tränen zitterten aufs neue auf meinen Wangen, und meine Heiterkeit war hin.

Ich setzte traurigen Herzens meinen Weg fort und suchte ferner keines Menschen Gesellschaft. Ich hielt mich im dunkelsten Walde, und mußte manchmal, um über einen Strich, wo die Sonne schien, zu kommen, stundenlang darauf warten, daß mir keines Menschen Auge den Durchgang verbot. Am Abend suchte ich Herberge in den Dörfern zu nehmen. Ich ging eigentlich nach einem Bergwerk im Gebirge, wo ich Arbeit unter der Erde zu finden gedachte; denn, davon abgesehen, daß meine jetzige Lage mir gebot, für meinen Lebensunterhalt selbst zu sorgen, hatte ich dieses wohl erkannt, daß mich allein angestrengte Arbeit gegen meine zerstörenden Gedanken schützen könnte.

Ein paar regnichte Tage förderten mich leicht auf dem Weg, aber auf Kosten meiner Stiefel, deren Sohlen für den Grafen Peter, und nicht für den Fußknecht berechnet worden. Ich ging schon auf den bloßen Füßen. Ich mußte ein Paar neue Stiefel anschaffen. Am nächsten Morgen besorgte ich dieses Geschäft mit vielem Ernst in einem Flecken, wo Kirmeß war, und wo in einer Bude alte und neue Stiefel zu Kauf standen. Ich wählte und handelte lange. Ich mußte auf ein Paar neue, die ich gern gehabt hätte, Verzicht leisten; mich schreckte die unbillige Forderung. Ich begnügte mich also mit alten, die noch gut und stark waren, und die mir der schöne blondlockige Knabe, der die Bude hielt, gegen gleich bare Bezahlung, freundlich lächelnd einhändigte, indem er mir Glück auf den Weg wünschte. Ich zog sie gleich an und ging zum nördlich gelegenen Tor aus dem Ort.

Ich war in meinen Gedanken sehr vertieft, und sah kaum, wo ich den Fuß hinsetzte, denn ich dachte an das Bergwerk, wo ich auf den Abend noch anzulangen hoffte, und wo ich nicht recht wußte, wie ich mich ankündigen sollte. Ich war noch keine zweihundert Schritte gegangen, als ich bemerkte, daß ich aus dem Wege gekommen war; ich sah mich danach um, ich befand mich in einem wüsten, uralten Tannenwalde, woran die Axt nie gelegt worden zu sein schien. Ich drang noch einige Schritte vor, ich sah mich mitten unter öden Felsen, die nur mit Moos und Steinbrecharten bewachsen waren, und zwischen welchen Schnee- und Eisfelder lagen. Die Luft war sehr kalt, ich sah mich um, der Wald war hinter mir verschwunden. Ich machte noch einige Schritte - um mich herrschte die Stille des Todes, unabsehbar dehnte sich das Eis, worauf ich stand, und worauf ein dichter Nebel schwer ruhte; die Sonne stand blutig am Rande des Horizontes. Die Kälte war unerträglich. Ich wußte nicht, wie mir geschehen war, der erstarrende Frost zwang mich, meine Schritte zu beschleunigen, ich vernahm nur das Gebrause ferner Gewässer, ein Schritt, und ich war am Eisufer eines Ozeans. Unzählbare Herden von Seehunden stürzten sich vor mir rauschend in die Flut. Ich folgte diesem Ufer, ich sah wieder nackte Felsen, Land, Birken- und Tannenwälder, ich lief noch ein paar Minuten gerade vor mir hin. Es war erstickend heiß, ich sah mich um, ich stand zwischen schön gebauten Rejsfeldern unter Maulbeerbäumen. Ich setzte mich in deren Schatten, ich sah nach meiner Uhr, ich hatte vor nicht einer Viertelstunde den Marktflecken verlassen, - ich glaubte zu träumen, ich biß mich in die Zunge, um mich zu erwecken; aber ich wachte wirklich. - Ich schloß die Augen zu, um meine Gedanken zusammen zu fassen. - Ich hörte vor mir seltsame Sylben durch die Nase zählen; ich blickte auf: zwei Chinesen, an der asiatischen Gesichtsbildung unverkennbar, wenn ich auch ihrer Kleidung keinen Glauben beimessen wollte, redeten mich mit landesüblichen Begrüßungen in ihrer Sprache an; ich stand auf und trat zwei Schritte zurück. Ich sah sie nicht mehr, die Landschaft war ganz verändert: Bäume, Wälder, statt der Rejsfelder. Ich betrachtete diese Bäume und die Kräuter, die um mich blühten; die ich kannte, waren südöstlich asiatische Gewächse; ich wollte auf den einen Baum zugehen, ein Schritt - und wiederum alles verändert. Ich trat nun an, wie ein Rekrut, der geübt wird, und schritt langsam, gesetzt einher. Wunderbar veränderliche Länder, Fluren, Auen, Gebirge, Steppen, Sandwüsten, entrollen sich vor meinem staunenden Blick: es war kein Zweifel, ich hatte Siebenmeilenstiefel an den Füßen.

Но он не продолжал своего рассказа и на первом же перекрестке, не сказав ли слова, покинул меня. Горькие слезы снова выступили у меня на глазах, и бодрости как не бывало.

Печально продолжал я свой путь и больше не стремился встречаться с людьми. Я углубился в самую чащу леса, а если мне случалось пересекать пространство, освещенное солнцем, я часами выжидал, чтобы не попасться на глаза человеку. По вечерам я искал пристанища где-нибудь в деревне. Собственно я держал путь на горные рудники, где рассчитывал наняться на работу под землей, ибо понял, что только напряженная работа может спасти меня от гнетущих мыслей, не говоря уже о том, что в моем теперешнем положении мне приходилось заботиться о пропитании.

Несколько дождливых дней благоприятствовали моему путешествию, но зато пострадали мои сапоги, подметки коих были рассчитаны на графа Петера, а не на пехотного солдата. Я шел уже босиком. Пришлось приобретать новые сапоги. На следующее утро я очень серьезно занялся этим делом в местечке, где была ярмарка и где в одной лавке была выставлена на продажу подержанная и новая обувь. Я долго выбирал и торговался. Пришлось отказаться от пары новых сапог: меня отпугнула их цена, которую никак нельзя было назвать дешевой. Итак, я удовольствовался старыми, но еще хорошими и крепкими сапогами, которые с приветливой улыбкой и пожеланием счастливой дороги вручил мне за наличные смазливый белокурый паренек, торговавший в лавке. Я тут же надел их и через северные ворота вышел из города.

Я был погружен в свои мысли и не замечал, где я шагаю, потому что думал о рудниках, куда надеялся попасть сегодня к вечеру, и не знал, кем там назваться. Я не сделал еще и двухсот шагов, как заметил, что сбился с пути; я стал искать дорогу: я был в глухом, вековом бору, которого, казалось, никогда не касался топор. Я прошел еще несколько шагов: я очутился среди диких скал, поросших только мхом и каменоломом, окруженных снежными полями и ледниками. Было очень холодно, я оглянулся: лес позади меня исчез. Я сделал еще несколько шагов — вокруг царил мертвая тишина, под ногами у меня был лед; повсюду, насколько хватал глаз, простирался лед, на котором лежал тяжелый туман; солнце кровавым пятном стояло на горизонте. Холод был невыносим. Я не понимал, что со мной творится. Лютый мороз побудил меня ускорить шаги; я слышал только далекий гул воды, еще шаг — и я очутился на ледяном берегу какого-то океана. Бесчисленные стада тюленей бросились от меня в воду. Я пошел вдоль берега; опять я увидел голые скалы, землю, березовые рощи и еловые леса. Я пробежал еще несколько минут. Стало невыносимо жарко; я огляделся, я стоял среди хорошо обработанных рисовых полей и тутовых деревьев; я присел в их тени; посмотрел на часы, не прошло и четверти часа, как я оставил местечко, где была ярмарка, — мне показалось, что я сплю и вижу сон; чтобы проснуться, я укусил себя за язык; но я действительно бодрствовал. Я закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями. И вдруг я услышал, как кто-то рядом произносил в нос непонятные слоги. Я открыл глаза: два китайца, которых нельзя было не узнать по азиатскому складу лица, даже если бы их нельзя было признать по одежде, обращались ко мне на своем языке, приветствуя меня по местному обычаю. Я встал и отступил на два шага. Китайцы исчезли, весь ландшафт резко изменился: вместо рисовых полей — деревья, леса. Я смотрел на деревья и цветущие травы; те, которые были мне известны, принадлежали к растениям, произрастающим на юго-востоке Азии. Я хотел подойти к одному дереву, шаг — и опять все изменилось. Теперь я зашагал медленно и размеренно, как новобранец, которого учат маршировать. Перед моим удивленным взором мелькали чудесные, все время менявшиеся луга, нивы, долины, горы, степи, песчаные пустыни. Сомнения быть не могло: на ногах у меня были семимильные сапоги.

X.

Ich fiel in stummer Andacht auf meine Knie und vergoß Tränen des Dankes - denn klar stand plötzlich meine Zukunft vor meiner Seele. Durch frühe Schuld von der menschlichen Gesellschaft ausgeschlossen, ward ich zum Ersatz an die Natur, die ich stets geliebt, gewiesen, die Erde mir zu einem reichen Garten gegeben, das Studium zur Richtung und Kraft meines Lebens, zu ihrem Ziel die Wissenschaft. Es war nicht ein Entschluß, den ich faßte. Ich habe nur seitdem, was da hell und vollendet im Urbild vor mein inneres Auge trat, getreu mit stillem, strengen, unausgesetzten Fleiß darzustellen gesucht, und meine Selbstzufriedenheit hat von dem Zusammenfallen des Dargestellten mit dem Urbild abgehungen.

Ich raffte mich auf, um ohne Zögern mit flüchtigem Überblick Besitz von dem Felde zu nehmen, wo ich künftig ernten wollte. - Ich stand auf den Höhen des Tibet, und die Sonne, die mir vor wenigen Stunden aufgegangen war, neigte sich hier schon am Abendhimmel, ich durchwanderte Asien von Osten gegen Westen, sie in ihrem Lauf einholend, und trat in Afrika ein. Ich sah mich neugierig darin um, indem ich es wiederholt in allen Richtungen durchmaß. Wie ich durch Ägypten die alten Pyramiden und Tempel angaffte, erblickte ich in der Wüste, unfern des hunderttorigen Theben, die Höhlen, wo christliche Einsiedler sonst wohnten. Es stand plötzlich fest und klar in mir, hier ist dein Haus. - Ich erkor eine der verborgensten, die zugleich geräumig, bequem und den Schakalen unzugänglich war, zu meinem künftigen Aufenthalte, und setzte meinen Stab weiter. Ich trat bei den Herkules-Säulen nach Europa über, und nachdem ich seine südlichen und nördlichen Provinzen in Augenschein genommen, trat ich von Nordasien über den Polarglätzer nach Grönland und Amerika über, durchschweifte die beiden Teile dieses Kontinents, und der Winter, der schon im Süden herrschte, trieb mich schnell vom Kap Horn nordwärts zurück.

Ich verweilte mich, bis es im östlichen Asien Tag wurde, und setzte erst nach einiger Ruh meine Wanderung fort. Ich verfolgte durch beide Amerika die Bergkette, die die höchsten bekannten Unebenheiten unserer Kugel in sich faßt. Ich schritt langsam und vorsichtig von Gipfel zu Gipfel, bald über flammende Vulkane, bald über beschneite Kuppeln, oft mit Mühe atmend, ich erreichte den Eliasberg, und sprang über die Beringstraße nach Asien. - Ich verfolgte dessen westliche Küsten in ihren vielfachen Wendungen, und untersuchte mit besonderer Aufmerksamkeit, welche der dort gelegenen Inseln mir zugänglich wären. Von der Halbinsel Malakka trugen mich meine Stiefel auf Sumatra, Java, Bali und Lamboc, ich versuchte, selbst oft mit Gefahr, und dennoch immer vergebens, mir über die kleinern Inseln und Felsen, wovon dieses Meer starrt, einen Übergang nordwestlich nach Borneo und andern Inseln dieses Archipelagus zu bahnen. Ich mußte die Hoffnung aufgeben. Ich setzte mich endlich auf die äußerste Spitze von Lamboc nieder, und das Gesicht gegen Süden und Osten gewendet, weint ich wie am festverschlossenen Gitter meines Kerkers, daß ich doch so bald meine Begrenzung gefunden. Das merkwürdige, zum Verständnis der Erde und ihres sonnengewirkten Kleides, der Pflanzen- und Tierwelt, so wesentlich notwendige Neuholland und die Südsee mit ihren Zoophyten-Inseln waren mir untersagt, und so war, im Ursprunge schon, alles, was ich sammeln und erbauen sollte, bloßes Fragment zu bleiben verdammt. - O mein Adelbert, was ist es doch um die Bemühungen der Menschen!

Oft habe ich im strengsten Winter der südlichen Halbkugel vom Kap Horn aus jene zweihundert Schritte, die mich etwa vom Land van Diemen und Neuholland trennten, selbst unbekümmert um die Rückkehr, und sollte sich dieses schlechte Land über mich, wie der Deckel meines Sarges, schließen, über den Polarglätzer westwärts zurück zu legen versucht, habe über Treibeis mit törichter Wagnis verzweiflungsvolle Schritte getan, der Kälte und dem Meere Trotz geboten. Umsonst, noch bin ich auf Neuholland nicht gewesen - ich kam dann jedesmal auf Lamboc zurück und setzte mich auf seine äußerste Spitze nieder, und weinte wieder, das Gesicht gen Süden und Osten gewendet, wie am fest verschlossenen Gitter meines Kerkers.

В немой молитве, проливая благодарственные слезы, упал я на колени, ибо предо мной вдруг ясно предстала моя будущая судьба. За проступок, совершенный в молодые годы, я отлучен от человеческого общества, но в возмещение приведен к издавна любимой мною природе; отныне земля для меня — роскошный сад, изучение ее даст мне силы и направит мою жизнь, цель которой — наука. Это не было принятым мною решением. Просто с этой поры я трудился с смиренным, строгим, неугасимым усердием, стремясь передать то, что в ясном и совершенном первообразе видел своим внутренним оком и бывал доволен, когда переданное совпадало с первообразом.

Я поднялся и, не страшась, обвел взглядом то поле, на котором собирался пожинать урожай. Я стоял на вершинах Тибета, и солнце, восход которого я видел несколько часов тому назад, здесь уже клонилося к закату.

Я прошел Азию с востока на запад, догоняя солнце, и вступил в Африку. Я с любопытством огляделся в ней, несколько раз измерив ее во всех направлениях. Пройдя Египет, где я дивился на пирамиды и храмы, я увидел в пустыне, неподалеку от **стовратных Фив**, пещеры, в которых спасались христианские отшельники; и вдруг для меня стало ясно и несомненно: здесь твой дом. Я выбрал себе для жилья самую скрытую и в то же время поместительную, удобную и недоступную шакалам пещеру и продолжал свой путь.

У Геркулесовых столпов я перешагнул в Европу и, бегло осмотрев ее южные и северные провинции, через Северную Азию и полярные льды попал в Гренландию и Америку, пробежал по обеим частям этого материка, и зима, уже воцарившаяся на юге, быстро погнала меня с мыса Горн на север.

Я подождал, пока в Восточной Азии рассветет, и, отдохнув, двинулся дальше. Я шел через обе Америки по горной цепи, в которой расположены высшие известные нам точки земного шара. Медленно и осторожно ступал я с вершины на вершину, по пышущим огнем вулканам и снежным пикам, часто дыша с трудом; я дошел до **горы св. Ильи** и через Берингов пролив перепрыгнул в Азию. Оттуда я двинулся по ее восточному, очень изрезанному побережью, особенно тщательно обдумывая, какие из расположенных там островов могут быть мне доступны. С полуострова Малакка мои сапоги перенесли меня на Суматру, Яву, **Бали** и **Ломбок**. Я попытался, не раз подвергаясь опасности и все же безуспешно, проложить себе путь на северо-запад, на Борнео и другие острова того же архипелага, через мелкие острова и рифы, которыми ошетинилось здесь море. Я должен был отказаться от этой надежды. Наконец я уселся на крайней оконечности Ломбока и заплакал, глядя на юг и восток, ибо почувствовал себя как за решеткой тюрьмы, — слишком скоро я обнаружил положенный мне предел. Чудесная **Новая Голландия**, столь существенно необходимая для познания земли и ее сотканного солнцем покрова — растительного и животного мира, — и Индийский океан с его коралловыми островами были мне недоступны, и значит, уже с самого начала все, что я соберу и создам, обречено остаться только отрывочным знанием. О Адельберт, как тщетны усилия человека!

Часто, когда в южном полушарии свирепствовала лютая зима, пытался я пройти от мыса Горн через полярные льды на запад те двести шагов, которые отделяли меня от Земли Вандимена и Новой Голландии, не думая об обратном пути, — пусть даже этой узкой печальной полоске суши суждено сомкнуться надо мной, как крышке гроба, — с безумной отвагой отчаяния перепрыгивал я с одной дрейфующей льдины на другую, не отступая перед стужей и морем. Напрасно — я все еще не попал в Новую Голландию! Всякий раз я возвращался обратно на Ломбок, садился там на край мыса и снова плакал, глядя на юг и восток, ибо чувствовал себя как за решеткой тюрьмы.

Ich riß mich endlich von dieser Stelle, und trat mit traurigem Herzen wieder in das innere Asien, ich durchschweifte es fürder, die Morgendämmerung nach Westen verfolgend, und kam noch in der Nacht in die Thebais zu meinem vorbestimmten Hause, das ich in den gestrigen Nachmittagsstunden berührt hatte.

Sobald ich etwas ausgeruht und es Tag über Europa war, ließ ich meine erste Sorge sein, alles anzuschaffen, was ich bedurfte. - Zuvörderst Hemmschuhe, denn ich hatte erfahren, wie unbequem es sei, seinen Schritt nicht anders verkürzen zu können, um nahe Gegenstände gemächlich zu untersuchen, als indem man die Stiefel auszieht. Ein Paar Pantoffeln, übergezogen, hatten völlig die Wirkung, die ich mir davon versprach, und späterhin trug ich sogar deren immer zwei Paar bei mir, weil ich öfters welche von den Füßen warf, ohne Zeit zu haben, sie aufzuheben, wenn Löwen, Menschen oder Hyänen mich beim Botanisieren aufschreckten. Meine sehr gute Uhr war auf die kurze Dauer meiner Gänge ein vortreffliches Kronometer. Ich brauchte noch außerdem einen Sextanten, einige physikalische Instrumente und Bücher.

Ich machte, dieses alles herbei zu schaffen, etliche bange Gänge nach London und Paris, die ein mir günstiger Nebel eben beschattete. Als der Rest meines Zaubergoldes erschöpft war, bracht ich leicht zu findendes afrikanisches Elfenbein als Bezahlung herbei, wobei ich freilich die kleinsten Zähne, die meine Kräfte nicht überstiegen, auswählen mußte. Ich ward bald mit allem versehen und ausgerüstet, und ich fing sogleich als privatisierender Gelehrter meine neue Lebensweise an.

Ich streifte auf der Erde umher, bald ihre Höhen, bald die Temperatur ihrer Quellen und die der Luft messend, bald Tiere beobachtend, bald Gewächse untersuchend; ich eilte von dem Äquator nach dem Pole, von der einen Welt nach der andern; Erfahrungen mit Erfahrungen vergleichend. Die Eier der afrikanischen Strauße oder der nördlichen Seevögel und Früchte, besonders der Tropen-Palmen und Bananen, waren meine gewöhnlichste Nahrung. Für mangelndes Glück hatt ich als Surrogat die Nicotiana, und für menschliche Teilnahme und Bande der Liebe eines treuen Pudels, der mir meine Höhle in der Thebais bewachte, und wenn ich mit neuen Schätzen beladen zu ihm zurückkehrte, freudig an mich sprang, und es mich doch menschlich empfinden ließ, daß ich nicht allein auf der Erde sei. Noch sollte mich ein Abenteuer unter die Menschen zurückführen.

XI.

Als ich einst auf Nordlands Küsten, meine Stiefel gehemmt, Flechten und Algen sammelte, trat mir unversehens um die Ecke eines Felsens ein Eisbär entgegen. Ich wollte, nach weggeworfenen Pantoffeln, auf eine gegenüber liegende Insel treten, zu der mir ein dazwischen aus den Wellen hervorragender nackter Felsen den Übergang bahnte. Ich trat mit dem einen Fuß auf den Felsen fest auf, und stürzte auf der andern Seite in das Meer, weil mir unbemerkt der Pantoffel am anderen Fuß haften geblieben war.

Die große Kälte ergriff mich, ich rettete mit Mühe mein Leben aus dieser Gefahr; sobald ich Land hielt, lief ich, so schnell ich konnte, nach der Libyschen Wüste, um mich da an der Sonne zu trocknen. Wie ich ihr aber ausgesetzt war, brannte sie mir so heiß auf den Kopf, daß ich sehr krank wieder nach Norden taumelte. Ich suchte durch heftige Bewegung mir Erleichterung zu verschaffen, und lief mit unsichern raschen Schritten von Westen nach Osten und von Osten nach Westen. Ich befand mich bald in dem Tag und bald in der Nacht; bald im Sommer und bald in der Winterkälte. Ich weiß nicht, wie lange ich mich so auf der Erde herumtaumelte. Ein brennendes Fieber glühte durch meine Adern, ich fühlte mit großer Angst die Besinnung mich verlassen. Noch wollte das Unglück, daß ich bei so unvorsichtigem Laufen jemanden auf den Fuß trat. Ich mochte ihm weh getan haben; ich erhielt einen starken Stoß und ich fiel hin.

Als ich zuerst zum Bewußtsein zurückkehrte, lag ich gemächlich in einem guten Bette, das unter vielen andern Betten in einem geräumigen und schönen Saale stand. Es saß mir jemand zu Häupten;

Наконец я все же покинул этот остров и с грустью в сердце вступил на Азиатский континент; затем, догоняя утреннюю зарю, я прошел на запад и еще ночью пришел домой, в Фиваиду, откуда вышел накануне вечером.

Я немного отдохнул, но как только над Европой взошел день, сейчас же озаботился приобретением всего необходимого. Прежде всего мне нужна была тормозящая обувь, ибо я испытал, как неудобно, чтоб сократить шаги, разуваться каждый раз, когда хочешь не спеша рассмотреть близкий объект. Пара туфель поверх сапог вполне оправдала мои ожидания; впоследствии я всегда брал с собой две пары, так как часто сбрасывал туфли с ног и не успевал подобрать, когда львы, люди или гиены спугивали меня во время собирания растений. Прекрасные часы на короткое время моих путешествий вполне заменяли мне отличный хронометр. Мне не хватало еще **секстанта**, нескольких физических приборов и книг.

Чтоб обзавестись всем этим, мне пришлось со страхом в сердце совершить несколько прогулок в Лондон и Париж, к счастью как раз окутанные благоприятствовавшим мне туманом. Когда остатки волшебного золота были исчерпаны, я стал расплачиваться слоновой костью, которую нетрудно было раздобыть в Африке, причем я, конечно, выбирал самые маленькие клыки, сообразуясь со своими силами. Вскоре я был хорошо снаряжен и всем обеспечен и, не откладывая, начал новую жизнь не связанного службой ученого.

Я бродил по земле, то измеряя ее высоты, температуру воды и воздуха, то наблюдая животных, то исследуя растения; я спешил от экватора к полюсу, из одной части света в другую, сравнивая добытые опытным путем сведения. Пищей мне обычно служили яйца африканского страуса или северных морских птиц и плоды, преимущественно тропических пальм и бананов. Недостающее счастье в какой-то мере заменяла **никотиана**, а человеческое участие и близость — любовь верного пуделя, который охранял мою фиваидскую пещеру и, когда я возвращался домой, нагруженный сокровищами, радостно выбегал навстречу и по-человечески давал мне почувствовать, что я не одинок на земле. Но мне еще суждено было снова встретиться с людьми.

11

Однажды, когда я, затормозив свои сапоги, собирал на побережье Арктики лишайники и водоросли, навстречу мне из-за скалы неожиданно вышел белый медведь. Сбросив туфли, я хотел шагнуть на торчащий из моря голый утес, а оттуда на расположенный напротив остров. Я твердо ступил одной ногой на камень и бултыхнулся по другую его сторону в море, не заметив, что скинул туфлю только с одной ноги.

Меня охватил ледяной холод, с трудом удалось мне спастись; как только я добрался до суши, я во весь опор помчался в Ливийскую пустыню, чтоб обсушиться на солнышке. Но оно светило во все лопатки и так напекло мне голову, что я, совсем больной, чуть держась на ногах, опять побрел на север. Я пытался найти облегчение в движении и, неуверенно, но быстро шагая, метался с запада на восток и с востока на запад. Я попадал то в ясный день, то в темную ночь, то в летний зной, то в зимнюю стужу.

Не помню, как долго скитался я так по земле. Тело мое сжигала лихорадка; в страхе чувствовал я, что сознание покидает меня. К несчастью еще, мечась наобум, я; имел неосторожность наступить кому-то на ногу. Сильный толчок — и я упал наземь.

Когда я пришел в себя, я удобно лежал на хорошей кровати, стоявшей вместе с другими кроватями в просторной и красивой палате. Кто-то сидел у моего изголовья. По комнате от

es gingen Menschen durch den Saal von einem Bette zum andern. Sie kamen vor das meine und unterhielten sich von mir. Sie nannten mich aber *Numero Zwölf*, und an der Wand zu meinen Füßen stand doch ganz gewiß, es war keine Täuschung, ich konnte es deutlich lesen, auf schwarzer Marmortafel mit großen goldenen Buchstaben mein Name

PETER SCHLEMIHL

ganz richtig geschrieben. Auf der Tafel standen noch unter meinem Namen zwei Reihen Buchstaben, ich war aber zu schwach, um sie zusammen zu bringen, ich machte die Augen wieder zu.

Ich hörte etwas, worin von Peter Schlemihl die Rede war, laut und vernehmlich ablesen, ich konnte aber den Sinn nicht fassen; ich sah einen freundlichen Mann und eine sehr schöne Frau in schwarzer Kleidung vor meinem Bette erscheinen. Die Gestalten waren mir nicht fremd und ich konnte sie nicht erkennen.

Es verging einige Zeit, und ich kam wieder zu Kräften. Ich hieß *Numero Zwölf*, und *Numero Zwölf* galt seines langen Bartes wegen für einen Juden, darum er aber nicht minder sorgfältig gepflegt wurde. Daß er keinen Schatten hatte, schien unbemerkt geblieben zu sein. Meine Stiefel befanden sich, wie man mich versicherte, nebst allem, was man bei mir gefunden, als ich hierher gebracht worden, in gutem und sicherem Gewahrsam, um mir nach meiner Genesung wieder zugestellt zu werden. Der Ort, worin ich krank lag, hieß das SCHLEMIHLIUM; was täglich von Peter Schlemihl abgelesen wurde, war eine Ermahnung, für denselben, als den Urheber und Wohltäter dieser Stiftung, zu beten. Der freundliche Mann, den ich an meinem Bette gesehen hatte, war Bendel, die schöne Frau war Mina.

Ich genas unerkannt im Schlemihlio, und erfuhr noch mehr, ich war in Bendels Vaterstadt, wo er aus dem Überrest meines sonst nicht gesegneten Goldes dieses Hospitium, wo Unglückliche mich segneten, unter meinem Namen gestiftet hatte, und er führte über dasselbe die Aufsicht. Mina war Witwe, ein unglücklicher Kriminal-Prozeß hatte dem Herrn Rascal das Leben und ihr selbst ihr mehrstes Vermögen gekostet. Ihre Eltern waren nicht mehr. Sie lebte hier als eine gottesfürchtige Witwe, und übte Werke der Barmherzigkeit.

Sie unterhielt sich einst am Bette *Numero Zwölf* mit dem Herrn Bendel: »Warum, edle Frau, wollen Sie sich so oft der bösen Luft, die hier herrscht, aussetzen? Sollte denn das Schicksal mit Ihnen so hart sein, daß Sie zu sterben begehren?« - »Nein, Herr Bendel, seit ich meinen langen Traum ausgeträumt habe, und in mir selber erwacht bin, geht es mir wohl, seitdem wünsche ich nicht mehr und fürchte nicht mehr den Tod. Seitdem denke ich heiter an Vergangenheit und Zukunft. Ist es nicht auch mit stillem innerlichen Glück, daß Sie jetzt auf so gottselige Weise Ihrem Herrn und Freunde dienen?« - »Sei Gott gedankt, ja, edle Frau. Es ist uns doch wundersam ergangen, wir haben viel Wohl und bitteres Weh unbedachtsam aus dem vollen Becher geschlürft. Nun ist er leer; nun möchte einer meinen, das sei alles nur die Probe gewesen, und, mit kluger Einsicht gerüstet, den wirklichen Anfang erwarten. Ein anderer ist nun der wirkliche Anfang, und man wünscht das erste Gaukelspiel nicht zurück, und ist dennoch im ganzen froh, es, wie es war, gelebt zu haben. Auch find ich in mir das Zutrauen, daß es nun unserm alten Freunde besser ergehen muß, als damals.« - »Auch in mir«, erwiderte die schöne Witwe, und sie gingen an mir vorüber.

Dieses Gespräch hatte einen tiefen Eindruck in mir zurückgelassen; aber ich zweifelte im Geiste, ob ich mich zu erkennen geben oder unerkannt von dannen gehen sollte. - Ich entschied mich. Ich ließ mir Papier und Bleistift geben, und schrieb die Worte:

»Auch Eurem alten Freunde ergeht es nun besser als damals, und büßet er, so ist es Buße der Versöhnung.«

Hierauf beehrte ich mich anzuziehen, da ich mich stärker befände. Man holte den Schlüssel zu dem kleinen Schrank, der neben meinem Bette stand, herbei. Ich fand alles, was mir gehörte, darin. Ich

кровати к кровати ходили какие-то люди. Они подошли ближе и стали говорить обо мне. Меня они все время называли «Номер двенадцатый», и на стене, в ногах кровати, — нет, я не грезил, я не ошибался, — на черной мраморной доске большими золотыми буквами было совершенно правильно написано мое имя:

ПЕТЕР ШЛЕМИЛЬ

На доске под моей фамилией стояли еще две строчки, но я слишком ослаб и не мог их разобрать. Я снова закрыл глаза.

Я слышал, как кто-то громко и явственно что-то читает, как упоминается Петер Шлемиль, но смысла уловить не мог. К моей кровати подошел приветливый господин с очень красивой дамой в черном платье. Их облик был мне знаком, но припомнить, кто это, я не мог.

Прошло некоторое время, силы опять вернулись ко мне. «Номер двенадцать» — это был я; из-за длинной бороды «Номер двенадцать» был сочтен за еврея, однако от этого уход за ним был не менее заботлив, чем за другими. Казалось, никто не заметил, что у него нет тени. Мои сапоги вместе со всем, что было при мне, когда я сюда попал, находятся, как меня уверили, в полной сохранности и будут мне возвращены, когда я поправлюсь. Место, где я лежал, называлось «Шлемилиум»; то, что ежедневно читалось о Петере Шлемиле, было напоминанием и просьбой молиться за него, как за основателя и благодетеля данного учреждения. Приветливый господин, которого я видел у своей постели, был Бендель, красивая дама — Минна.

Я поправлялся в Шлемилиуме, никем не узанный, и услышал еще следующее: я находился в родном городе Бенделя в больнице моего имени, которую он основал на остаток моих проклятых денег, но здесь больные меня не кляли, а благословляли; Бендель же и управлял больницей. Минна овдовела; неудачно окончившийся процесс стоил господину Раскалу жизни, ей же пришлось поплатиться почти всем своим состоянием. Ее родителей уже не было в живых. Она вела жизнь богобоязненной вдовы и занималась делами благотворительности.

Раз, стоя у постели «Номера двенадцатого», она разговаривала с Бенделем.

— Почему, сударыня, вы так часто рискуете здоровьем, подолгу дыша здешним вредным воздухом? Неужели же судьба так к вам жестока, что вы ищете смерти?

— Нет, господин Бендель, с той поры как я доглядела мой страшный сон и проснулась, у меня на душе хорошо, с той поры я уж не хочу смерти и не боюсь умереть. С той поры я бодро смотрю на прошлое и будущее. Ведь вы тоже, выполняя такое богоугодное дело, служите теперь нашему господину и другу с спокойной сердечной радостью.

— Слава богу, да, сударыня, и как же все удивительно получилось; мы, не задумываясь, пили из полной чаши и радость и горе. И вот чаша пуста; невольно думается, что все это было только испытанием, и теперь, вооружившись мудрой рассудительностью, надо ожидать истинного начала. Это истинное начало должно быть совсем иным, и не хочется возврата того, первого, и все же в общем хорошо, что пережито то, что пережито. К тому же у меня какая-то внутренняя уверенность, что нашему старому другу сейчас живется лучше, чем тогда.

— И у меня тоже, — согласилась красавица вдова, и оба прошли дальше.

Их разговор произвел на меня глубокое впечатление; но в душе я колебался, открыться ли им или уйти не открывшись. И вот я пришел к определенному решению. Я попросил бумаги и карандаш и написал:

«Вашему старому другу тоже живется сейчас лучше, чем тогда; правда, он искупает сейчас свою вину, но это очистительное искупление».

Затем я попросил дать мне одеться, так как чувствовал себя значительно крепче. Мне принесли ключ от шкапчика, стоявшего возле моей постели. Там я нашел все мое имущество.

legte meine Kleider an, hing meine botanische Kapsel, worin ich mit Freuden meine nordischen Flechten wieder fand, über meine schwarze Kurtka um, zog meine Stiefel an, legte den geschriebenen Zettel auf mein Bett, und so wie die Tür aufging, war ich schon weit auf dem Wege nach der Thebais.

Wie ich längs der syrischen Küste den Weg, auf dem ich mich zum letzten Mal vom Hause entfernt hatte, zurücklegte, sah ich mir meinen armen Figaro entgegen kommen. Dieser vortreffliche Pudel schien seinem Herrn, den er lange zu Hause erwartet haben mochte, auf der Spur nachgehen zu wollen. Ich stand still und rief ihm zu. Er sprang bellend an mich mit tausend rührenden Äußerungen seiner unschuldigen ausgelassenen Freude. Ich nahm ihn unter den Arm, denn freilich konnte er mir nicht folgen, und brachte ihn mit mir wieder nach Hause.

Ich fand dort alles in der alten Ordnung, und kehrte nach und nach, so wie ich wieder Kräfte bekam, zu meinen vormaligen Beschäftigungen und zu meiner alten Lebensweise zurück. Nur daß ich mich ein ganzes Jahr hindurch der mir ganz unzuträglichen Polar-Kälte enthielt.

Und so, mein lieber Chamisso, leb ich noch heute. Meine Stiefel nutzen sich nicht ab, wie das sehr gelehrte Werk des berühmten Tieckius, »De rebus gestis Pollicilli«, es mich anfangs befürchten lassen. Ihre Kraft bleibt ungebrochen; nur meine Kraft geht dahin, doch hab ich den Trost, sie an einen Zweck in fortgesetzter Richtung und nicht fruchtlos verwendet zu haben. Ich habe, so weit meine Stiefel gereicht, die Erde, ihre Gestaltung, ihre Höhen, ihre Temperatur, ihre Atmosphäre in ihrem Wechsel, die Erscheinungen ihrer magnetischen Kraft, das Leben auf ihr, besonders im Pflanzenreiche, gründlicher kennen gelernt, als vor mir irgend ein Mensch. Ich habe die Tatsachen mit möglichster Genauigkeit in klarer Ordnung aufgestellt in mehreren Werken, meine Folgerungen und Ansichten flüchtig in einigen Abhandlungen niedergelegt. - Ich habe die Geographie vom Innern von Afrika und von den nördlichen Polarländern, vom Innern von Asien und von seinen östlichen Küsten, festgesetzt. Meine »Historia stirpium plantarum utriusque orbis« steht da als ein großes Fragment der Flora universalis terrae, und als ein Glied meines Systema naturae. Ich glaube darin nicht bloß die Zahl der bekannten Arten müßig um mehr als ein Drittel vermehrt zu haben, sondern auch etwas für das natürliche System und für die Geographie der Pflanzen getan zu haben. Ich arbeite jetzt fleißig an meiner Fauna. Ich werde Sorge tragen, daß vor meinem Tode meine Manuskripte bei der Berliner Universität niedergelegt werden.

Und Dich, mein lieber Chamisso, hab ich zum Bewahrer meiner wundersamen Geschichte erkoren, auf daß sie vielleicht, wenn ich von der Erde verschwunden bin, manchen ihrer Bewohner zur nützlichen Lehre reichen könne. Du aber, mein Freund, willst Du unter den Menschen leben, so lerne verehren zuvörderst den Schatten, sodann das Geld. Willst Du nur Dir und Deinem bessern Selbst leben, o so brauchst Du keinen Rat.

Explicit.

Я оделся, повесил через плечо поверх черной венгерки ботанизирку, в которой с радостью обнаружил собранный мной на севере лишайник, обул сапоги, положил записку на кровать, и не успела открыться дверь, как я уже шагал в Фиваиду.

И вот, когда! я шел вдоль Сирийского побережья по той самой дороге, по которой в последний раз отправился из дому, я увидел моего бедного Фигаро, бежавшего мне навстречу. Верный пудель, заждавшись хозяина, должно быть отправился его разыскивать. Я остановился и кликнул Фигаро. Он с лаем кинулся ко мне, бурно проявляя свою бескорыстную, трогательную радость. Я подхватил его подмышку, потому что он не поспел бы за мной, и вместе с ним возвратился в свою пещеру.

Там я нашел все в порядке и постепенно, по мере того как крепили силы, вернулся к своим прежним занятиям и к прежнему образу жизни. Только целый год избегал совершенно невыносимых тепер для меня полярных холодов.

Итак, любезный Шамиссо, я жив еще и по сей день. Сапоги мои не знают износу, хотя сперва я этого очень опасался, принимая во внимание весьма ученый труд знаменитого Тикуса «*De rebus gestis Policilli*»¹. Сила их неизменна; а вот мои силы идут на убыль. Однако я утешаюсь тем, что потратил их не зря и для определенной цели: насколько хватило прыти у моих сапог, я основательнее других людей изучил землю, ее очертания, вершины, температуру, изменения климата, явления земного магнетизма, жизнь на земле, особенно жизнь растительного царства. С возможной точностью в ясной системе я установил в своих работах факты, а выводы и взгляды бегло изложил в нескольких статьях. Особенное значение я придаю своим исследованиям земного магнетизма. Я изучил географию центральной Африки и Арктики, Средней Азии и ее восточного побережья. Моя «*Historia stirpium plantarum utriusque orbis*»² является значительной, частью моей же «*Flora universalis terrae*»³ и одним из звеньев моей «*Systema naturae*»⁴. Я полагаю, что не только увеличил, скромно говоря, больше чем на треть число известных видов, но, кроме того, внес свой вклад в дело изучения естественной истории и географии растений. Сейчас я усердно тружусь над фауной. Я позабочусь, чтобы еще до моей смерти мои рукописи были пересланы в Берлинский университет.

А тебе, любезный Шамиссо, я завещаю свои необычайные приключения, дабы, когда я уже покину сей мир, они могли послужить людям полезным назиданием. Ты же, любезный друг, если хочешь жить среди людей, запомни, что прежде всего тень, а уж затем деньги. Если же ты хочешь жить для самоусовершенствования, для лучшей части своего «я», тогда тебе не нужны никакие советы.

1813

¹ «О деяниях мальчика с пальчика» (лат.).

² «История видов растений Старого и Нового света» (лат.).

³ «Вся флора земного шара» (лат.).

⁴ «Система природы» (лат.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть «Необычайные приключения Петера Шлемиля» увидела свет в 1813 году. Ее герою Шамиссо придал некоторые автобиографические черты. Однако глубокий философский смысл этой символической повести выводит ее за пределы иронически переосмысленной автобиографии. Интересно происхождение имени главного героя.

В первой редакции повести героя звали не Петер, а В. А. Шлемиль; существует предположение, что «В. А.» — это переставленные инициалы А. В. Шлегеля, одного из вождей немецкого реакционного романтизма, в адрес которого сатирически направлена вся повесть Шамиссо.

Объясняя имя своего героя, Шамиссо писал в письме от 17 марта 1821 года брату своему Ипполиту, переводчику повести на французский язык:

«Шлемиль, или, вернее, Шлемиель, — еврейское имя; оно значит то же, что Готлиб, Теофиль или *aimé de Dieu**. В обиходной речи евреев это имя служит для обозначения неловких или неудачливых людей, которым в жизни не везет. Такой Шлемиль ломает палец, сунув его в жилетный карман, он падает навзничь и ухитряется при этом сломать себе переносицу, он всегда является некстати. О Шлемиле, имя которого вошло в поговорку, в Талмуде говорится, будто он состоял в связи с женой раввина, был застигнут на месте преступления и убит. Комментарий обращает внимание на бедствия Шлемиля, который должен дорого платить за то, что другому сошло бы безнаказанно». (Письмо это впервые напечатано в книге К. Фульда «Шамиссо и его время», Лейпциг, 1881.) См. в связи с этим стихотворение Г. Гейне «Иегуда бен Галеви» из цикла «Еврейские мелодии».

Слово «Шлемиль» из еврейского языка проникло в немецкий со значением «горемыка», «растяпа».

...в нашу «зеленую» эпоху... — намек на издаваемый друзьями Шамиссо «Альманах муз», который они называли «зеленым».

...нашему Фуке... — Барон Фридрих де ла Мотт-Фуке (1777-1843) — поздний немецкий романтик, автор фантастических рыцарских романов и знаменитой сказки «Ундины», близкий друг Шамиссо. Он без разрешения автора впервые опубликовал рукопись, первоначально предназначенную лишь для распространения среди узкого круга лиц.

Жан-Поль — псевдоним Иоганна-Пауля Рихтера (1763-1825), известного немецкого сатирика и юмориста.

...возможно, упоминаются и ныне здравствующие люди... — Образу Шлемиля Шамиссо придал автобиографические черты, одновременно сатирически направляя его против А. В. Шлегеля. Слуга Бендель имел прототипом близкого друга автора — Гитцига. Образы Фанни и Минны восходят, как это доказали биографы и исследователи творчества Шамиссо, к возлюбленной автора — С. Дюверне.

Леопольд — мало известный литограф и гравер, современник Шамиссо.

...бесконечный простор океана — Действие происходит в Гамбурге.

Доллонд — подзорная труба (по имени английского оптика XVIII века Джона Доллонда).

Разрыв-трава и проч. — Здесь перечисляются популярные мотивы немецких народных сказок и легенд. В цитированном выше письме к брату Ипполиту от 17 марта 1821 года Шамиссо сам разъясняет своему переводчику на французский язык: «Разрыв-трава открывает все двери и отпирает все замки. Ее знает черный дятел (*picus martius*). Он вьет себе гнездо в дупле деревьев; когда он улетает, нужно заткнуть дыру. Он достает травку, чтобы попасть к себе в

* «любимый богом». — *Ред.*

гнездо, его надо поймать и отнять траву. *Alraunwurz* — это, кажется, мандрагора. О нем есть много разных рассказов; его очень трудно раздобыть; он помогает находить клады. Пфенниги-перевертыши — это медные денюжки, которые всякий раз, как их переворачиваешь, производят золотую монету. Талер-добытчик — это талер, который неизменно возвращается к своему хозяину и приносит ему все монеты, с которыми он соприкоснулся. Скатерть-самобранка покрывается сама всеми блюдами, которые только потребуешь от нее... Чертик в бутылке... исполняет все, что тебе угодно и что ты ему прикажешь. Его можно купить за деньги, но продать его можно лишь за более низкую цену, чем та, что ты за него дал. Он имеет право завладеть своим последним хозяином, который не в силах от него отделаться, потому что цена стала слишком низкой».

Волшебная шапка Фортунато и его кошелек взяты из народной книги об этом герое. Шапка делает человека невидимым, кошелек всегда содержит неиссякающий запас золотых монет.

Галлер, Гумбольдт, Линней — Галлер Альбрехт (1708-1777) — швейцарский естествоиспытатель; Гумбольдт Александр (1769-1859) — немецкий путешественник и естествоиспытатель; Линней Карл (1707-1778) — выдающийся шведский натуралист.

«Волшебное кольцо» — рыцарский роман де ла Мотт-Фуке, который создал популярность автору.

...некоего Бенделя... — Это имя носил и слуга Шамиссо, сопровождавший своего хозяина во время военной кампании 1806 года.

Подобно Фаффнеру, стерегущему клад... — В немецких легендах Фаффнер — дракон, стороживший клад и убитый сказочным богатырем Зигфридом.

Раскал — В письме к брату Шамиссо подчеркивал, что это имя выбрано им для одного из своих персонажей потому, что слово «gascal» значит на английском языке «мошенник», «подлец».

Дублон — старинная испанская золотая монета (7,5 грамма золота).

Мир никогда не имел основания жаловаться на недостаток монархов, а в наши дни особенно... — Иронический намек на реальную обстановку 1813-14 годов в Европе. Как известно, Наполеон сознательно дробил европейские государства, создавая повсюду микроскопические монархии, тем самым осуществляя свой политический принцип — «разделяй и властвуй».

Дочь превратилась, подобно Аретузе, в ручей слез... — В греческой мифологии Аретуза — нимфа, которая, спасаясь от преследовавшего ее речного бога Алфея, превратилась в источник.

Гнездо-невидимка — распространенный мотив в немецкой народной сказке.

Стовратные Фивы — один из самых знаменитых городов древнего Египта, от которого сохранились ныне величественные развалины. В окрестностях его (так называемой Фиваиде) в первые века н. э. жили христианские отшельники.

Гора св. Ильи — одна из самых высоких гор Аляски.

Бали — самый западный остров Малого Зондского архипелага.

Ломбок — один из островов Малого Зондского архипелага.

Новая Голландия — старинное название Австралии.

Секстант — угломерный инструмент, применяющийся при наблюдении высот небесных светил для определения местонахождения корабля.

Никотиана — табак.

...труд знаменитого Тикууса... — Имеется в виду повесть немецкого романтика Людвиг Тика: «Жизнь и деяния маленького Томаса, по прозвищу «Мальчик с пальчик» (1811). У Тика тоже фигурируют семимильные сапоги; но после каждой починки они теряли одну милю, так что в конце концов превратились в обычные сапоги. У Шлемиля сапоги не теряют своих волшебных свойств.

Е. Эткинд